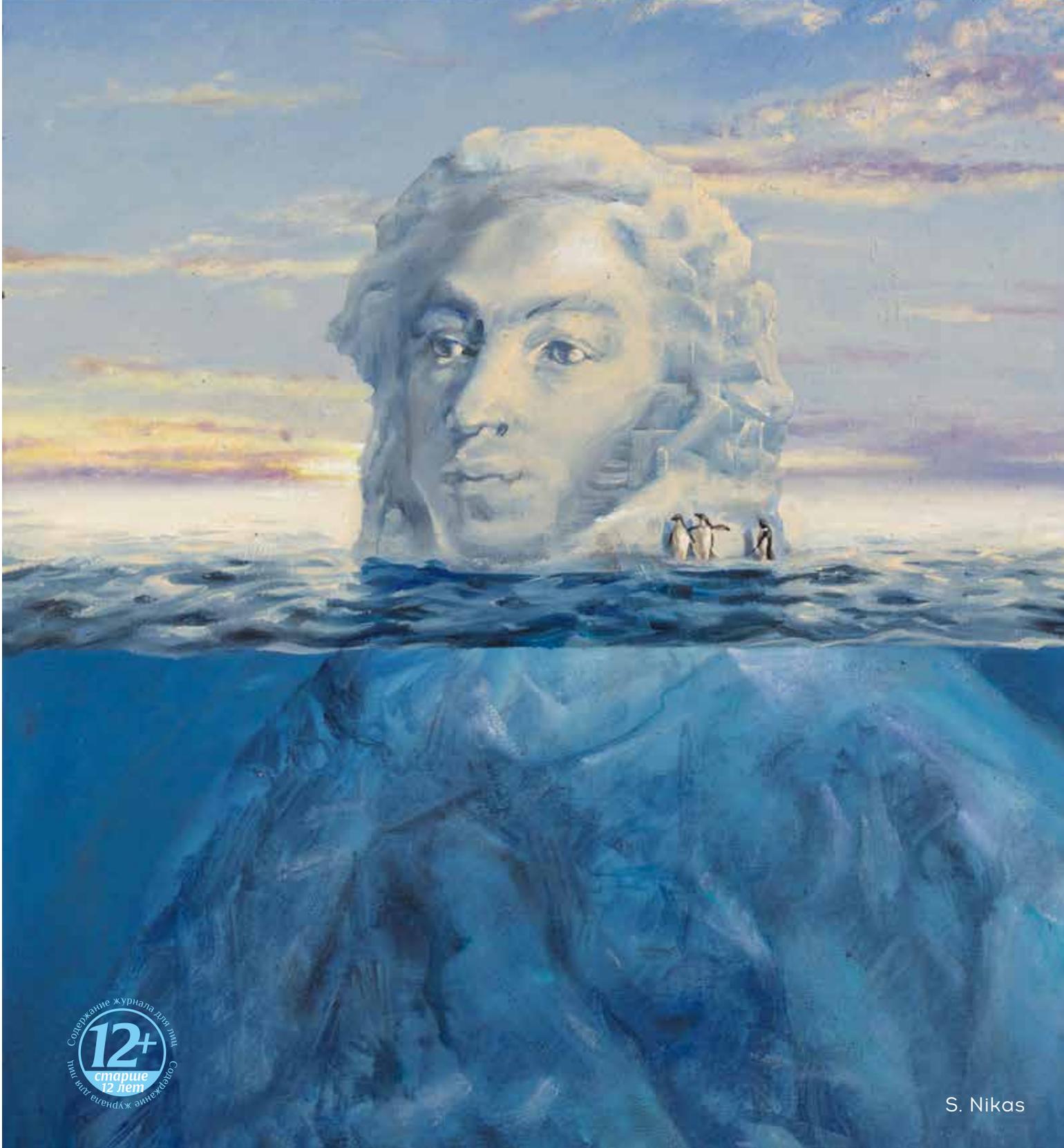


# АЛЕКСАНДРЪ



ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 1 (64)  
январь, 2022



S. Nikas



## **ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ-ЧИТАТЕЛИ!**

От всей души поздравляю вас с наступившим Новым годом!

Пам'ятаю слово, данное в начале прошлого года, о раскрытии вам талантов в российских регионах, мы открываем новый литературный год публикацией произведений дальневосточных авторов, входящих во Владивостокское отделение Союза писателей России.

До этого номера журнала мы знакомили вас, уважаемые читатели, с творчеством дальневосточников, но это были небольшие, отдельные вкрапинки в общем объеме публикуемой литературы. Сейчас же стоит с гордостью отметить, что январский «Александръ» максимально показывает разнообразие, красоту и неповторимость дальневосточной литературы. Я сделал для себя множество открытий при подготовке этого номера. Не будет преувеличением отметить, что писатели-дальневосточники обладают собственной философией, отличающей их от жителей основной, материковой части России, что, несомненно, вызывает большой интерес, желание познать этот край и людей, проживающих в нём.

Особые слова благодарности хотелось бы передать Анастасии Николенко, принявшей непосредственное участие в сборе материала для этого «Александра».

Желаю вам, дорогие друзья, много замечательных открытий в новом, 2022 году!

**Анатолий ТРУБА,**  
**директор – главный редактор**



### **ДОБРЫЙ ДЕНЬ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И КОЛЛЕГИ!**

Нам очень приятно, что Приморское отделение Союза писателей России имеет честь представить своих авторов в литературно-историческом журнале «Александръ».

Наше отделение, образовавшееся в далёком 1949 году, всегда стремилось активно участвовать в литературном процессе и создавать произведения, актуальные во все времена, кроме этого, развивать свою деятельность в патриотическом ключе.

Для приморских литераторов темы «новой» земли, освоения пространства, жизни в отдалении и в преодолении, темы «инаковости» всегда были очень интересны, так как реалии Дальнего Востока отличаются особым колоритом. Кроме того, край земли, находящийся у самого синего и солёного моря, наделён особой романтикой и атмосферой.

Существование в рамках воссоздания традиций и постоянной смены обстоятельств для жителей Приморья, а следовательно, и писателей – состояние перманентное и в какой-то мере привычное, поэтому изменения современного мира наиболее тонко ощущаются в Азиатско-Тихоокеанском регионе, процессы, в том числе общественные, позволяют раскрыть образ мира, не находящегося в состоянии стабильного поступательного развития, а испытывающего волнообразные изменения. Герои и антигерои, образы в прозе и поэзии приморских авторов как раз и отражают изменчивость мира, его сложность и многообразие, и это то, что поэзия и проза Приморья может привнести в литературу современности, в том числе и с помощью представленных здесь произведений.

Благодарим коллектив журнала «Александръ» за возможность представить творчество наших авторов!

Открывайте для себя новое! Приглашаем окунуться в мир приморской поэзии и прозы!

**Александр ТКАЧУК,  
председатель Приморского отделения Союза писателей России**



САМЫЙ БОЛЬШОЙ  
ЗОЛОТОЙ ПУШКА

*Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации*

**Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.**

**Главный редактор** – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

**Шеф-редактор** – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

**Редколлегия:**

**В. С. Аршанский** (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

**Н. Ф. ИВАНОВ** (Москва), председатель правления Союза писателей России;

**Г. В. ИВАНОВ** (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

**Т. Н. ВОРОНИНА** (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

**В. И. ГАЗЕТОВ** (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

**В. Т. ДОРОЖКИНА** (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

**В. А. КАЗМИН** (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

**Л. В. КОЛПАКОВ** (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

**В. Г. КОРЗУН** (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

**С. И. КОТЬКАЛО** (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

**И. М. КУЛИКОВ** (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

**Р. С. ЛЕОНОВ** (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

**Ю. М. ПОЛЯКОВ** (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

**Г. Н. ПОПОВА** (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

**Никас САФРОНОВ** (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

**С. А. ТРАХИМЁНОК** (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

**А. Н. ЧУМИКОВ** (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

## **ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (64), январь 2022 г.**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.01.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: [truby.anatoly@yandex.ru](mailto:truby.anatoly@yandex.ru)

Адрес сайта: [www.alexlib.ru](http://www.alexlib.ru)

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: [izdomich@inbox.ru](mailto:izdomich@inbox.ru)

ISSN 2542-0135



# В НОМЕРЕ:

## ТЕМА НОМЕРА

**6** Приморская краевая писательская организация – 70 лет в строю!

## ДУШЕВНОЕ

**10** Александр Ткачук.  
Холодно без тебя

## СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

**16** Николь Воскресная.  
Морская пена

## АФОРИЗМЫ

**20** Александр Яковец.  
Одной строчкой – в точку

## ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

**22** Елена Александренко

## ЖИТЕЙСКОЕ

**26** Юрий Меринов.  
Испытание на прочность

## ПОЭЗИЯ

**38** Виктор Пастухов.  
Испытание

## РАЗМЫШЛЕНИЯ

**47** Александр Быков.  
Азарт

## ЛИРИЧЕСКОЕ

**53** Татьяна Прудкогляд.  
Про счастье

**55** Раиса Мороз

## ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

**58** Геннадий Богданкевич

**59** Юлия Королёва-Воробьева

**61** Владимир Иванов

## ПРОЗА

**Вера Лисица.**

**63** Любвеобильный Генка

**65** Душевая история

**67** Станислав Кабелев.

Тайна бохайского меча

## КЛАССИКИ

**71** Дина Усатая.  
А это было?.. Было... Было!..

## МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

**76** Виктор Фёдоров.  
Пятачок

**83** Василий Тарасенко.  
Тёмные дали

## ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

**90** Татьяна Никитина.  
Иконы Богородицы Новодворская (Суражская) и «Спасительница утопающих»

## ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

**94** Александр Сергеев.  
Заслуженные награды





## 70 ЛЕТ В СТРОЮ!

Приморской краевой писательской организации в 2019 году исполнилось 70 лет. Удивительно быстро бежит время. История относит нас к 11 августа 1949 года, когда на базе приморской группы Дальневосточного отделения Союза советских писателей была создана самостоятельная Приморская писательская организация во главе с её ответственным секретарём Г. Г. Халилецким. Однако писательская организация Приморья создавалась не на пустом месте. Её появлению в культурной и общественно-политической жизни способствовала деятельность многих мастеров пера, как уже широко известных в России, так и делающих свои первые шаги на литературном поприще. Об этом подробно описано в книге С. Ф. Крившенко «Писатели Приморья» (издательство Дальневосточного государственного университета, 2006). Достаточно привести имена Сергея Васильевича Максимова, Николая Петровича Матвеева, Павла Ивановича Гомзякова и других. Свой след на берегах Тихого океана оставили К. М. Станюкович, И. А. Гончаров, А. П. Чехов, А. Я. Максимов. В этих местах творили Н. М. Пржевальский, В. К. Арсеньев, П. Л. Далецкий. В 1918 году во Владивостоке возникает литературно-художественное общество, объединившее творческую интеллигенцию города, начинает издаваться журнал «Творчество». В 30-е годы прошлого столетия создаются произведения военно-патриотического направления: «Граница на замке» (Н. Костарев, 1930), «Приключения катера "Смелый"» (С. Диковский, 1938), выходит сборник стихов А. Артёмова «Тихий океан» (1939).

В связи с образованием Приморского края в 1939 году во Владивостоке создаётся приморская группа, которая выделилась из Дальневосточного отделения Союза писателей СССР. Был создан оргкомитет, начата работа над подготовкой литературного альманаха «Советское Приморье», первый номер которого вышел в 1941 году. Дальнейшему развитию литературы помешала начавшаяся война. Смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной пали поэты Георгий Корешов, Вячеслав Афанасьев, Александр Артёмов, прозаики Александр Никулин, Александр Фетисов. В годы войны вся литературная жизнь края концентрируется вокруг газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта», на страницах которой публикуются литераторы. В 1944 году вышел второй номер альманаха «Советское Приморье» (редактор – Н. Колбин).

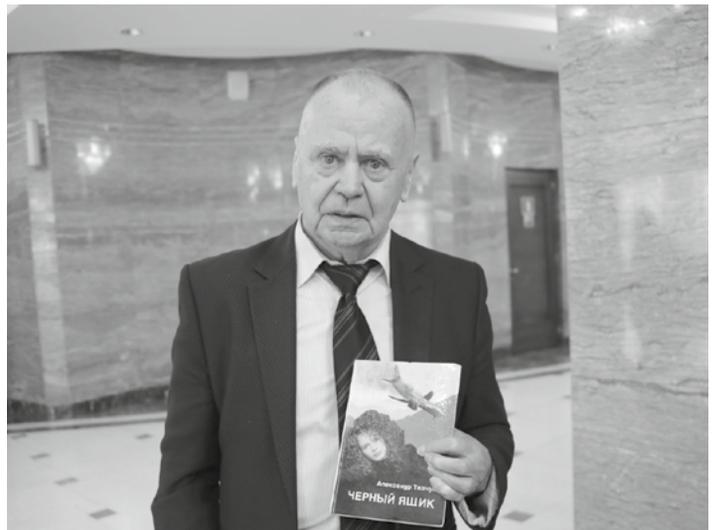


Патриотическая тема звучит в стихах, очерках, рассказах, публикуемых на страницах газет.

Литературная жизнь края заметно оживилась по окончании войны. Выходит книга поэта-фронтовика Георгия Корешова «Океанский ветер» (1946), которую поэт готовил ещё до войны, куда вошли и стихи военных лет. Характерное название имела книга стихов С. Холодного «Человек пришёл с войны». Публикуются повесть М. Самунина «Простые люди», сборник стихов Г. Халилецкого, повесть «"Перекоп" ушёл на юг» В. Кучерявенко. Значительным событием стал выход в местном издательстве 6-томного собрания сочинений В. К. Арсеньева (1947–1948).

После создания Приморского отделения Союза советских писателей в г. Хабаровске состоялась первая творческая конференция писателей Дальнего Востока; через год во Владивостоке проводится первая творческая конференция писателей и литературного актива Приморья. Своеобразие творчества местных писателей предопределялось зачастую географическим, если можно так сказать, фактором – близостью к океану, морской судьбой героев книг, просторами приморских земель, богатейшими запасами ископаемых. Гордостью писательского цеха 50–60-х годов стали произведения: О. Щербановского «Ловцы трепангов», Г. Халилецкого «Большое плавание», М. Самунина «Ханкайская долина», С. Балабина «Приискатели», появляются первые сборники стихов лауреата премии Приморского комсомола поэта Бориса Лапузина и других.

Заметный след в приморской литературе оставил Лев Николаевич Князев. Его повести «Поворот на 16 румбов», «Последняя капля», «Время любить», «Капитанский час», «Морской протест» стали заметным явлением не только региональной, но и всей отечественной литературы. Участник Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии писателей России, почётный гражданин Владивостока, он долгие годы возглавлял краевую писательскую организацию. На доме, где жил патриарх приморской литературы, установлена памятная доска.



Особое место в становлении писательской организации края принадлежит Сергею Филипповичу Крившенко. Педагог, доктор наук, заведующий кафедрой русской литературы XX века и истории литературы Дальневосточного государственного университета за свою жизнь написал более 400 работ, был внимательным другом и критиком, дал путёвку в жизнь многим авторам. Им был подготовлен первый в истории писательской организации справочник «Писатели Приморья», изданный уже после его смерти в 2006 году.

Многие годы жил и плодотворно трудился в селе Красный Яр Пожарского района удэгейский писатель, работник культуры, фольклорист, сказочник, создатель национального музея Николай Семёнович Дункай. Самобытный язык, знание истории и обычаев своего народа сделали его книги своеобразной летописью жизни коренного народа края. В память о Н. С. Дункае в школах Пожарского района ежегодно проводятся литературные конкурсы и сочинения по произведениям автора.

Приморье – край пограничный. Основная тематика в творчестве прозаика Анатолия Смирнова и поэта Николая Копченко – люди границы. В Приморье начинал свою писательскую деятельность и был принят в Союз писателей Александр Плетнёв, автор повести «Дивное дело» и романа «Шахта».

Арсеньевско-пришвинскую традицию (человек и природа) невозможно представить без произведений Олега Шумкова, Юрия Вознюка, Бориса Жиденкова. В последующие годы эту тему творчески развивали Михаил Деменок – автор замечательных книг об уссурийской тайге – и Владимир Тройнин – автор книг о бабочках, китах и тиграх.

Весомым является вклад в детско-юношескую литературу прозаика из г. Спасска-Дальнего Александра Бачурина. Его историко-художественные произведения посвящены истории Дальнего Востока и Приморского края. Это повести: «У ханкайских плёсов», «Сказание о Муравьёве-Амурском», «Преображение лазоревое», «Когда розы плачут», «Град Спасов поставил» и другие.

Среди тех, кто пополнил ряды писательской организации в 1990-х – начале 2000-х годов, следует назвать писателя, исследователя и путешественника Станислава Кабелева, прозаиков, работающих в детективном жанре, Александра Ткачука и Александра Бондаря (Бондаренко), поэтессу Елену Александренко, прозаика и путешественника Валерия Болотова, поэтов и прозаиков Александра Киреева и Николая Тертъшного, поэтессу Елену Обоймину, автора поэтических сборников и песенных дисков Татьяну Прудкогляд, документалиста Геннадия Турмова.

На перекрёстке двух столетий Приморская краевая писательская организация является самой многочисленной по количеству стоящих на учёте членов Союза писателей России во всём Дальневосточном федеральном округе. Авторами Приморья ежегодно издаётся самое большое количество книг в пересчёте на число потенциальных читателей; мастерами пера Приморского края ежегодно на различных книжных выставках-ярмарках завоёвывается наибольшее число призовых мест за созданные и выпущенные книги.

Во главе Приморской писательской организации в различные годы стояли Г. Г. Халилецкий (1949–1956), М. Н. Самунин (1956–1967), М. И. Матюшин (1967–1973), Л. Н. Князев (1973–1986, 1989–1990, 1996–1998), В. А. Дудко (1987), В. И. Тыцких (1990–1996), А. А. Ткачук (с 1998 – по настоящее время).

Писатели края всегда стремятся быть художественными летописцами эпохи, запечатлеть героев и антигероев своего времени. Приморская писательская организация за годы своего существования испытывала взлёты и падения, но никогда не оставалась в стороне от жизни общества, всегда стремилась идти в ногу со временем.

**Правление Приморского отделения  
Союза писателей России**



# АЛЕКСАНДРЪ





## Холодно без тебя

РАССКАЗ



**Александр ТКАЧУК**

На утреннем обходе лечащий врач без обычной дотошности осмотрел выздоравливающего боцмана Егора Мартынова и кивнул сопровождавшей его сестре:

– Мариночка, будем считать, что наш пират, простите, боцман, созрел для вольной жизни. Готовьте документы, завтра выпишем.

– А меня, Борис Антонович? – спросил, вытягивая шею, сидевший на другой койке пожилой человек с высушенным болезнью лицом и жёлтыми белками лихорадочно блестящих глаз.

– Рекомендую не торопиться, – обернулся к нему врач. – Пока здесь ещё лечат даром. – Егор Петрович, после обхода прошу ко мне в ординаторскую: есть небольшой инструктаж на прощание, – сказал доктор и вышел, сопровождаемый сестрой.

– Хороший нам доктор попался, просто удачный, – сказал сосед боцмана, когда врач



ушёл. – Уж поверь, Егор, мне частенько приходилось валяться по больничным койкам: печень-то, видишь, что твой футбол раздулась, – он осторожно погладил выступающий под пижамой правый бок.

Старик начал рассказывать какую-то историю, от которой Егору стало тоскливо, он откинулся на подушку, невежливо отвернулся к стене.

– Ты, Егор, прости меня, старика, очень я любопытный, – скрипел между тем сосед боцмана. – Я потому и кроссворды составляю, некоторые послал в Москву на «Поле чудес». Так, для интереса, а они возьми и вызови меня: мол, приезжайте, поучаствуйте, в «Поле чудес» – всё возможно: раз – и выиграете БМВ... Поле чудес! Кому не известно с детства, где это поле, – оно в Стране дураков, они же русских дураками считают. Слышь, Егорка, я это к чему интересуюсь: к тебе давеча две дамы приходили. Одна – та сразу пришла, как тебя доставили с инсультом, и больше не приходила. А другую я раз несколько видел. Молодая такая, красавица. Хотя и та, первая, интересная женщина, видно, что серьёзная, самостоятельная. Может, скажешь, какая из них твоя супружница?

– Зачем вам, Сергей Сергеич? – усмехнулся боцман, поворачиваясь на спину.

Старик развёл худыми руками:

– Не обижайся, Егор. Ну любопытный я, прости старого дурака. Здесь тоже кроссворд получается, я его как в своих глазах вижу: по вертикали, значит, одно слово из четырёх букв. Означает: подруга сердца и начальница на всю жизнь. Легко угадать. ЖЕНА. Же-на. Тут же по вертикали слово из четырёх букв: подруга сердца, и не начальница, и не на всю жизнь... Угадаешь?

– Эх, друг ты мой ситный, Сергей Сергеич, – хмыкнул боцман. – Не будь мы в палате, я б тебе по-другому сказал, а здесь только попрошу: не лез бы ты, батя, мне в душу, без тебя муторно...

И он снова отвернулся к стене. Что они имеют в виду, эти доктора?..

Когда-то Егор принесил передачи в краевую больницу другу, того положили на срочную операцию по поводу прямой кишки. Ввели эту

самую кишку в другое место. Друг смотрел на Егора ищущими ответа и поддержки глазами, а Егор глядел на его сухие губы, на заострившийся нос и думал: «Господи, ведь ты умираешь...»

И теперь, быть может, такой же «особый» разговор?.. Кстати, какие четыре буквы? На четырнадцатом году жизни с любимой женой Катей – и вдруг вертикаль...

А как начиналось?.. Подпирал однажды с приятелем в матросском клубе на танцах стенку: стеснялся своего двухметрового роста. И вдруг она улыбается... Смелая была.

После уж, когда провожал, спросил:

– Как не побоялась?

– Да вижу, стоит парень, вот-вот уйдёт, где потом искать такого Добрыню? А-а, была не была!

Стали для Егора увольнения праздниками. Совсем не такой представлял Егор свою невесту... Мало ли красоток с носиками, с талиями, полными бюстами и широкими жадными ртами – что резинку жевать, что сигарету смолить. Порхали и в ту пору разукрашки с едва прикрывающими задки юбчонками, грязными шейками, гарцевали на причале возле вернувшихся из похода кораблей, встречая истосковавшихся по берегу матросиков. «Откуда пришли, мальчишки? О-о, значит, есть и баксы? Ну что, гони четвертную и пошли, хоть за штабель, хоть на сопку». А сейчас этих красулек развелось – спасу нет: и тебе ночные заведения, и салоны удовольствий, ароматы, массажи, только помани – и поглядят, и поцелуют – и все дела.

Катерина жила одна в частном домике на мысе Чуркина с мамой, не старой ещё, но больной, окончательно сломленной женщиной. Отца она почти не помнила. Зимой шестидесятого двенадцатибалльный шторм в Бристольском заливе опрокинул четыре обледеневших рыболовных траулера. Погибли все рыбаки. Катиного отца сняли живым с кия его судна, но организм всё-таки не выдержал переохлаждения. И осталась Мария Александровна с двухлетней Катюшкой мыкать вдовью долю и слёзно просила дочь, чтобы не выходила замуж за моряка. После школы Катя окончила курсы крановщи-

ков, работала в порту, училась на вечернем отделении политехнического института.

Демобилизовался Егор женатым человеком, устроился матросом в «Востокрыбхолодфлот», и началась морская жизнь: неделю дома – полгода в рейсе. Родился Ванюшка, потом Павлик. Катя уже не работала, но учиться не бросила, получила диплом инженера и, чуть подросли сыновья, поступила на работу мастером стройучастка.

Был Егор в рейсе, когда умерла болезная его любимая тёща.

Получил где-то чуть ли не возле Чили радиограмму и будто увидел свой маленький домишко на мысе Чуркина и услышал шаркающие шаги Марии Александровны. Вспомнил и то, что за полтора десятка лет ни разу, ни словом, ни намёком, не осудила она его, если разобраться, чужого ей человека. А ведь было не раз, что могла Мария Александровна вмешаться, как вмешиваются тёщи в других семьях, защищая от зятей вроде бы то дочь, то внуков, а фактически свои амбиции. Припомнил всё это – и с болью сердечной осознал, что пока тралил по бристольским и новозеландским банкам, проходила жизнь дома, на мысе Чуркина, и всё было в порядке. Но вот ушло из жизни то тихое и доброе, что крепило семью, воплощалось в образе матери Катюши.

Пришёл он в тот раз домой: встретила его Катя с двумя сыновьями, Ваняткой (видать, пошёл в Катину породу) и догнавшим старшего брата по росту Павликом – рослым и крепким, как отец.

Пришли домой. Потом был ужин.

– Егорушка, – тихо сказала Катя, – ребята взрослые, им отцовская рука нужна. А где она, эта рука, Егор? Ты пришёл – ушёл, отметился, словно гость, – и снова в море. Пора тебе завязывать с морями. Помнишь, что ты в женихах мне обещал? Как обустроимся, будешь искать работу на берегу.

– А что я буду делать на берегу? – сказал Егор, отстраняясь от жены. – Я ведь ничего, извини, кроме узлов и брашпильей не умею...

Разбудил Егора голос медсестры Марины:

– Больной, вас ждёт врач.

В коридоре, перед дверью ординаторской, он задержался. И вдруг дверь открылась, из кабинета вышла та, что перевернула ему жизнь в последние два года. Он тотчас забыл про недавние грёзы, куда-то отодвинулись заботы о сыновьях.

– Золиночка, спасибо. Меня Боря вызвал на инструктаж перед выпиской. Подождёшь минут пятнадцать?

Глаза её ушли куда-то вбок:

– Егор Петрович, вы идите. Всё остальное потом... Да, я там письмо оставила у Бориса Антоновича, на досуге прочтите.

Борис Антонович посадил его на стул перед собой и размеренным голосом заговорил о том, что надо помнить человеку, пострадавшему от инсульта:

– О том, что не пить, не курить ни при каких обстоятельствах, вам известно? Очень хорошо. Силы воли хватит?

– Среди тысячи недостатков у меня есть одно достоинство, – улыбнулся боцман. – Я должен сказать себе только один раз «нет». Если нет, значит, нет.

– Это уже хорошо, – сказал доктор, кладя в пепельницу окурки. – А я вот, представьте, курю: жду, наверное, тоже своего часа, когда Господь Бог шандарахнет. И вот ещё что. Не перегружаться. А теперь – мужской разговор. Вы как, парень сильный?

– Да вроде ничего, – насторожился Егор.

– Как у вас насчёт потенции?

– Это насчёт «панера», что ли, доктор? – рассмеялся боцман. – Извините, панер – это когда якорь оторвался от грунта и канат-цепь висит вертикально... Да вроде бы такого не приключалось.

– Прекрасно! Ну вот что, дорогой пират. Вёл ты себя перед больницей самым неприличным образом. Работал, видимо, за двадцатилетнего юнца, подогревал себя спиртным, оттого и приключился инсульт. Теперь хочу предупредить по-мужски. Вполне вероятно, что в первое время насчёт гигантских возможностей придётся, кхм, позабыть. Вероятен и... как вы сказали?... Да, панер. Если женщина поймёт,



то постепенно восстановите былую мощь. Но у моряков, как вы знаете, бывает по-другому. Жена расхохоталась, подкусила недобрым словом – и панер ваш закрепится навсегда.

– Это что, доктор, значит, я уже и не мужчина? – хрипло проговорил боцман. – Мне такая жизнь не нужна.

В висках у него застучало, в груди стеснило дыхание. Врач поспешно встал, приоткрыл дверь, позвал сестру. Пришла Марина, сделала Егору укол. Затем врач сказал своим будничным голосом:

– Держите себя в руках. Надежда на поправку есть.

В палате он вспомнил о письме, достал его из кармана повешенной на стул пижамы. Разорвал дрожащими, непослушными руками конвертик, оттуда выпал клочок бумаги.

«Дорогой Егор, прости меня и пойми. Доктор сказал мне всё. Мне двадцать пять лет, и я хочу жить полной здоровой жизнью. Мне с тобой было очень хорошо, но доктор дал понять, что у тебя могут быть проблемы и тебе нужна терпеливая, любящая женщина. А ты знаешь, какая я ненасытная... Поэтому будет лучше, если мы расстанемся. Прости меня и прощай. Золина.

Р. С. Да, я встречалась с твоей законной женой. Она чудная женщина и очень красивая. А сыновья просто прелесть. Мне кажется, они тебя очень любят, приготовились тебя встречать после выписки. Желаю!»

Ночью он думал о жизни. Слово «панер» не выходило из головы. Панер... Пионер... Замер... Не поэт, а строчки так и лезут: «Думал я, как пионер, попробовал – панер...» И всё в том же духе. И ещё вспоминал, как после перехода с плавающего судна на стояночное учебно-производственное, где молодые моряки проходили практику, он всё не мог найти себе настоящей работы. Целыми днями толкался без дела. Пацаны вяжут маты. Ну показал, как полагается. Проверил. Ругнул кого надо, кого надо – похвалил. Пацаны оббивают ржавчину, суричат, красят. Показал, ругнул, похвалил. То-

ска зелёная! А ведь были, были в жизни счастье, гордость своей работой. Шли как-то Четвёртым Курильским проливом. Разыгравшийся шторм потащил пароход на скалы. Командиры запаниковали на мостике и в машине. Один он был спокоен. Без команды отдал якорь, зацепился за грунт и остановил дрейф. И крикнул на мостик, что порядок, и вышел пароход из узкости на простор. А теперь – развод, объяснение, проверка, похвалил, пожурил... Какой с него воспитатель? Он брал поллитровку, выпивал залпом два стакана, закусывал чем придётся у поварахи – и шёл домой. Там встречали осуждающие глаза Кати.

– Опять.

– Представь себе!

Ночью она брала подушку, уходила на диван. Утром брезгливо роняла:

– Ну понятно, Егор: сегодня, завтра. Но нельзя же каждый день, и потом – так противно пахнет!

Однажды он взорвался:

– Мужик я или не мужик! Чего ты бегаешь от меня, как девочка?

– Перестанешь пить – тогда я женщина. Нет – на все четыре стороны!

Он хлопнул дверью, ушёл на пароход. А там Золина – повараха – глядела на него сочувствующими синими глазами.

– У вас неприятности, Егор Петрович? – Не голос, мёд таёжный.

Золина родом из Молдавии, приехала на Дальний Восток повидать мир. Пока работала на стояночном судне, ждала оформления мореходки. Он оглядел её: не девка – огонь.

– Закусить найдётся? – только и спросил.

– Я мигом, я сейчас! – защебетала Золина, которой давно уже нравился боцман.

И другие на неё заглядывались, да не хотела дивчина размениваться лишь бы как. А тут такой богатырь! И начался у Егора роман с продолжением. День он кое-как исполнял надоевшие ему обязанности, а вечером брал пару бутылок, и запирались они с Золиной в каюте, праздновали медовый месяц, за ним – другой.

Капитан однажды утром внимательно глянул на боцмана:

– Что-то, Егор Петрович, лицо у вас побурело. Не перебираете?

– Вроде нет... – отмахнулся боцман. – Да меня чёрт не возьмёт. Мой дед каждый божий день употреблял по бутылке самогона и дожил, слава тебе, Господи, до девяноста двух лет.

– Глядите, глядите, Егор Петрович, а то ведь у нас учебное судно.

– Если вы насчёт увольнения, товарищ капитан, так я хоть сегодня, – побагровел боцман и тут впервые почувствовал боль в висках и учащённое биение сердца.

Потом вдруг он вспомнил, что у Ваньки день рождения. Купил у знакомого морячка не езженный ещё японский мокик, о котором мечтает каждый мальчишка. Сын увидел отца в окно, выскочил во двор и повис на шее, целуя его в гладкую выбритую щёку.

– Вот, купил. Твой, сынок.

– Спасибо, батя! – обрадовался мальчик.

Тут же с Павликом они вывели мокик на улицу, принялись газовать, потом стали кататься.

Вышла Катерина, позвала. Он вошёл в дом, склонившись, переступая порог. На столе, накрытом по-праздничному, было всё, кроме водки.

– Садись, Егор. Спасибо, что сына не забыл. Он, кстати, только и говорит о тебе да о морском колледже. Узлы эти вяжет.

– Налила бы ты мне стакашку, – попросил Егор.

Выпил одним махом налитый стакан коньяка, в это время в дверь постучали. Катерина вскинулась, шагнула к двери. Вошёл сосед Николай Пинчук. Поздоровался, искоса глядя на Егора. Подал Екатерине огромный букет цветов.

– Это вам с Иванушкой, поздравляю. – Посмотрел на боцмана. – Можно, я присяду?

– Чего ж нельзя, я здесь тоже гость, – ответил Егор.

– Ребята, давайте выпьем за здоровье нашего мальчика, пусть он будет счастливее нас! – торопливо сказала Катя, поднимая крошечную рюмку.

Егор поставил стакан:

– Налей-ка уж за сына полный, чего ты меня рюмками потчешь.

Выпили.

– Давненько тебя не видел, – сказал сосед.

Егор знал, что у Николая два года уже как умерла жена, холостяковал сосед, правда, в пьянстве и гульбе замечен не был.

– А ты всё ещё не женился? – спросил Егор.

– Нет пока. Поначалу думал, никогда не женюсь, а теперь отошёл.

– И видишь, что не всё ещё пропало? – Егор поднялся. – Ну вы продолжайте сватанье, а я на пароход.

Он вышел, не замечая, что Катерина выбежала следом. Прихлопнул калитку, помахал ребятам, возившимся у рычащего мокика, и отправился на судно. По дороге купил бутылку. А ночью, уже проводив Золину, почувствовал себя плохо. Только и дотянулся до телефона, позвал вахтенного:

– Парень, вызови мне «скорую». – И отрубился...

В день выписки из больницы он пожал руку Сергею Сергеичу, сказал, что по вертикали будет слово «ЛЮ-БА» и что всё это ерунда, а у него, Сергея Сергеича, всё пойдёт на поправку, сам слышал, как говорил об этом врач. Зашёл он и к Борису Антоновичу, пожал ему руку:

– Спасибо за всё, доктор. Теперь у меня впереди целая жизнь, да?

– Надеюсь. Главное, без стрессов, договорились?

А на улице его ждала Екатерина. С букетом цветов. Встретилась с его потухшим взглядом, оторопела:

– Егорушка, что с тобой? Ты в порядке?

– Со мной всё в порядке, Катюша, – сказал он ровным голосом. – Ты напрасно пришла, я домой не пойду.

– Почему, Егор? Мы там всё приготовили.

– Кто «мы»? – Он отрешённо глядел в сторону. – Если с Пинчуком – то разрешаю. Со мной никаких дел не будет. Если хочешь подтверждения, то поговори с Борисом Антоновичем. Он тебе разъяснит, что означает морское слово «панер». Прощай. – И он зашагал к автобусной остановке.

На судне Егор появился, когда рабочий день уже закончился. Он по привычке обошёл



судно, здороваясь с вахтенными, отметил, что на палубе всё как надо, только вот концы висят, как сопли у ханыги, да пора оббить и засуричить палубу.

Потом зашёл в подшкиперскую, выбрал бухту тонкого капронового конца, отрезал острым боцманским ножом метра два. Спустился в первый трюм, поставив бочку, дотянулся до бимса и закрепил один конец, завязав его беседочным узлом. С другого конца, как раз на уровне головы, сделал надёжную морскую удавку. Примерился, но пока отбросил удавку, спрыгнул с бочки и поднялся из трюма в свою каюту.

Жизнь заканчивалась. Он достал из рундука рабочую тетрадь, где обычно писал планы на каждый день. Сел за стол, взял карандаш и стал думать, что написать, чтобы народ не поднимал лишнего шума.

Но что же и кому написать? Катерине? Золине? Господь Бог увидел, что пора сделать последнее предупреждение, и сделал его.

– Прости меня, Господи, – прошептал Егор, закрывая тетрадь. – Нет, никому я писать не буду. Разберутся. Но жить всё равно ни к чему. Ваньку с Павликом жалко...

Вдруг в дверь постучали.

– Открыто! – грубовато сказал Егор и остолбенел, увидев Катю.

Она кинулась к нему, он же, не в силах оттолкнуть её, стоял, опустив руки.

– Егорушка, Егор! Ты такой бледный. Сядь! Вот, я принесла коньяка, только немножко. – Она плеснула в гранёный стакан янтарной жидкости. Он, не ощущая вкуса, опрокинул её в рот. – Егорушка, я была у Бориса Антоновича. Ну, что ж... Всё обойдётся. Он сказал, не сразу, но всё будет в порядке. Ты такой богатырь! Если возьмёшь себя в руки... Егорушка, я не могу без тебя.

– Зачем я тебе? – погасшим голосом спросил Егор. Но он уже почувствовал, как коньяк живительной струёй растекается по телу, становится теплее в груди и не так стучит сердце.

– Ну пусть не я, дети.

– Тебе я зачем? – повторил он глухо.

Она прижалась к нему, глянула своими ясными глазами:

– Как ты не поймёшь, нам холодно без тебя!



## Морская пена



**Николь ВОСКРЕСНАЯ**

Поэт. Родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Директор издательства «Дальиздат» (с 2018). Живёт во Владивостоке. Творческий путь начался с сочинения стихов в раннем детстве. Первое осознанное стихотворение было написано в 12 лет. С тех пор стала постоянным участником литературных объединений «Литера» и «Вектор». В школьные годы являлась сотрудником молодежной газеты «Прибой» (г. Владивосток). Псевдоним Николь Воскресная появился в 17 лет. Первый сборник стихотворений был выпущен в 2011 году. Член Союза писателей России с 2017 года.

### ОЩУЩЕНИЕ ДОЖДЯ

Я пытаюсь почувствовать дождь,  
Пью его, как тягучий коньяк,  
Как твою безупречную ложь,  
Солнца алого терпкий закат.

Я стараюсь снова упасть  
Рыжей бабочкой в мокрый асфальт.  
А ты просишь меня опять  
Успокоиться, не умирать.

В каждой бусине ягод рябины  
Горечь боли и крови тепло,  
Осень, чувствую, станет любимой,  
Пусть всё будет, как быть должно...

### МОРСКАЯ ПЕНА

С моих не улыбающихся губ  
Прохладное прикосновенье.  
Тоски свидетельства заруб,  
Живёт моё грехопаденье.  
У ночи острые углы,  
Сильнее кровь трепещет в венах.  
От тьмы расширятся зрачки,  
И я – почти морская пена...

\*\*\*

Строка всё короче,  
А ночь всё длинней.  
Что кажется прочным,  
Зыбко вдвойне.

И приторна горечь,  
Но боли в ней нет.  
За мною лишь полночь,  
А перед – рассвет.





Распльвчаты тени,  
Но остры углы,  
Я в эти мгновенья  
Ищу тишины.

### МОЛНИЯ

Безликие дома  
По обе стороны,  
Давно там нет меня.  
Черны, как вороны,  
Пустые города.  
Мы в них закованы.  
Столетье без тепла,  
Им околдована,  
Иду на свет огня,  
Одна, бессонная.  
По снегу без следа,  
Разрядом молнии,  
Пришедшее в меня безмолвие...

### ИСКУССТВО

Твоё искусство – вечный обман,  
Смертна лишь красота,  
Та, что живая, и та, что дурман,  
А вся другая не та...

Воспоминаньями упадёт  
Этой зимой первый снег.  
Верь, всё пройдёт, всё пройдёт,  
Даже времени бег.

И отпусти пленных птиц:  
Памяти миражи,  
Сколько их было, действующих лиц,  
В театре твоей души...

\* \* \*

Рыжий, честный и влюблённый,  
Чёрный, лживый, разлюбивший.  
Я твой ласковый лисёнок,  
Ты – меня не приручивший.

Всё, что сказано, неправда,  
Всё, что сделано, не так!  
Дней капканы, слов отравы  
Не помогут нам никак.

Я тебе сплетала сети,  
А сплела себе петлю,  
В ней повисла и ногами  
До земли не достаю.

### БЕЛОЕ

Обнажившийся город весь в белом,  
Неуютном, холодном снегу.  
Помоги мне быть, Господи, смелой,  
А другой я и быть не смогу.

И распахнутой грудью в небо,  
Опрокинувшись на бегу,  
Помоги мне быть, Господи, верной  
До конца моему врагу.

Всё проходит порывами ветра,  
Даже то, что забыть не смогу.  
Помоги мне быть, Господи, светлой,  
Темноту я и так сберегу.

\* \* \*

Они думают: мы целуемся,  
А вообще-то я тебя ем.  
Прямо тут, среди этой улицы,  
У тебя больше нет проблем.  
У тебя больше нет жалоб,  
Нету мыслей, нету идей,  
И язык не язык – жало!  
Не такой, как у всех людей.  
Эта ночь, пожалуй, чудесна,  
Меня сводит с ума твой вкус,  
Пусть играет ещё эта песня!  
Багровеет на шее укус!





## Александр ЯКОВЕЦ

Родился в 1954 году в Хабаровске. Окончил пограничное училище в Алма-Ате, 20 лет служил в пограничных войсках КГБ СССР. Во время службы публиковал рассказы в журнале «Пограничник», в 1990 году в Москве вышел его сборник рассказов «Курсанты». Член Союза писателей России.

Уволился в запас во Владивостоке, в начале 1990-х годов издавал первую в Приморском крае частную газету, был редактором альманаха «Русский Остров», публиковался в местной периодике, в том числе в альманахе «Литературный Владивосток».

В 2001 году учредил издательство «Русский Остров», в котором работает директором и главным редактором, автор-составитель нескольких весомых изданий, преимущественно военно-исторической и краеведческой направленности. В период вынужденного карантина начал записывать разные мысли по поводу и без повода, что и вылилось в подготовленную к изданию книгу, отрывки из которой впервые публикуются сегодня в «Александр».

## ОДНОЙ СТРОЧКОЙ – В ТОЧКУ

ПОСЛОВИЦАМ И ПОГОВОРКАМ  
ПОДРАЖАНИЯ ВЕСЁЛОГО СОДЕРЖАНИЯ

### **ГОЛАЯ ПРАВДА И КОРОЛЯМИ ПРАВИТ** (Пусть не пословица, а всё-таки молвится)

В лучах славы без намордника купаться за-  
прещено.

В шашках, что в шашнях, решают дамки.

Вашиими бреднями карасей не наловишь.

Выложили на блюдечке – смотри, не подавись.

Высосанное из пальца – сплюнется.

Гневного речь – рыбу запечь.

Голая правда и королями правит.

Голубоглазые не сглазят.

Двуличные берут безналом и наличными.

Дождю всё равно, на кого капать.

Дорога никуда не спешит – лежит.

Ест другие отбивные у подруги отбитый.

Жаль, лишь формула может поделить и ум-  
ножить.

За бабки и в бабки нарядишься.

За всё отвечает крайняя плоть.

За горлышко бутылку не задушишь.

Земля за всех нас крутится.

Злопамятство до золы пламится.

И в колесе фортуны бывают, братан, проколы.

И приятные неожиданности могут заикой оста-  
вить.

Из грязи князёк столицу просёк.

Карьера – в гору карьером иль в карьер.

Клади за лифчик наличку за личико.

Короткой юбки длина условна.

Лайк как приз всем, да пальчик капризен.

Месть проще прощения.

Месяц не отвертится – в луну обратится.

Мечту и с мачты не увидишь.

Можем – чертей тревожим, а зане можем –  
о Боже!

Морже лишь бы пожрать.

На крыльях любви легко залететь!

На щеках видно, сколько на счёте.

Не давай копоты где ни попадя.

Не деньги бешеные, а мы помешанные.

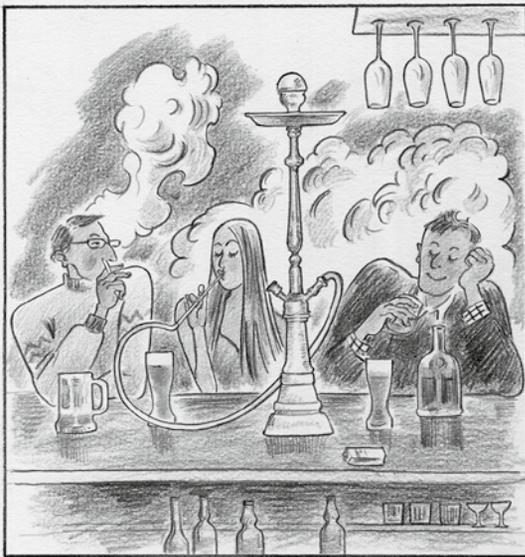
Не покакал – не утонешь.

Не садись где попало, если стул жидковат.

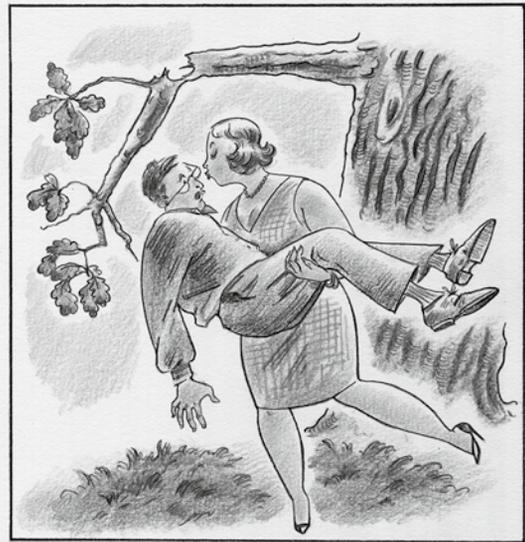
Новости не гости – могут сразу в постель.

Попе вредна лень её по определению.

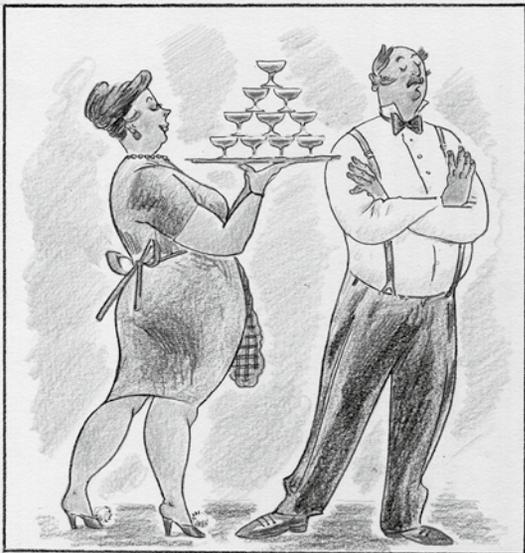
Попкорну все фильмы покорны.



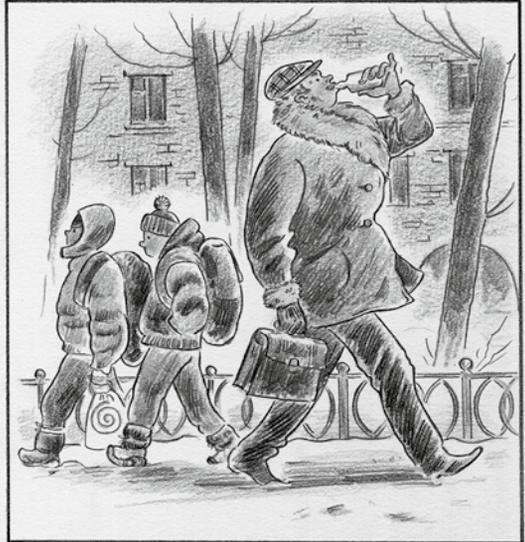
Лёгких не ждём понедельников!



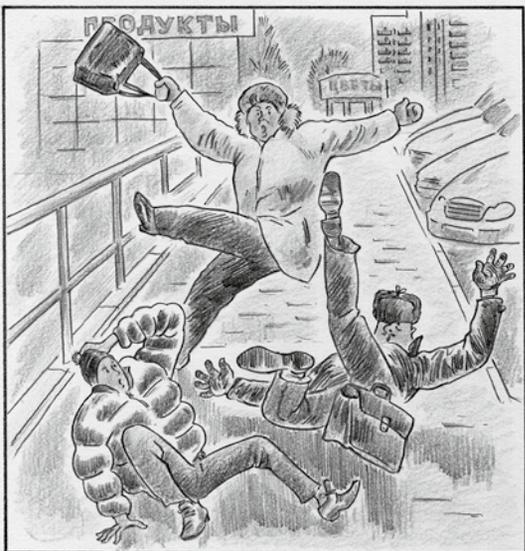
Ну любит голуба упавшего с дуба!



Идеальный муж не кушает груши



С утречка коньячка само то старичкам



Корове на льду конёчки найду



Раскатал губики на шоколадные кубики!



## Елена АЛЕКСАНДРЕНКО

Елена Александренко – врач и поэт. Родилась в Донецке. Автор десяти поэтических книг, изданных во Владивостоке. Две книги стихов в переводах итальянского писателя, переводчика русской классики В. Бертаццони были изданы в Италии. Член Союза писателей России, международного Союза писателей XXI века. Приморскими композиторами написано немало песен и романсов на её стихи. Участник первого Всероссийского совещания молодых писателей в Ярославле. Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях. В журналах: «Дальний Восток», «Подъём»; альманахах: «Сто лет поэзии Приморья», «Литературный Владивосток», «Воскресенье», «Наш современник», «Метаморфозы», «Доля», «Стихи мира» (Нью-Йорк). Лауреат нескольких литературных премий Приморья, литературного журнала «Дальний Восток», 3-го Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого в Москве. Член Товарищества детских и юношеских писателей. Лауреат премий им. Людмилы Татьянической, «Золотое перо Руси». Живёт в Приморском крае, в г. Владивостоке.

### ВОТ ТАКАЯ ПРИШЛА ПОРА

Дом, и душу, и дух укрепи!  
Мир как будто сорвался с цепи,  
Стал опаснее бешеных псов,  
Не закроешь себя на засов,  
И на всё не закроешь глаза,  
И себя не зароешь в песок.

В мирный день, на полях тишины  
Ты – защитник и воин страны,  
Ведь, бывает, война не видна,  
Словно вирус, нас губит она,  
Словно происки сатаны.

Окружают тайфуны стеной,  
И соседи пугают войной.  
Из-за чьей-то изысканной лжи  
Обрывается хрупкая жизнь  
И взрывается небо за мной!

Где-то рушатся этажи,  
За какие грехи, скажи?  
У планеты озноб и жар:

То потоп, то лесной пожар...  
За соломинку лишь держись!

Вот такая пришла пора.  
В пустоту не кричи «Ура!»,  
Различи: кто и где народ,  
И куда он тебя зовёт,  
И во что эта вся игра?!

Ураган... Времена потерь:  
Вот срывается дверь с петель,  
И разносит нас по углам,  
Как ненужный какой-то хлам,  
Только колокол бьётся: верь!

С неба облаком светлым – весть:  
Всё имеет на свете вес.  
Как спасти эти облака,  
Где молитвы живут века?  
Донести сокровенный крест  
И поверить, что Бог – Он есть!



## ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

Что судьба моя? Дырка от бублика –  
Круг замкнулся, и я в том кругу.  
А за кругом – весёлая публика,  
Та, к которой примкнуть не могу.

И качаюсь в своей невесомости,  
Равновесие духа храня.  
Жить стараюсь по-божьи, по-совести,  
Никого и ни в чём не виня.

Что даётся мне, то и заслуженно.  
На судьбу ли за это пенять?..  
Остаётся за кругом ненужное,  
А в кругу всё, что есть у меня.

## И УТОЛЯЯ ЖАЖДУ ТИШИНОЙ

Иду в ночи, со мною мой молчок,  
Чужая теплота глубоких окон..  
А я во тьме, где месяца крючок,  
Замедленную рыбкой одинокой.

И странно в невесомости такой,  
Как книги, открывать живые звёзды,  
Спешить на этот лунный водопой,  
Не ранясь о серебряные гвозди.

И, утоляя жажду тишиной,  
Воды небесной становится тише.  
И распознать, кто следует за мной,  
Чтоб становилась я светлей и выше.

Я – луч, из снов летящий в никуда,  
В своё недопроявленное время.  
И может, где-то в будущем звезда  
Живая, но не видимая всеми.

\* \* \*

День, встревоженный сигналом «скорой»,  
И людей пугает, и ворон..  
Кто же знал, что будет год, в котором  
Миллион смертей и похорон.

И пуста земля, как будто космос,  
Ледяные улицы тихи.  
Прячутся под маску рот и нос мой,  
И давно не пишутся стихи.

А к больным в космических скафандрах  
Приезжают странные врачи –  
Дышат целый день, как ихтиандры,  
Как же сердце в той броне стучит?

Лечат нас, а сами угасают –  
Дай им сил и, Господи, спаси!  
Как они отчаянно спасают!  
Так всегда спасали на Руси.

## КАПЕЛЬКАМ СВЕТА РАДУЙСЯ

Вслушивайся в неслышимое,  
Вглядывайся в невидимое,  
Капелькам света радуйся!  
Вслушивайся, вглядывайся...

И проходи дремучее,  
И покоряй высокое.  
В страхе на тень не оглядывайся,  
Капелькам света радуйся!

Гульканью голубиному,  
Мыслям своим глубинным –  
Небу откройся искренне  
И домолчись до истины.

Пусть времена не лучшие,  
Не обойти колючее,  
Не избежать горячего –  
Больно мне, вот и плачу я.

Вслушиваюсь в неслышимое,  
Вглядываюсь в невидимое,  
Капелькам света радуюсь –  
Вслушиваюсь, вглядываюсь...

## А СИЛА И ВЕЛИЧЬЕ В ПРОСТОТЕ

Честна природа, только люди лживы,  
Готовы сами утонуть во лжи...  
Мой верный воробей, пока мы живы,  
Мы не покинем наши рубежи

Ни в голоде, ни в нищете, ни в горе  
И ни в болезни голого куста –  
Чирикать будем на своём заборе,  
Покуда с нами Бог и красота.

Пока есть взгляд, в котором нету фальши,  
И хочется распахнуто идти,  
И верить в то, что жизнь продлится дальше,  
Согреть кого-то слабого в пути.

Простые воробьи спасут планету  
Взъерошенным восторгом бытия!  
Пока есть в мире странные поэты,  
Пока живём на свете ты и я.

Мы каждому цветку и цвету рады,  
Свою готовы радость подарить,  
Не ожидая никакой награды,  
А просто так: за это «чик-чирик».

И каждый на своей неброской ветке  
И на своей особой высоте –  
Обычный воробей, но духом крепкий,  
А сила и величье – в простоте.

## ГОЛУБИ

А голуби с нами живут по соседству,  
И даже на юг они не улетают.  
Пикируют, как самолётики детства,  
И падают в ноги доверчивой стаей.  
Их крошками кормят из тёплой ладони.  
Становятся голуби птицей домашней.  
Под крышей добра их и вьюга не тронет.  
Воркуют и счастливы булкой вчерашней.  
Быть может, они нам  
от Бога в наследство,  
Чтоб люди о нежности не забывали.  
И души могли добротой согреться,  
И, так же как птицы, в любви «ворковали».

## ТЫ СКУЧАЕШЬ ЛИ...

Ты скучаешь ли по теплу,  
Ласки ждёшь?  
...То ли ты стучишь по стеклу,  
То ли дождь?  
Выгляну, присмотрюсь:  
Капель свет,  
Обессилев, стекает вниз,  
Тебя нет...  
А вчера ты не скучал по теплу,  
Просто пришёл и постучал  
Пальцами по стеклу...

## ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Светлый август взошёл  
Золотыми шарами,  
Словно сотнями солнц,  
Ослепляя село.  
И небес лёгкий шёлк,  
Как прозрачное знамя,  
Развернулся над миром  
Лучистым теплом...

Золотые шары – короли на мгновенье.  
Осыпают ветра их торжественный цвет...  
Пахнет мёдом в саду и горячим вареньем,  
И целует траву переспевший ранет.

## УЛИТКА СЕРДЦА

Похоже сердце на улитку,  
В которой прячется весна,  
Большое облако, и скрипка,  
И неба тёплого волна.  
И капельки дождя на рожках,  
И чувств кисельны берега,  
Коровки божьи на дорожках  
И трав поющие стога.  
Лишь стоит посмотреть влюблённо,  
И в облаке проснётся скрипка.  
Покинет панцирь удивлённый  
Дом позабывшая улитка.  
И безоглядно будет верить,  
И обнимать, и растекаться...  
И станет самым нежным зверем –  
Вот что с сердечком может случиться.



### БУДЬ МОЯ ВОЛЯ...

Будь моя воля, я бы совсем молчала,  
Пусть из-под ног моих уходит суша...  
Мысль бесконечна – найди в ней своё начало,  
Молча иди за ней и молча слушай.

Молча лови времени пёстрый ветер,  
Танец поющих веток, соломку света...  
Это стихи, они повсюду, они как дети  
И как плоды, что смело сигают с веток.

Их голоса слышатся лишь в молчанье.  
Радуга их видится лишь душою.  
Это – моя судьба и моё дыханье.  
Ими спасаюсь, словно водой живою.

### ЛЮБИТЕ ТАК, КАК ТОЛЬКО ВЫ МОГЛИ

...И каждому цветку поклон и вдох,  
И, полной грудью выдыхая лето,  
Я чувствую в себе биенье света  
И жизни лёгкий мотыльковый слог.

Любите так, как только вы могли!  
Так безоглядно, щедро, наугад  
Ступая в наследивший листопад,  
Где замолкает музыка земли.

Не за горами прячется зима,  
Где сны былые – тени птичьих стай,  
И чьи-то молчаливые уста,  
И снега ледяные закрома.

Мы снова будем сеять, будем жать  
В самих себе и где-то на полях,  
Покуда дышит и живёт Земля,  
А мы умеем так любить и ждать.

Блуждать в дождях и шелесте травы,  
Сливаясь в небе с облаком вдали.  
Ведь мы живём, пока в нас жизнь болит  
И полон мир страданий и любви.

### РУССКИЙ БЕРЕГ

От волны вездесущего ветра  
То летим, то как вкопаны мы.  
Беззащитны, как слабая ветка  
На просторах бесснежной зимы.

Но чем больше нас ветер утюжит  
И чем клонит сильнее до земли,  
Тем и крепче мы, тем и упруге,  
Чтоб за жизнь удержаться могли.

Человеки, они как деревья,  
Были б корни для силы ствола...  
И наш храм деревянный – деревня,  
Русским духом сильна и светла.

И стояли бы мы в карауле,  
Как дубов богатырская рать.  
Нас бы ветры вовек не согнули,  
И с земли этой нас не согнать.

И не нужно чужих нам Америк,  
И деревьев других, и ветров.  
Держит нас на главу русский берег,  
Наша вера и наша любовь.





## ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

РАССКАЗ

С тяжёлым сердцем уходил в рейс третий механик теплохода «Карагалес» Антон Соболев. Накануне в очередной раз крупно повздорил с женой. Полагал, что подобный разговор не предвещает ничего хорошего, но чтобы так закончилось, не могло присниться даже в самом кошмарном сне. По всему выходит, что жизненный корабль получил серьёзную пробоину ниже ватерлинии, вот-вот достигнет критической точки крена, и тогда неизбежен оверкиль, вернее развод. Давно бы решился, к чему мучить друг друга. Но стоило взглянуть в чистые, немного наивные и грустные глаза пятилетнего сынишки, как вся решимость мгновенно улетучивалась. Антон не в силах предать свою кровинушку. Однако и так дальше жить нельзя. Редкий приход в родной порт обходился без ссор. В последнее время «разговоры по душам» становятся всё ожесточённее, переходят в разряд ультиматумов.

В начале текущего года Алина серьёзно заболела, пошло обширное обострение по женской части, никак не могли сбить температуру, стало падать давление, оттого и пришлось согласиться на госпитализацию. Вынужден был взять отпуск за свой счёт. Благо судно находилось в отстое. Вагоны с лесом застряли где-то на Транссибир-

ской магистрали, а на причалах не было судовой партии груза. А тут ещё садик закрыли на карантин. Ильюшку на время болезни супруги нередко забирала к себе соседка. Сама – жена моряка, всё понимает без лишних слов, свои детишки подрастают. Когда жену выписывали, медики порекомендовали через полгода по возможности побывать на одном из курортов Китая, где, по словам специалистов, возможно полностью избавиться от заболевания. Порешали на семейном совете, что станут планировать поездку на вторую половину сентября. Но непредвиденные обстоятельства постоянно вносили коррективы. Сначала в море прихватил радикулит второго механика, два рейса стоял его вахту. Взамен направили нового третьего, чтобы «натаскал». Неплохой парень, быстро вошёл в курс дела, но опыта пока маловато. Согласовал со старшим механиком свой отдых и с моря дал радиограмму на отпуск. А на берегу выяснилось, что у сменщика скоропостижно скончался где-то в Сибири отец, отпустили человека на похороны. Затянулась чёрная полоса, никак не заканчивается. А жена не желает войти в положение, вынь да положь обещанное. В этот приход вроде и день начался нормально. До обеда провозился с домашними делами, погулял



с сынишкой, съездили в городской парк, покатались на гигантских качелях. Вернулись, вместе пообедали, и Алина ушла укладывать ребёнка спать. А через полчаса, словно накручивала себя за закрытой дверью, началось...

– Антон, объясни в конце концов, когда это закончится?

Решил спустить на тормозах, может, пронесёт:

– Ты о чём?

– Не прикидывайся, прекрасно знаешь. Мне снова идти в туристическое агентство и упрашивать, чтобы в очередной раз передвинули путёвки на более поздние сроки?

– Там тоже живые люди работают, должны войти в положение.

– Стоит мне появиться на пороге офиса, начинают смотреть как на дурачку.

– Ни к чему преувеличивать.

Не подумавши ляпнул, вот и понесло дражайшую половину.

– Давно догадывалась, что ты такого мнения обо мне. Зачем только с тобой связалась?

– Ты хорошо знала, за кого выходила замуж.

– Бросай своё море. Чего ты только в нём нашёл?

– Мы оба нашли друг друга. Мне порой кажется, что всё человечество вышло на сушу из морских пучин. Море, как и люди, может быть ласковым и злым, помочь в трудную минуту и жестоко мстить. Морская вода, как и человеческая кровь, с привкусом соли. Однажды породнившись с волной, человек не в состоянии её предать. Это выше его возможностей.

– Бред да и только. Несёшь несусветную чушь, словно пацан-недоумок, у которого несбыточной романтикой вся башка забита... Ты хоть обо мне разок подумал?

– Это главное в моей жизни: ты и сын. Вместе договаривались, что стану работать до тех пор, пока не накопим средств на нормальное жильё, обстановку, престижную машину, приоденемся, немножко отложим на чёрный день. Не прав или опять что-нибудь выдумал?

– Мне лечиться надо?

Голос уже с надрывом, лицо начинает заливать краска неудержимой злости.

– Протяну ещё немного, и не будет... второго ребёнка, врачи не разрешат рожать.

– Лина, успокойся, пожалуйста. Ведь объяснял вчера вечером: короткий рейс, двести миль до Японии, столько же обратно. Максимум трое суток на выгрузку. За неделю управимся. А путёвки, насколько помню, через десять дней. Успеем...

– Задрал ты меня своими цифрами. Мили у тебя какие-то квадратные. Вспомни, если память не отбило, прошлый раз...

– Форс-мажорные обстоятельства, главный двигатель застучал...

– Ещё раз добром прошу, бросай свою долбаную работу.

– И что прикажете делать?

– Я окончила педагогический институт, проработала только год в школе. Когда поняла, что там ловить нечего, ушла в рекламное агентство и нисколько не жалею.

– Министерство просвещения до сих пор в трансе.

Странный у них разговор, словно не слышат друг друга.

– Займись бизнесом. Из вашего выпуска единицы остались на флоте, остальные давно пристроились. Один ты... тюха.

– Статистика свидетельствует, что лишь одному из десяти суждено достигнуть высот на таком поприще, остальные элементарно не выживают. К тому же у нас отсутствует стартовый капитал. А пристраиваться помогать, кому делать нечего, не намерен, не для того учился пять лет.

– Хватит. У тебя на все случаи жизни готовы объяснения. Если бы хотел...

– Прекратим бесполезный разговор. В сотый раз повторяю: нельзя моряку уходить в рейс в дурном настроении. Море не терпит к себе подобного отношения.

– Только о себе и думаешь. Можешь идти... и не возвращаться. Живи со своим морем в обнимку. Перебьёмся и без тебя.

Продолжать дальше разговор бесполезно. Ему указали на дверь в собственной квартире. Доплавался... Зашёл в комнату, поцеловал спящего сынишку, оделся, взял спортивную сумку и осторожно прикрыл входную дверь. Такого ещё не бывало в их отношениях.

На судне полным ходом шла погрузка. Работали одновременно на два трюма. Если ничего не помешает, к обеду завтрашнего дня пошабашат, как и обещали. Экипаж весь в увольнении до утра. На борту лишь суточная вахта. Едва поднялся по трапу, как столкнулся со старшим механиком Василием Васильевичем, которого между собой знающие люди называли не иначе как Вась-Вась.

– Третий, чего заявился?

– Отдыхать надоело

– Опять со своей пацапался?

– Совсем немножко.

– Оно и видно... Если никуда не намерен двигать, оставайся за старшего и отпусти четвёртого. К нему кто-то из родственников заявился.

– Договорились.

В ноль часов спустился в машинное отделение, проверил смену вахты. Поднялся в каюту и не раздеваясь прилёг на диван. Имеет право по уставу подремать одетым, не бодрствовать же всю ночь. Потребуется, так позвонят. Но сколько ни пытался заснуть, Морфей никак не желал принимать в свои объятия. Сказалось напряжение семейной перипетии, перенервничал.

...С Алиной познакомились после зимней сессии третьего курса. Все, кто сдал экзамены, разъехались по домам на каникулы. Остались лишь «хвостисты» да он, которому некуда податься. Всегда стеснялся рассказывать про семью. Даже если начинали спрашивать, отделялся общими фразами... Отец с матерью работали вместе, на одном пассажирском судне: он – мотористом, она – в штате ресторана. Расписались, через год родился Антон, а Соболев-старший продолжал плавать. Когда удалось устроить ребёнка в садик, вышла на работу в ресторан и мать. Лет пять Антошке было, когда мамаша пристрастилась к спиртному. Подчас так набиралась, что забывала забирать ребёнка, и мальчонка оставался на ночь в круглосуточной группе. Знакомые не раз обращали внимание отца на неполадки на семейном фронте, но Павел лишь отмахивался. Когда папа находился на берегу, мама никогда не позволяла себе вольностей. Даже в компании выпьет рюмочку-другую и решительно переворачивает посудину кверху дном. Схватился батя,

когда органы опеки стали готовить документы на лишение гражданки Соболевой родительских прав. Списался на берег, попытался было разрулить ситуацию, но женский алкоголизм практически неизлечим. Так и «сгорела» супруга от водки, когда Антон ещё учился в пятом классе, и всё воспитание мальчишка легло на мужские плечи. После того как сын окончил школу и поступил в высшую мореходку, сошёлся родитель с какой-то женщиной, переехал к ней жить, а свою квартиру стал сдавать. Приходить в новую семью Антону не было никакого резона. Видимо, это понимал и отец, никогда не задавал лишних вопросов, удовлетворяясь редким общением по телефону. А чуть позже, продав жильё, вообще уехал с новой мадам в другой регион, откуда та была родом...

Однокурсники пригласили Антона однажды на вечеринку. В квартире было шумно, незнакомые девчонки хозяйничали на кухне, сервировали стол. Растянул налитую рюмку на три раза, когда убедился, что на него перестали обращать внимание, уселся в стороне в кресло и принялся листать какой-то толстый журнал. Девушка подошла, когда заиграла музыка.

– Молодой человек, может, пригласите даму на танец?

– Сомневаюсь, что смогу доставить вам удовольствие.

– Отчего такой пессимизм?

– Совершенно не умею танцевать и не пытался даже научиться.

– Первый раз встречаю подобное.

– Что поделаешь...

– Тогда у меня совершенно трезвое предложение – взять и смотаться.

– Вас не устраивает компания?

– Не люблю шумных застолий.

На улице познакомились. Немного погуляли, сходили на последний сеанс в кино, проводил до дома, где новая знакомая остановилась у дальних родственников, договорились о новой встрече. Однако, когда пришёл следующим вечером, Алины не оказалось, уехала к себе в институт. Значит, не показался, раз не предупредила при расставании. Тем неожиданной оказалось полученное через неделю письмо. Извинилась:



просто поменялись обстоятельства, вынуждена была непременно отбыть. Отправил ответ, ни на что не рассчитывая. В следующий раз увиделись поздней весной, да и то на несколько минут. Антон спешил на экзамен, досрочно сдавал сессию. Предстоял вылет на тренировочный сбор и участие в первенстве по тяжёлой атлетике среди морских учебных заведений. Тренер поставил задачу занять первое место и выполнить норматив мастера спорта. Вернулся с соревнований окрылённый. Недостигаемая до этого вершина покорилась. В роте лежало несколько писем от девушки. Не раздумывая поехал в лагерь отдыха, где его знакомая была вожатой. Только две ночи вместе, но, пожалуй, они и определили дальнейшую жизнь. С трудом выкраивали время, чтобы увидеться и побыть вместе. У курсанта Соболева полувоенная дисциплина в училище да соревнование за соревнованием, у Лины – учёба в другом городе и выступления для души – показ мод от модельного агентства.

На зимних каникулах Алина всё-таки затащила Соболева к себе домой, познакомила с родителями. Нормальные люди, встретили приветливо. Отец большую часть жизни рыбачил, простоял на капитанском мостике, пока не выдвинули в капитаны-наставники. Мать давно ушла из конструкторского бюро, занималась домашним хозяйством. Только сели пить чай, как взяла быка за рога:

– Антон, у вас с Алиночкой какие планы на дальнейшее?

Даже в мыслях не было, что можно прямо с места в карьер при первом знакомстве.

– Пока, собственно, никаких.

– Вот она, современная молодёжь, живут одним днём.

Ничего не понял, куда мамаша клонит.

– У Линочки через полгода выпуск, зашлют по распределению куда-нибудь подальше. Ты же уйдёшь в моря. И погаснет ваша любовь, как утренняя заря. Если есть чувства, всё серьёзно, так не тяните резину. Подавайте заявление, расписывайтесь и живите в любви и согласии. Разве я не права, отец?

Привела молодых в смущение, даже не нашёлся, что ответить. А в апреле сыграли свадьбу...

В 16:00 поступила команда повернуть главный двигатель, объявили двухчасовую готовность. На судне началась обычная перед отходом суета, хотя давно всё устоялось, каждый член экипажа знал свои обязанности без напоминаний. Вскоре буксиры оттащили лесовоз от причальной стенки, власти оформили отход, и в 19:30 снялись с якоря.

На рейд японского порта пришли в расчётное время. Но вот незадача: все причалы заняты, никак не могут войти в свой график, оттого и постоянные задержки. За ужином капитан сообщил, что с утра начнут выгружать на плашкоуты, всем быть готовыми. В Южно-Китайском море зародился очередной тайфун, движется с приличной скоростью в направлении Японии. Грузополучатель обеспокоен: непогода способна внести коррективы. Настаивает, чтобы поторапливались.

В этот раз третий механик Соболев не пошёл в увольнение. Особо ни в чём не нуждался, так к чему тратить валюту на ненужную мелочовку? Ещё два-три рейса, и будет достаточно средств на хорошую трёхкомнатную квартиру в престижном районе. У них уже есть варианты. Хотя... И этим планам навряд ли суждено сбыться. Когда же началось недопонимание, а затем и распри в семейных отношениях? Пожалуй, два года назад, когда тещь с тёщей надумали уезжать. Отца замучила ностальгия, потянуло в родные места, на Чёрное море, откуда сам родом и где до сих пор проживают многочисленные родственники. Звали с собой и молодых, но Антон категорически отказался. Обиделась супруга, целый месяц дулась. Старики, продав в квартиру, оставили маленькую толику денег для внука и вскоре укатили. А Антон с Алиной купили на первое время полуторку, до сих пор в ней живут. Тогда жена и расписала мужу отправные точки, что и к какому сроку необходимо сделать. Ни к единому возражению мужа не прислушалась. Приняла материны наставления, что жена – шея, значит, можно крутить головой, как заблагорассудится. Ну а первый штришок прорезался сразу после свадьбы.

– Всё, Антоша, отныне мы законные муж и жена. Но главной в семье остаюсь я.

– ???

– У тебя фамилия Соболев, моя девичья – Соболевская. Раз длиннее и больше букв, пальма первенства принадлежит мне.

Не придал никакого значения, посчитал за банальную шутку. Оказалось, зря. Командирские нотки со временем прорезались всё отчётливее. Уступать в большом и малом – так недолго и подкаблучником стать. Когда оба в семье претендуют на роль лидера, трудно жить в полной гармонии...

Выгрузку закончили даже быстрее, чем планировали. Оперативно зачистили трюмы, закрыли крышки люков, закрепили стрелы по-походному. Антон взял за правило перед спуском в машину выходить на палубу, мысленно пообщаться с морем, ведь не будет его видеть целых четыре часа. В закрытой волнорезом бухте пока только незначительно покачивало, а на внешнем рейде уже отчётливо были видны белые барашки. Получили штормовое предупреждение. Штурманы долго колдовали над картой, прежде чем окончательно определились. По-хорошему бы отстояться где-нибудь в укромном месте, переждать непогоду. Но чёртовы планы висят как дамоклов меч. Судовладельцем определено – тридцать рейсов в год. Они и так уже отстают на две ходки. А впереди зима, всякое может произойти. Не справятся с заданием – прощай обещанные премиальные, и на следующий год вполне могут оказаться на подхвате вместо твёрдого графика. Оттого и решили сниматься. По всем расчётам должны «убежать». Если и зацепит, то лишь первый фронт.

Теплоход «Карагалес», постоянно зарываясь носом в высокие волны, натужно, словно старик, скрипя шпангоутами, спешил оторваться от преследующего шторма. Даже в машинном отделении чувствовалось, как час от часа крепчает ветер, и когда судно разворачивало, от глухих ударов в борт становилось немного не по себе. Соболев только успел принять после вахты душ, как срочно попросили спуститься в машину. Появились первые признаки течи в дейдвудном подшипнике. Скинули обороты, но тут же последовал звонок с мостика – держать скорость. Ничего не поделаешь, придётся устранять не-

поладки на полном ходу. Часа три провозились, пока не вздохнули с облегчением: вроде держит. Но беда, как нередко бывает, не приходит одна. Вскоре начали греться два цилиндра главного двигателя. Заглушить бы, но обстоятельства не позволяют. Вынуждены были снизить скорость на пять узлов. До ближайшей бухты, где можно укрыться от непогоды, не менее тридцати миль. Часа три хода, если всё будет нормально. Сделать что-либо самостоятельно в условиях шторма невозможно.

Отужинав, Антон Соболев не стал задерживаться в кают-компании. Что-то вымотался за последние сутки, так и хочется принять горизонтальное положение. Но заснуть, когда судно так сильно штивает, редко удаётся. Вроде расклинишься, упёршись ногами в переборку, прикроешь глаза, как тут же теряешь контроль над собой. Очередной удар волны того и гляди выбросит из кровати. Ещё не хватало получить травму во время сна. Незаметно мысли вернулись к началу трудовой деятельности.

После окончания училища молодой специалист Антон Павлович Соболев пришёл по распределению в пароходство и через десять дней получил первое в жизни направление на должность четвёртого механика. Сходил один рейс в Арктику по северному заводу, как вернулся штатный четвёртый. В следующий рейс ушёл на лесовозе «Карагалес» на Японию, как раз в канун Нового года. Отработав положенное, пошёл в отпуск. Сдал во время отдыха аттестацию на третьего механика и вновь ушёл в рейс на своём судне, к которому успел привыкнуть и даже полюбить. А через некоторое время теплоход передали в аренду частной компании. Намеревался списаться, не хотелось уходить из пароходства, но Вась-Вась уговорил: стабильная работа, короткие рейсы, большей частью в Страну восходящего солнца, реже – на Китай, да и платить обещают по-божески. Так и остался работать, от добра добра не ищут. Весной сдал аттестацию на второй разряд, принёс документы в механико-судовую службу, попросил направление согласно рабочему диплому, но там лишь посочувствовали. За последнее время в пароходстве флот значительно сократился. Отслужившие нормативный срок суда начали



списывать с баланса на металлолом, а те, из которых можно было хоть что-то выжать, передают в аренду расплывшимся частным судоходным компаниям. Из новостроя ничего не предвидится, нет у государства средств на обновление флота. Тогда и решил посоветоваться со старшим механиком. Василий Васильевич выслушал, не перебивая, и предложил... пока ходить третьим. Второй механик к концу года выйдет на пенсию, здоровье не позволяет дальше плавать. Врачи и так неохотно дают добро, чтобы позволить человеку получить полноценный пенсион. Другого выхода просто нет. Поработает немного на «Карагалесе», а там время покажет. Правда, мороки на родном теплоходе – выше крыши. Главная машина полностью на совести второго механика, с него и спрос за все неполадки. Давно нужен «сердцу корабля» капитальный ремонт, хотя бы добротная профилактика в заводских условиях. Но судовладелец постоянно откладывает ремонт, как-то удаётся убалтывать регистр, а арендатору всё до фени. Старший механик сбился со счёта числу докладных в технические службы. Может, после этого случая наконец-то одумаются, иначе можно потерять не только судно, груз, но и людей.

От внезапного резкого удара Соболев больно стукнулся головой о переборку, аж искры брызнули из глаз. Опять вахтенный штурман прошлёпал, подставился под волну... Но почему не слышно привычного стука главного двигателя, неужели окончательно сдох? Пока приходил в себя, прозвучал сигнал судовой тревоги. Что-то серьёзное, иначе бы не поднимали экипаж в тёмное время суток. Быстро оделся – и в машинное отделение. Работал лишь дизель-генератор. Все механики в сборе.

– По предварительным данным, судно село на камни, получило пробоину в районе второго трюма. Кто виноват, почему так получилось, разберутся потом. Видимо, из-за потери скорости теплоход плохо слушался руля, судно постоянно ветром сносило с курса ближе к берегу, вот и напоролись. В настоящее время аварийная бригада обследует повреждение. Работают оба балластных насоса, откачивают воду из танков правого борта, чтобы уменьшить крен. На период аварийной ситуации в машинном отделении на

вахте будут находиться два человека командного состава: до ноля часов – старший и четвёртый механики, сменяют – второй и третий. Прошу, товарищи-командиры, быть в любой момент готовыми к самым непредвиденным обстоятельствам... схожу на мостик, узнаю последние новости, тогда и примем окончательное решение. А пока свободным от вахты можно подняться наверх. Находиться по своим каютам.

Антон, едва открыв иллюминатор, услышал завывание беснующегося ветра, бросившего в лицо обжигающие брызги морской воды. Опять не сдержал слово, теплоход не придёт в порт в обозначенное время. Что такое «не везёт» и как с ним бороться? Сколько же миль до берега?

К утру стало окончательно ясно, что самостоятельно судно сняться с камней не в состоянии. Нет никакой возможности завести аварийный пластырь на пробоину. Крен на правый борт достиг десяти градусов, экипаж передвигается, держась за поручни, а то и просто за переборки. А штормовой ветер и не думает утихать. В 08:20 было принято решение подать сигнал SOS, членам экипажа быть готовыми покинуть борт судна. В каюте Василия Васильевича собрались все механики.

– Отцы-командиры, наше положение крайне сложное, почти катастрофическое. Если в ближайшие сутки ветер не утихомирится, теплоход вполне может получить новые пробоины, и тогда неминуема гибель судна. По согласованию с руководством компании принято решение снять команду, мы не имеем морального права рисковать жизнями членов экипажа. Спасатели подойдут часа через полтора-два. С японской стороны установлена надёжная связь. Покидать машинное отделение всем нельзя, кто-то должен остаться. Ваши предложения? В такой ситуации отдавать команды неправильно... всякое может произойти.

Повисла тишина, отчего так отчётливо слышалось злое завывание ветра и глухие удары волн о борт. Антон поднялся.

– Василий Васильевич, тут дело ясное. Вы отвечаете за всю машинную команду... У второго механика обострение радикулита, четвёртый – всего второй рейс в данной должности. Так что доверьте мне.

– Спасибо, сынок. Кого из мотористов оставишь в помощь?

– Не стоит, справлюсь. Одна динамка в работе и два насоса, вполне по силам... Да и ненадолго всё это.

– Договорились... Антону Павловичу остаться, остальным готовить людей к эвакуации. Команда может последовать в любой момент. С собой взять документы и самое необходимое, ничего лишнего, и теплее одеться.

Подошедшим спасателям только к 14:00 удалось снять всех членов экипажа с борта теплохода «Карагалес». Они остались втроем: старший помощник капитана Леонид Валерьевич Леонидов, третий механик Антон Павлович Соболев и старый трудяга-лесовоз, временно вышедший из строя. И сразу же наступила пугающая непредсказуемая тишина, или Антону так кажется после стольких часов огромного внутреннего напряжения.

В это утро Алина Соболева встала раньше обычного. На работе – мероприятие, у шефа – юбилей, все приглашены в ресторан. С вечера приготовила свой лучший наряд. Сейчас вымоет голову, высушит волосы феном, заскочит к соседке договориться, чтобы вечером забрала сынишку, отведёт Илью в садик, по пути на работу заскочит в парикмахерскую сделать укладку. По привычке включила радио послушать, что творится в мире да прогноз погоды на сегодняшний день, вдруг да зонтик пригодится. Вчера передавали о надвигающемся тайфуне, который захватит большую часть дальневосточного побережья. Может, отвернёт в сторону, уйдёт в открытый океан, а синоптики перестраховываются на всякий случай? И вдруг сообщение диктора: *«23 октября, в 22:15 по местному времени, у берегов Японии в условиях жесточайшего шторма потерпел крушение теплоход “Карагалес” компании “ПримЭко”. После получения сигнала бедствия подошедшие японские спасатели сняли членов экипажа с терпящего бедствие судна. Пострадавших нет. На борту остались старший помощник капитана Леонидов и третий механик Соболев для обеспечения жизнедеятельности лесовоза. Наши корреспонденты держат постоянную связь с созданным в компании штабом по чрезвычайной ситуации...»*

От неожиданного услышанного по радиоприёмнику сообщения Алина не сразу сообразила, что же произошло на самом деле. Ощутила в ногах внезапную слабость и, если бы не рядом стоящий стул, вполне могла бы оказаться на полу. Лишь по истечении нескольких минут удалось взять себя в руки. Это невероятно... Как же так? Отчего случилось? Почему она до сих пор сидит и ничего не предпринимает? А если за это время, пока шла информация, готовился эфир, «Карагалес» ушёл на дно?.. От собственной догадки захолонуло сердце. Нет, что-то следует делать. Но что?.. Превозмогая слабость, подошла к телефону, начала накручивать диск, пытаюсь соединиться с диспетчером компании. Да что они там, повесились на трубке, постоянно занято! Звонят родственники или знакомые членов экипажа... Им-то что надо? Русским языком передали: все в безопасности, живы и здоровы. А возможно... уже произошло самое трагичное и в «ПримЭко» сняли телефонную трубку, чтобы звонившие не доставали, советуются, какую информацию давать в эфир. Пора действовать, нечего сидеть сложа руки. Быстро умылась, забыв обо всём остальном, растолкала спящего сынишку, сунула в руки яблоко и принялась торопливо одевать хныкающего ребёнка. В детском садике, видимо, пока не знали о происходящем с теплоходом или не придавали значения, мало ли их терпит бедствие в последнее время. Даже воспитательница Ильи, с которой Соболева нередко болтала по душам, лишь удивлённо вскинула брови, взглянув на встревоженную мать мальчика. Возможно, у человека возникли какие-то проблемы личного плана, так к чему лезть в душу? При случае сама поделится, коли посчитает нужным...

Выйдя на улицу, Алина поймала частника, попросила побыстрее довезти до судоходной компании, назвала адрес. В офисе на её обращение ничего не могли добавить больше сказанного по радио. Попытались успокоить, взяли номер рабочего телефона, пообещали немедленно поставить в известность, как только прояснится ситуация. На работе в отделе девчонки подходили, выражали сочувствие, типа «держись, всё будет хорошо». Мужчины во время последних известий выходили во двор, включали приёмники



своих автомобилей. Никаких новых сообщений. Для неё остановилось время, жить надеждой и ждать, надеяться, что не произойдёт самое непоправимое.

Пошли вторые сутки, как Антон Соболев остался один в машинном отделении. Как же вести себя в подобной ситуации? Пока всё в пределах допустимого, но порой от сильного удара волны или шального порыва ветра начинало так скрежетать, словно какая-то неведомая сила пытается во что бы то ни стало разорвать на куски обшивку судна. Непроизвольно холодок страха пробегал меж лопаток. Не было намёков на панику, хорошо помнил, что такое чувство ведомо каждому побывавшему в экстремальной ситуации. Врут те, кто бравитует бесстрашием, они и погибают зачастую первыми. Сходить проверить, как работают балластные насосы. Вроде один начал греться, или... Выйдет из строя – совсем станет худо. В тоннеле гребного вала в пайолах появилась вода, снова подтекает дейдвудная втулка. Наверняка винт бьётся о камни, оттого и не держит набивка... На всякий случай задраить клинкетную дверь. Прорвёт – ничего не успеет сделать. Вспомнил, как на лекциях в училище преподаватели рассказывали о действиях механика, оставшегося в машинном отделении перевернувшегося ББС «Билибино». Тот благодаря воздушной подушке до последнего вёл записи в вахтенном журнале. У самого положение намного лучше. Станет записывать происходящие изменения, может, и пригодятся кому-нибудь на будущее. Нанёс отметку на переборке по уровню воды в трюме, зафиксировал наклон судна по кренометру. И так каждые четыре часа. Где-то около ноля позвонил старпом.

– Пальч, ты как там?

– Пока нормально.

– Поднимайся, погрызём чего-нибудь. Всё веселее вдвоём.

– Спасибо, что-то не хочется.

– Ну смотри.

– Как там погода?

– Без изменений к лучшему.

– Японцы все ушли?

– Один спасатель дрейфует в полумиле.

Периодически выходит на связь.

– Лады. Скучно станет – звони.

– Непременно.

Человек – такое существо, ко всему быстро привыкает.

Алина была на грани нервного срыва. Хотелось упасть, дать волю слезам, может, хоть немного полегчает. Но следует держать себя в руках. Боже мой, что происходит, подчас воображение рисовало такие мрачные картины, что замирало сердце. Даже представить не в состоянии, насколько тяжело Антону. Ведь это она... она во всём виновата, указав мужу на дверь. Оттого добровольно и остался на судне, что его на берегу не ждут. Сколько раз супруг повторял главную заповедь: «уходить в море следует с лёгким сердцем и хорошим настроением, тогда и возвращение окажется быстрым и радостным». Пропускала мимо ушей, не брала на ум, считая сказанное банальной блажью. Словно специально, перед каждым отходом устраивала никому не нужные разборки. Отчего-то зациклилась на мелочах, совершенно забывая о главном смысле жизни. Что же толкало на столь решительный шаг? Пожалуй, знакомство с одним капитаном. В День работников морского и речного флота судоходная компания сняла два домика на базе отдыха для своих работников, пригласили жён моряков, чьи мужья находились в рейсе. Вечером, пока мужчины разжигали мангал и нанизывали мясо на шампуры, решила со знакомой прогуляться по территории. При возвращении назад их окликнул мужской голос. Мужчина, лет под сорок, чем-то даже смахивает на зарубежного актёра кино. Пошёл обычный трёп. Как потом новый знакомый оказался в их компании, представления не имела. Травил без умолку вполне приличные анекдоты, произносил великолепные тосты, не скупился на комплименты, бросая недвусмысленные взгляды в её сторону. Не то что Соболев, ласкового слова лишний раз не услышишь. Перед сном немного прогулялись по берегу. Знала, что нравится мужчинам. Среднего роста, стройная, женственные формы, симпатичная в меру. Не один мужик положил глаз. Хоть сейчас можно выходить на подиум. Даже рождение ребёнка ничуть не изменило общей привлекательности. И мало кто подума-

ет, что четвёртый десяток не за горами. Тогда и обменялись номерами телефонов. Несколько раз звонил по вечерам. Уговорил поужинать в ресторане. Сидели в отдельной кабинке, был галантен, ни одного вольного движения. Разрешила проводить до подъезда. Увернулась, когда попытался обнять... Пошла на размолвку, чтобы супруг начал ревновать, ведь не толстокожий же.

...Боже мой, да что же такое происходит? Антон там, может, уже и судно пошло ко дну, отчаянно борется за жизнь, а у неё одно на уме... ведь сама постоянно толкала мужа в рейсы. Всё распланировала на несколько лет вперёд. Мамини наставления настолько въелись в сознание, что уверовала: должно быть только так и никак не по-другому. Но мама большую часть жизни уже прожила, а ты? Где твоя голова? Обыкновенные бабские капризы с притязанием на многое. Замужняя женщина с куриными мозгами. Если, не приведи Господи, произойдёт самое страшное и останется одна, Илья будет расти без отца. Станет взрослее, что можно будет ему объяснить? Ровным счётом – ни-че-го. Он и сейчас многое понимает. Вернётся из садика, покушает, достанет фотографию Антона из альбома и может часами смотреть. И всё, что было за семь лет совместной жизни, перечёркнуто одним махом. Дура набитая. Невыносимо тяжко. На работе отпустили без лишних слов. Какой из неё работник, всё плывёт перед глазами, как в тумане. Но и дома оставаться одной невыносимо. Попробовала появиться в отделе, но там люди заняты делами, не до неё. Ждать, что каждую минуту станут высказывать сочувствие, утешать, так от такого ещё горше. А ночи превратились в сплошной кошмар. Теперь до самого возвращения Соболева будет просить Всевышнего, чтобы помог мужу вернуться живым. Ведь она его любит, любит, любит...

Пошла двадцатая вахта. Крен на правый борт достиг 16 градусов. Накануне остановил котёл, какой смысл гонять? Сколько же топлива осталось в танке? Попробовать прикинуть. По его расчётам, не больше чем на сутки. В машинном отделении всё прохладнее. В токарке нашлась фуфайка, всё меньше будет стынуть. От выпитого за эти дни кофе во рту сплошная горечь, словно воспалилась печень. Сейчас бы борща горячего

со сметаной да кусок прожаренной свинины. От сухарей ломит скулы, кровоточат дёсны. Кто надумал делать неприкосновенный запас таким чёрствым, самого бы посадить на подобный рацион на несколько суток. Обнаружил в конторке оставленную кем-то неполную пачку сигарет. Закурил, но больше двух затяжек не выдержал. Какая гадость. Для чего люди себя травят, какое испытывают удовольствие? Как хочется спать. От напряжения слезятся глаза. Взгляд постоянно упирается в чёрточки на переборке. От отпотевания риски размываются или ему начинает мерещиться? Интересно, а на какое давление рассчитывали проектировщики переборку, какой уровень воды она в состоянии выдержать? Никогда не встречал подобной информации. А ведь должны испытывать на прочность. На третьем курсе, когда проходили теорию устройства судна, считал, что эта наука механику ни к чему. Пусть судоводители зубрят, а ему и трояка хватит. Вот бы где могли пригодиться знания, сейчас бы не ломал голову. Вернётся – непременно попытается выяснить. А если не суждено... К чёрту дурные мысли, надо отвлечься на что-то другое.

На память пришёл разговор с Алиной, когда ещё не были женаты. Как-то пригласил девушку на соревнования. Занял первое место в своей весовой категории с новым рекордом зоны Дальнего Востока, который держался до этого целых десять лет. После соревнований она призналась:

– Ты поразил меня. В обычной жизни казался увальнем, каким-то меланхоликом. А вышел на помост и мгновенно преобразился. Стал по-хорошему злым, доказывая, что человек сильнее бездушного металла.

– Тебе просто показалось.

– Не спорь. Со стороны виднее. Ты ещё не знаешь сам себя.

– Возможно... но штанга – живое существо, её необходимо понимать, чувствовать. Когда осознаёшь, настроишься, тогда и появляется собственное превосходство.

А норматив мастера спорта международного класса он так и не выполнил. Теперь уже никогда не достигнет такого рубежа, потому что море и большой спорт в реальности несовместимы.



Первый поцелуй, первое признание в любви. Как это было давно... и словно вчера. В том, что происходит в семье, виноват во многом сам. От чего постоянно задирает супругу? Им не хватает житейской мудрости. Надо уметь уступать друг другу даже в малом, чтобы сохранить главное и пронести его через всю жизнь. Как там у поэта: «Если есть обиды, значит, есть любовь». Подрастает Илья, их надежда и опора. Ради этого стоит жить. Пока не оставят силы, станет бороться, чтобы выкарабкаться из непростой ситуации. А что там наверху? Позвонил на мостик.

– Чиф, что обещает небесная канцелярия на ближайšie сутки?

– Без изменений. Эпицентр тайфуна завис над Японскими островами. Пока не потеряет силу, будет поддавать по-прежнему.

– Ты – поближе, свяжись, скажи, мол, пора заканчивать, совесть надо иметь.

– Раз шутишь, значит, не так уж погано. Держись.

– А куда я денусь?

Ещё шесть вахт позади. Ночью, где-то часа в три, пришлось перейти на аварийный дизель-генератор. Динамка зачихала, видимо, заканчивается топливо. От всё увеличивающегося крена масло начало подкапывать из картера. Запросто можно запороть движок. По машинному отделению приходится передвигаться с трудом, только постоянно держась за что-нибудь штатное. Перестанут работать балластные насосы – тогда совсем кранты... Вода в трюме поднимается выше и выше. Всё море не перекачаешь, мартышкин труд. Сколько ещё времени выдержит усталый металл? Совсем холодно. Руки зябнут даже в карманах телогрейки. Штатать туда-сюда, отогревать ооченевшие конечности о работающий механизм не резон, надо экономить силы, их не так много осталось. Страх за собственную жизнь куда-то улетучился. Он добровольно остался и обязан до последнего бороться за своё судно. Ведь на него надеются. А если прорвёт и хлынет вода, наверняка не успеет выбраться. Лучше находиться поближе к трапу, тогда и шансов побольше. Вахтенный журнал надёжно заткнут за ремень, не должен пропасть... Как хочется спать. В глаза хоть спички вставляй. Терпи, Антон, ты

же спортсмен. Обязан выдержать, ведь на берегу тебя ждут любимые. Им труднее, потому что ничего не известно... Никогда не предполагал, что можно отключаться на некоторое время с открытыми глазами. Где-то звонит телефон. Кому мог понадобиться? С трудом сообразил: только с мостика. Снял трубку.

– Антон Павлович, что так долго не отвечаешь?

– Далековато был... пока добрался.

– Как самочувствие?

– По-японски – херовато, по-русски – терпимо, господин капитан.

– Заговариваешься, это Леонидов.

– Сейчас – ты временно мастер, отдаю себе отчёт.

– А я уже подумал...

– Не дождёшься.

Пятый час ночи. Только что закончил очередную запись в журнале. С трудом выводит каракули, шариковая ручка не слушается озябших рук. Состояние словно в невесомости. Приходится постоянно себя щипать, чтобы не заснуть. Начинают стыть ноги, совсем плохо. Где-то слышится треск разрывающегося металла... или ему начинает мерещиться. Зияющая дыра на переборке продолжает увеличиваться на глазах. Мощным потоком хлынула вода. Пора уносить ноги, но в этот момент силы окончательно оставляют человека. Сконцентрироваться, чтобы принять удар водной стихии и не быть погребённым под её первым валом. Но что это? В том месте, где только что был водный поток, показалась неведомая земля, становится всё больше и больше. Прямо через дыру в переборке пробирается Алина с сынишкой. Яркие лучи солнца светят прямо в глаза, приходится щуриться, чтобы лучше рассмотреть своих родных, по которым безмерно соскучился. Супруга в просторном летнем сарафане. Илья в майке, шортиках и панамке. Когда только успели так сильно загореть? Вокруг полно цветов, весело щебечут птицы. Идут по тропинке, по обеим сторонам которой высится зелёная трава. Не доходя метров пять, останавливаются под сенью высокого раскидистого дерева и вопросительно смотрят в сторону мужа и отца. Антон делает шаг навстречу, но Лина решительно

выставляет руку вперёд, давая понять, чтобы не смел приближаться. Почему? Жена верна своему слову и не желает больше иметь с ним ничего общего. Для чего же тогда пришли? Она склоняется над сыном и что-то тихо говорит. Лёгкое дуновение ветерка доносит обрывки фраз: «... Твой папа опять не сдержал данное слово... Он любит лишь своё море, и мы ему совершенно безразличны... таким людям совершенно нет веры, они постоянно находят причины... мы уходим... Ты вырастешь честным, порядочным человеком, настоящим мужчиной...» Соболеву хочется громко крикнуть, что сказанное – неправда, но слова застревают в горле. Срывается, чтобы остановить удаляющиеся фигуры милых сердцу людей. Один шаг, второй... Внезапно земля расступается, и он, не удержавшись, летит в бездну. Неужели конец? Даже не смог попрощаться. Но вместо каменистого днища оказывается в трюме теплохода «Карагалес». Вода поднимается всё выше и выше, намочшая одежда тянет вниз. Остаётся сантиметров двадцать свободного пространства до крышек трюма. Ещё немного, и совершенно нечем станет дышать. Соберись, Антон, ищи выход наперекор стихии. Набирает побольше воздуха в лёгкие и ныряет вниз в надежде выбраться через пробойну в борту. Темнеет в глазах, давит на уши, от холодной судороги сводит руки и ноги. Но где же спасительный выход? Неужели проиграл на этот раз? Сознание окончательно покидает третьего механика. А где-то вдалеке приглушённо звучат слова однажды услышанной бардовской песни:

*У Геркулесовых столбов бежит моя дорога,  
У Геркулесовых столбов, где плавал Одиссей.  
Меня оплакать не спеши, ты подожди немного,  
И чёрных платьев не носи, и горьких слёз не лей.*

Лишь на шестые сутки, в середине ночи, начал стихать ветер, и к утру волнение моря не превышало пяти баллов. К терпящему бедствие лесовозу подошли два японских спасателя. На борт поднялись люди. Завели концы, и с третьей попытки удалось снять судно с камней. На пробойну завели пластырь, откачали воду из трюмов, началась буксировка.

Всего этого не мог видеть третий механик Соболев. Когда спасатели спустились в машинное отделение, то увидели исхудавшего, заросшего щетиной, с воспалённым лицом человека, крепко вцепившегося в металлические поручни трапа. С большим трудом удалось расцепить окоченевшие пальцы, и через некоторое время вертолётном двух моряков лесовоза доставили в ближайший госпиталь.

Вчера в последних известиях телевидение сообщило, что операция по снятию с камней теплохода «Карагалес» завершилась успешно. Судно находится в порту в ожидании представителей судоходной компании «ПримЭко», которые и должны определить дальнейшую судьбу лесовоза. Оба моряка живы и находятся под наблюдением японских медиков, их жизнь вне опасности.

Силы окончательно оставили Алину Соболеву, и она прямо за кухонным столом разрыдалась, склонившись на руки. Лишь часа через два удалось немного успокоиться. Слава Богу, что всё закончилось. А дальше? Вернётся Антон, какими глазами станет она смотреть на мужа? Он гордый и вряд ли простит жене последнюю выходку. Человеку выпали такие испытания, что ни в одном кино не увидишь. Возвращаться в родной порт к разбитому корыту, когда некуда прийти, не к кому склонить голову, услышать доброе, ласковое слово, всегда нелегко. Даже не станет слушать её объяснения. Горько усмежнётся, как только он умеет, и молча, не удосужив словом, уйдёт с гордо поднятой головой. Что ж, она заслужила подобное отношение, как бы больно ни было осознавать. Обязательно встретит по приходе, а там будь что будет.

На причале в этот час собралось достаточно много встречающих. Два дня назад диспетчер компании сообщил по телефону, что Антон Павлович Соболев отказался от госпитализации и, несмотря на протесты врачей, настоятельно попросился с первым отходящим судном отправить домой. Старший помощник Леонидов пока остаётся в Японии: требуют юридического оформления некоторые формальности. А вчера вечером подтвердили, что теплоход, на котором приходит Соболев, должен стать на рейде часам к восьми утра. В по-



ловине девятого за ней заедет микроавтобус. До полуночи готовилась, что-то протирала, переставляла, пылесосила...

Ведомое двумя буксирами судно пришвартовалось к причалу, завели концы, начали опускать трап. Учащённо забило сердце. Засуетились корреспонденты, ближе подошли работники судоходной компании. Вслед за властями показался Антон, спускается осторожно, словно не уверен, что под ногами вот-вот окажется твёрдая земля. Застрекотали телевизионные камеры, защёлкали затворы фотоаппаратов. Алина окончательно растерялась, ноги никак не желали подчиняться доводам разума. Стояла одна, чуть в стороне, по щекам непроизвольно стекали слёзы, в руках нервно вздрагивали цветы. И тут Антон увидел жену.

– Извините, господа, я ещё недостаточно хорошо себя чувствую... завтра, часов в 14:00, в офисе компании готов ответить на любые ваши вопросы.

Подошёл к жене.

– Я опять опоздал... так получилось.

Протянула цветы.

– Антон, здравствуй, с возвращением!

– Спасибо.

– Антоша, прости меня, если сможешь, за всё, что было.

– Не стоит вспоминать. Давай забудем раз и навсегда и никогда не станем больше ворошить прошлое.

– Отныне у нас всё будет по-другому.

– Не сомневаюсь... Главное, мы оба поняли, что не всегда бываем правы.

– Ты меня прости?

– Пошли домой, я очень по вам соскучился.

– Там, за проходной, ждёт машина, выделили...

– Попробуем пешком. По пути заберём Илью.

– Но ведь тебе нездоровится, тяжело.

– Ерунда. Когда тебя ждут, появляются дополнительные силы, открывается второе дыхание.

Обнял жену и крепко поцеловал в губы. Они оба выдержали испытание на прочность.



**Юрий МЕРИНОВ**

*Юрий Николаевич Меринов родился 1 января 1947 года в с. Тереховка Надеждинского района Приморского края. Окончив Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. адм. Г. И. Невельского, начал трудовую деятельность механиком на судах Дальневосточного морского пароходства. По решению партийных органов был направлен на освобождённую комсомольскую работу, где прошёл путь от заведующего отделом комсомольских организаций Фрунзенского райкома ВЛКСМ до первого секретаря Владивостокского горкома комсомола. Трудился на освобождённой партийной работе в аппарате Приморского КК КПСС и первым секретарём Находкинского горкома партии. После 1991 года до ухода на пенсию работал в ряде коммерческих структур. Был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ и XXVIII съезда КПСС. Награждён медалью «За трудовое отличие», Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, знаком «Почётный работник морского флота». С 1997 года занимается активной писательской деятельностью. В 1998 году вышла отдельной книгой повесть «Навстречу мечте», получившая широкое общественное признание. Всего вышло на настоящий период 35 книг. Член Союза писателей России с 2005 года. Литературная деятельность автора отмечена двумя золотыми и тремя серебряными медалями выставок-ярмарок, региональных, республиканских и международных выставок, медалями М. Шолохова и В. Шукшина, различными наградами ведомственных организаций. Большое признание получила историческая книга «Земля Находкинская».*

# ИСПЫТАНИЕ

ПОЭМА



**Виктор ПАСТУХОВ**

*Виктор Степанович Пастухов – член Союза писателей России, заслуженный изобретатель РФ, заслуженный работник РАО «ЕЭС России», почётный работник высшего профессионального образования, лауреат Всероссийского конкурса «Инженер года – 2005», профессор Дальневосточного федерального университета (ДВФУ).*

*Родился в Приморье (г. Лесозаводск) в 1950 году. Школу и Электротехнический институт окончил в Новосибирске, аспирантуру – в Ленинграде. С 1978 года преподаёт автоматизацию энергосистем, сначала в ДВГТУ (ДВПИ им. В. В. Куйбышева), а после слияния вузов – в ДВФУ с 2011 года. Почти десять лет (с 2002 по 2011 г.) заведовал кафедрой электроэнергетики ДВГТУ.*

*Публикуется с 2009 года. Автор восьми стихотворных сборников.*

## 1. НАКАНУНЕ

1

Ещё страна величием дышала.  
Ещё грозила мощью арсенала,  
Укрытая за ядерным щитом.  
Ещё не разуверились мы в том,  
Что дети будут жить при коммунизме.  
Ещё не убедились мы в цинизме  
Посмертно замещаемых вождей.  
И жёсткая петля очередей  
Ещё не захлестнула наши шеи.  
И стройки, разорённые позднее,  
Ещё рвались в заявленный размах.  
Но скрытое брожение в умах  
Тревогой пробивалось всё кучнее.

2

Уже в Европу натовскую нефть  
Лилась по трубам донорским из недр  
За доллары. Но допинг заграничный  
Не делал ни резвее, ни ритмичней  
Большую экономику страны.  
А капитал с противной стороны,  
Приоткрывая «занавес железный»,  
Уже испёк тот самый вожделенный,  
Нам только обещаемый пирог  
Товарно-бытового изобилья.  
И наш идейный враг (ну не обидно ль?!)  
В любой момент своим отрезать мог  
От пирога заслуженный кусок



На зависть нам, равняя сказку с былью.  
 Всё громче и зазывнее о том  
 Их «голоса» вещали разнобойно,  
 И становилось как-то беспокойно  
 В социализме нашем развитом.  
 И дело было даже не в еде,  
 Не в грядках на соседском огороде,  
 А в том, что вера в истинность идей  
 При немощи и глупости вождей  
 Истаяла в обманутом народе.  
 Всё шло как будто прежним чередом  
 Под лозунги и бодрые призывы,  
 Но изменились цели и мотивы  
 Стоящих над инертным большинством.  
 И на местах уже почти открыто  
 Торгово-аппаратная элита  
 Устраивала личный коммунизм,  
 В котором безнаказанно и сыто  
 Она росла без норм и дефицита,  
 Лишь крохи со стола роняя вниз.

## 2. ОЖИДАНИЯ

### 1

А время словно замерло в Кремле.  
 Мы ждали просветления во мгле  
 Речей и нестыкуемой цифири.  
 И многим знать хотелось, почему  
 Сбоила сильно, судя по всему,  
 Система, справедливейшая в мире.  
 И почему теперь его сыны  
 Всё больше летуны и несунуны,  
 Всё чаще – шаркуны и ренегаты?  
 А сорняки на поле пропаганды  
 Не потому ли стали так сочны,  
 На краски и на запахи богаты,  
 Что по другую сторону стены  
 Вполне самодовольны и сильны  
 Не только те же Англия и Штаты,  
 Но даже зачинатели войны,  
 Что нашим кулаком сокрушены?

### 2

Вопросы повторялись, как рефрен.  
 И он пришёл – глашатай перемен.  
 Он знаком был особенным отмечен,  
 Казалось нам – пророка и предтечи

Того, кто укрепит союзный дух.  
 И мягкие отеческие речи  
 О том, что наше счастье недалече,  
 Ласкали обостряющийся слух...  
 Когда бы знать, когда бы знать нам только,  
 Что эти «перлы» – «гласность», «перестройка» –  
 И наш неосмотрительный восторг –  
 Разбойной смуты бархатный порог,  
 Наверно, мы бы этого «пророка»  
 Прогнали или заперли в острог.  
 Когда бы знать, что вынесет та смута  
 На самый верх другого словоблуда,  
 И затрещат натянутые швы  
 От крайних территорий до Москвы.  
 И будет панцирь нации распаян  
 В предательстве правителей окраин  
 При тряске, учинённой с головы.  
 А следом либеральная идея,  
 О собственных носителях радея,  
 Прикроет реформаторский грабёж  
 И в спину государственности нож  
 Исподтишка почти по рукоятку  
 Вонзит под заградительную ложь,  
 Что это шаг из хаоса к порядку.  
 И влезший на трибуну скоморох  
 Рассыплет обещанья, как горох...

## 3. О СПРАВЕДЛИВОСТИ (отступление 1)

### 1

Сомнение ли в сердце поселилось,  
 Нужда или досада извела –  
 Тук-тук – и ты приходишь, *справедливость*,  
 С порога ополчаясь против зла.  
 Ты заявляешь просто и открыто,  
 Что цель твоя – спасенье и защита,  
 Что движет сострадание тобой,  
 Умалчивая лишь, какой ценой  
 Насытятся встающие войной  
 Гнев праведный, корысть или обида.  
 Не ими ли взрывались изнутри  
 Традиции, дворцы и алтари?  
 В измене или в подвигах великих,  
 Отчизну то спасая, то круша,  
 Ты знала – с Богом русская душа,  
 Но идолов плодила многоликих.

Как много душ на жертвенники их  
Принёс народ в сражениях твоих.  
И снова забурилась, разделилась  
Россия, забывая про дела.  
Долой! Ломай! Тащи!  
*О справедливость!*  
В какую ты нас пропасть увлекла?

## 2

*О справедливость!* Слово-приговор  
И оправданье злу одновременно.  
Как знамя, как вонзаемый топор,  
Несёт оно единство и раздор,  
К святому долгу обращая взор  
Или брэнча монетою разменной.  
Свобода, братство, равенство! Увы,  
Не дали нам ни мира, ни любви.  
И сколько бы история ни длилась,  
С фасада заходя или с угла,  
Мы будем восклицать: «*О справедливость!*  
Какой несправедливой ты была!»

## 4. ДВА ВОПРОСА

Что делать, мы не знали. Но впопад  
Вторым вопросом: «Кто же виноват?» –  
Мы задались привычно и поспешно,  
Как будто он – спасательный канат.  
И массы зароптали: «Ну конечно!  
Евреи! Их оружие – обман.  
Их цель – нажива. Их слова – туман,  
В котором легче взять штурвалы власти.  
Конечно, перестройка – их капкан.  
Конечно, все наскоки и напасти  
На наши земли выстроены в план,  
Который инспирирован оттуда,  
Где живы в генах Ирод и Иуда!  
Достаточно прикинуть, в чей карман  
Стекаются богатства россиян».  
Тут не поспоришь. Всё определённо.  
Нам объясняли, кажется, с пелёнок,  
Кого считать собратом и врагом.  
И как же мы забыли, что кругом  
Враждебный мир и «пятая колонна»,  
Что никакая армия и флот  
От внутренней заразы не спасёт?  
Выходит, не хватило нам силёнок,

И мы в делах разбойных ни при чём?  
Тогда разбудим Витязя с мечом  
В себе и будем биться исступлённо,  
Пока не ляжем все к плечу плечом!  
А может быть, не столь невинны мы –  
Высокие и косные умы,  
Двuruшники, лакеи, лежебоки?  
А может, наши страсти и пороки,  
Безбожие, зловерие, грызня  
Без боя свалят Витязя с коня?  
Постой-ка, русский Витязь, не трубя.  
Попробуй молча заглянуть в себя.  
Тогда решай, готов ли ты, пора ли  
Ещё раз наступать на те же грабли.  
Пока твой конь буланый в поводу,  
Подумай, в чью трубу или дуду  
Ты будешь дуть, мечась по полю брани.  
А может быть, за прежние дела  
Тебе пора покаяться пришла?

## 5. О ПОКАЯНИИ (отступление 2)

### 1

Что, Витязь, неудобное словечко?  
Ещё бы! Ты же воин – не овечка.  
Ты подвиги и силу чтить привык  
Твоих былинных братьев и живых.  
А тут признаться, преклонив колени,  
В душевном неустройстве и растленье –  
Да разве повернётся твой язык?!  
Ты в мире до сих пор не из последних.  
К тому же славы дедовской наследник.  
В тебе особый русский генокод.  
Как времярасщепляющая призма,  
Собрал он свет былого героизма.  
И каяться?.. Дружина засмеёт.  
Свистели стрелы, шли навстречу рати,  
Искали плоти копья и мечи.  
Ярился враг, и предавали братья:  
За княжескую шапку – в палачи.  
Но крепла Русь крещёная, сметая  
Тевтонских псов и всадников Мамая  
В единстве ополчений и дружин...  
В награду – кнут боярский, рабский чин.  
Но после смут и зыбкого смиренья  
Был глас Петра: «Твоё, Россия, время!»



И встал, расправив плечи, исполин.  
История! Ты рядом и не рядом.  
В учебнике, на плёнке кадр за кадром  
Ты – дух и лик возлюбленной земли.  
Виктория! Дробили стены ядра,  
И в Чёрном море русская эскадра  
Турецкие топила корабли.  
Дрожал Париж под конницей казачьей,  
И по Берлину танки шли, рыча.  
И знал тогда обидчик и захватчик,  
Что русские дадут любому сдачи  
И меч занёсший рухнет от меча!

## 2

Как долго спал ты, Витязь, на кургане  
Минувших битв, а меч ржавел в бурьяне.  
Кружило, целя в очи, вороньё,  
В земле торчало тяжкое копьё,  
И конь бродил в предутреннем тумане...  
Взгляни, как встарь, с коня из-под руки –  
Внизу юнцы слепые, как щенки,  
Визжат, грызутся, лезут на отраву  
В настроенные петли и силки  
И руки опускают старики,  
Сдавая лжи их свергнутую правду.  
Другие же, надвинув козырьки,  
Ведут дела по совести ли, подло ль,  
Чтобы иметь хоть постные куски  
Или набить потуже кошельки  
В запроданной России и поодаль.  
Что, Витязь, за тобою нет вины  
Перед былым величием страны  
И теми, кто за это жизни отдал?!  
Или с тебя не взыщет твой закон  
За тех, кто жив ещё, но обречён?

## 3

А может, и не спал ты вовсе, Витязь,  
А променял на странствия и фитнес  
Без бремени шоломов и кольчуг  
Тот самый богоданный русский дух?  
Ты стал раскрепощённо-толерантным  
И, чад вручая пришедшим гувернантам,  
Своей рукой замкнул порочный круг?  
Ты жадно колесил по белу свету,  
Кутил в отелях, шаркал по паркету  
В тиши чужих базилик и дворцов,

Забыв и про детей, и про отцов.  
Очнись, герой! Давно пришло время  
Взглянуть на вызревающее семя.  
Неясно, кто на смену нам подрос.  
Хотя бы те с айфонами в метро,  
Заткнувшие наушниками уши.  
За их неутвердившиеся души  
Идёт война, где зло, тесня добро,  
Стяжание возводит в добродетель,  
Распущенности жалует права.  
Успех дороже чести и родства.  
Да это же твои по крови дети!  
Эх, Витязь, удалая голова!  
Ты всё далёк от самоукоренья:  
Искришь очами и готов скорее  
Разить врага, пускаясь во всю прыть.  
А главный враг в тебе самом сокрыт.  
Он, направляя гнев и состраданье,  
Под подвиг лакирует злодеянье  
И в помощи преследует корысть.  
Кого ты пригласил в учителя?  
И в чьих руках теперь твоя земля,  
И твой народ, границами разъятый  
И стоголосой ложью о тебе,  
И ты, пускай пока не толерантный,  
Но распалённый ненавистью брата  
В его самоубийственной борьбе?!  
Остынь и меч калёный опусти.  
В усобной сече зла не извести.  
На перекрёстке – камень придорожный  
И надпись, где указывают путь  
Соблазн и смерть.  
А сзади зов тревожный.  
Ну, что ты медлишь?!  
Выбор-то не сложный:  
Пора коня обратно повернуть.  
Пока ты мыслишь свадьбу и войну,  
Твой древний дом растащат по бревну.  
На пагубу – земельные угоды.  
Под корень – заповедная тайга.  
Плодится инородье и безродье.  
А ты, герой, и не повинен вроде?!  
О чём же твоя дума и туга?  
И скоро ли объявишься в народе  
Как истинный хозяин и слуга?  
Свои пределы обойди дозором.  
Вольготно стало за твоей спиной

Удельным разорителям, и ворам,  
И стольным их заступникам, которым  
За мзду не жаль и матери родной.  
Притворный друг безжалостней врага.  
Вступишь, коли держава дорога!  
Спасай детишек, объясняя смалу  
В музее, в классе, по телеканалу,  
Что значат долг, Отечество, семья.  
Но прежде примиришь, как предки, с Богом  
В сердечном плаче, в покаянье строгом  
Ты, Витязь! Ты – моё второе «я»!

## 6. ЗНАМЕНИЕ

(Брянский уезд Орловской губернии,  
село Лысье, 1914 год)

Крест, окровавленный закатом,  
Из тучек сросся на ветру.  
А Некто, будучи «за кадром»,  
Творил ворота и метлу.  
Крест удалялся, а метла  
Мела, мела через ворота.  
«К великой скорби...» – молвил кто-то.  
Крестьяне ближнего села  
Дивились, выбежав на взгорье:  
«Окстись, Егор! Какое горе?  
Расея-матушка сильна!»  
«Грядёт война и смена власти.  
Вратами смерти, как метла,  
Она погонит нас. И мгла  
Безбожья будет рвать на части  
Единый прежде русский род.  
И в злобе части те сведёт».  
«А есть ли знаки той напасти?»  
«Да вон же хмарь лиловой масти  
Из ключев сбоку собралась.  
Там грома гул и молний власть...  
Я слышу, как колокола  
С последним плачем с колоколен  
Летят... как распря и хула  
Растёт в народе, как он болен,  
Творя безумные дела.  
Я вижу – брат идёт на брата,  
И сын преследует отца,  
И кровь без края и конца –  
Вероотступничеству плата.  
Упьётся кровью сила та,

Что ненавидела Христа,  
Суду позорному предавши...»  
Егор умолк.  
«А дальше, дальше...»  
«Смотрите, выше облака  
Слепились вроде кулака  
В огромный ком багрово-плотный.  
Так соберётся дух народный  
Под руку деспота-вождя  
И, ненавистников судя,  
Воспрянет милостью Господней.  
И будет отчий дом спасён.  
И будет плач, и будет стон,  
Пулям спасения угодный.  
Но зло не даст передохнуть.  
Вон из-за леса лезет муть  
Клубами. Значит, быть пожару.  
То смерть невиданную жатву  
По свету станет собирать.  
И тут пройдёт чужая рать,  
Неся разоры и страданья».  
«А как же Русь? Погибнет, что ль?»  
Егор задумался: «Доколь  
Над нею крест, гласят преданья,  
Бессильны слуги сатаны.  
Победным шагом из войны  
Держава выйдет, мир спасая.  
Как зорька эта золотая,  
Осветит землю русский дух,  
Рассеяв тучи в прах и пух!»  
«Чего же ждать? Земного рая?»  
«Прельстятся многие. Но крест  
Далёк по-прежнему...» Окрест  
Егор считался прозорливцем.  
Крестьяне слушали. По лицам  
Читалось, словно по письму:  
Селяне верили ему.  
«Промчатся годы славы мигом.  
И ложь надломит стан страны,  
Согнув её под новым игом  
Тех сил, что биты до войны.  
И с улюлюканьем и гиком  
Они натравят псов цепных  
Корысти, зависти, растленья.  
И будут гибнуть поколения  
Незащищённых, молодых.  
Так опускает крылья мрак



На плечи бледного заката...  
 Но крест приблизился! И надо  
 Ему навстречу сделать шаг... –  
 Егор нахмурился. – Однако  
 Обратный ход не так уж скор.  
 Соткёт опять свой саван скорбь  
 В ночи. Но битвы и потери –  
 Тот предречённый крестный путь,  
 Что к православной отчей вере  
 Россию должен повернуть.  
 Тогда искупленной виной  
 Она обрящет воскресенье,  
 А с ним – небесное спасенье  
 Среди погибели земной!»  
 Крестьяне медленно с холма  
 Спускались. И ложилась тьма  
 На их дома, поля, овины.  
 Вздыхали горестно они.  
 То возглас: «В чём же мы повинны?!»  
 То шёпот: «Боже, сохрани...»

## 7. МОНОЛОГ МОЕГО СОСЕДА

### 1

Мне кажется, Витюша, как-то махом  
 Ко мне переменял ты «статус-кво».  
 Хотя ты знаешь – к нашим олигархам  
 Я не имею ровно ничего.  
 Спроси у Форбса ради интереса.  
 Там есть и русский корень, и Кавказ.  
 Я старый «исторический» профессор  
 И знаю кое-что про вас и нас.  
 Давно, когда в языческом дикарстве  
 Ваш род ещё не вырос из племён,  
 Мы жили в просвещённом государстве  
 С Единым Богом, чтя Его Закон.  
 Прости, что я в религию немного.  
 Но в наших верах расстыковка есть:  
 Еврея, что признали вы за Бога,  
 Мы некогда отправили на крест.  
 Я – атеист. Не знаю, чей был промах.  
 Но вскоре враг порушил города,  
 И наши предки в статусе бездомных  
 Рассеялись по свету кто куда...  
 Та кара обернулась, как мы видим,  
 В нацеленный на шар земной поход.  
 Мы – дети Моисея и Давида,

А значит – богоизбранный народ!  
 И мы, терпя бесправие и бедность,  
 Презрение плебеев и владык,  
 Крепили разрастающийся этнос  
 И помнили Заветы и язык.  
 А вы, Витюша, стенкой шли на стенку,  
 Усадьбы жгли и брали в топоры.  
 Вы верили в Емельку или Стеньку.  
 Вы скоры на расправы и пиры.  
 Какие строчки барышням в альбомы  
 Вы вписывали, нежностью беря,  
 А после наравне бросали бомбы  
 В министров или в батюшку-царя.  
 Что-что? Не будем старыми делами  
 Глаза колоть? А двадцать лет назад?  
 Вы сами расстреляли свой парламент!  
 И нам таки устроили возврат!  
 Вы бросились, от жадности зверея,  
 В бандитские разделы и суды.  
 Ну что? Опять проклятые евреи?  
 Опять – христопродавцы и жиды?

### 2

Мы на идеи лидерства богаты.  
 Какой триумф в семнадцатом году!  
 Мы взяли власть. Но в красные отряды  
 Мы не тащили вас на поводу.  
 Вы сами провалились в окаянство,  
 И в ярости, приравненной к борьбе,  
 Два класса – духовенство и крестьянство –  
 Без колебаний вырвали в себе.  
 Без пищи для утробы и для духа  
 Вы рыскали вслепую (где же враг?!)  
 И били чем ни попадя друг друга  
 На митингах, в статейках, в лагерях.  
 И не было в стране такого места,  
 Где судьбы не уродовал тогда  
 Искус доноса или страх ареста  
 И тайного жестокого суда.  
 Витюша, мы давно уже не дети.  
 Мы все – народ, опущенный в бедлам.  
 Мы все за безобразия в ответе.  
 И каждый получает по делам.  
 Всё в памяти – рекорды, славословье,  
 Вражда систем и рапорты вождей.  
 Победный курс, что щедро полит кровью,  
 Не делал нас правдивей и добрей.

Не сгнули по войнам и ГУЛАГАМ  
 Доносчики, забойщики, ворьё  
 И мы, нафаршированные страхом  
 И верой в правосудие своё.  
 Мы вытравили в душах христианство!  
 Мы в добродетель вырядили грех!  
 Двадцатый век – рассадник окаянства.  
 Каким-то будет двадцать первый век?

## 8. МОНОЛОГ ДРУГА ЮНОСТИ

Мы век не сживали близко.  
 И должен прямо я спросить:  
 «Старик, в тебе какая съть  
 сегодня – волчья или лисья?»  
 Мне говорят, что русский дух –  
 Теперь варнак и сластоголик,  
 Что мы – не нация, а гои,  
 И лучший друг – уже не друг.  
 Прости, что резок я с тобою.  
 Не ты лишал меня страны.  
 Но как мне быть с растущей болью  
 Моей обиды и вины?  
 В чести позёры и дельцы.  
 Но мы же прежние? У нас ведь  
 В одном строю стояли насмерть  
 Под Старой Руссою отцы.  
 Они коттеджей не имели,  
 Стяжав другую благодать.  
 Ты помнишь, как они умели  
 И сострадать, и пострадать  
 За землю Русскую, за веру,  
 Что к справедливости звала?  
 Так почему же их примеру  
 Не вторят правнуков дела?  
 Что стало с мужеством людским,  
 С той силой внутренней и ратной,  
 Что держит злобу за оградой  
 Великодушием своим?  
 Святое мужество забыто.  
 А чтобы нами правил страх –  
 Тротил у смертника и бита  
 У бритых наголо в руках.  
 Встают кресты и купола.  
 Взывают пастыри, но всё же –  
 Чем шире поле лжи и зла,  
 Тем всходы мужества дороже.

Я их ищу, поверь, дружище.  
 Ищу который год подряд,  
 Как окружённый выход ищет,  
 Как заряжающий – снаряд.  
 На склоне, выжженном огнём,  
 На ниве, высушенной зноем,  
 Пою хвалу росткам-героям,  
 Чьё семя вспенится жнивьём.  
 И командиру, что гранату  
 Накрыл собой, щадя других.  
 И медсестре, что не за плату  
 Сквозь пламя вывела больных.  
 И полицейскому, который  
 Сорвал мальчика в последний миг  
 Со шпал, когда летящий скорый  
 Обоих, кажется, настиг.  
 На лбы родителей и чад  
 Кресты елейные ложатся.  
 Придёт пора, и будет жатва.  
 Созреет колос в судный час.  
 Нам нужно мужество простое  
 На русских подвигах взрастить,  
 Чтобы понять, чего мы стоим.  
 И повиниться. И простить.  
 Тогда на волю из оков,  
 Как в годы оны, выйдет сила,  
 Что храмы к небу возносила  
 И повергала ниц врагов.  
 Она смахнёт, ища простора,  
 С родной земли всю грязь и гнусь.  
 И явит Русь, Святую Русь –  
 Подножье Божьего Престола!

## 9. НИЩЕНКА

### 1

В старом храме, брошенном, продутом,  
 Трепет паутины и теней.  
 Нищенка, забредшая под утро,  
 Плачет у намоленных камней.  
 Клинописью врезались морщины  
 В тёмную обветренность лица.  
 На лохмотья свесились седины,  
 А в глазах – предчувствие конца.  
 Мокрая от слёз ли, от росы ли,  
 Вдруг она призналась, вся дрожа:  
 «Я – душа обманутой России.  
 Блудная, гонимая душа...»



## 2

Чем должно быть искуплено  
 То былое, когда  
 Окрылённо-оукленно  
 Мы катили года?  
 От плакатного равенства  
 Душегубной ценой  
 До жестокого таинства  
 Очищенья войной.  
 А потом – возрождение  
 И космический взлёт,  
 За которым – падение  
 С потрясённых высот.  
 Пятилетки несытости  
 Замедляли прогресс.  
 И синдром доносительства  
 Нам подпортил генез.  
 Под портретами Ленина  
 Одряхлели вожди.  
 И возшло поколение,  
 Расцветая во лжи...

## 3

Нищенка бормочет: «Ты прости мя,  
 Некогда величественный храм.  
 Посмотри киотами пустыми  
 На моё падение и срам.  
 Это я обрушила порядок,  
 Не щадя ни храма, ни дворца.  
 Нищета восстала на достаток.  
 Брат на брата, дети на отца.  
 Замутила веру воля злая  
 За цареубийственной чертой.  
 Свой народ на бойню позвала я  
 Гордой и несбыточной мечтой...»

## 4

Чем должно быть оправдано  
 То, что с нами теперь?  
 Под оркестры парадные  
 Снова ждать и терпеть?  
 Лапы скрытого голода  
 Тянут старость в нору,  
 А пытлиую молодость  
 Заманили в игру:  
 Порошки, автоматика,  
 Золотой пьедестал.

И всё дальше от матери.  
 И всё ближе финал...  
 Как, Россия-страдалица,  
 До сих пор мы стоим?  
 Кто глумится и скалится  
 Над погостом твоим?  
 В чём твои преступления,  
 Чтобы взмахом руки  
 Разделять поколения,  
 Как ножом позвонки?

## 5

«Помню, как веками длилось счастье,  
 Как сияли Царские Врата.  
 После службы жаждала причастья  
 Я тогда, раскаянно-чиста.  
 Кажется, вернулось то сиянье.  
 И зовут церковью колокола.  
 Господи, пошли мне покаянье,  
 Чтобы вспомнить подлые дела.  
 Помогите мне справиться с бедою.  
 И, вернув под свой небесный щит,  
 Дай России семя молодое,  
 Что любовь и веру возродит.  
 Господи, я справлюсь. Я – живая...»  
 Нищенка вздохнула, сделав шаг.  
 И пошла, на милость уповая,  
 В утренних ласкающих лучах.

## 10. ВОСКРЕСЕНИЕ

## 1

Она легко залезла по стене  
 И замерла распятием в окне,  
 Подсвеченном полнеющей луною.  
 Она не церемонится со мною,  
 Как яд в шприце, как дуло у виска –  
 Тупая, неотступная тоска,  
 Немое порождение потери,  
 Проходит сквозь притворенные двери  
 И медленно сочится с потолка.

## 2

Давлю на пульт. И в дом через экран  
 Врывается визгливый балаган,  
 Где льётся кровь и пиршествует похоть  
 В спектакле под названием «Эпоха»,

Где даже в хохмах задан общий план,  
Несущий гипнотическое «плохо».  
Всё плохо – на земле и в океане!  
Всё плохо – человечество на грани!  
Всё плохо – во Вселенной и в стране...  
И как понять, на чьей ты стороне,  
Когда душа – и цель, и поле брани  
На этой необъявленной войне,  
Когда неуязвимая рука,  
Как пушки, заряжает мониторы  
И нацию разят наверняка  
Не армии, не насланные моры,  
А внутренняя вялость и тоска?

### 3

Гашу экран, спасаясь в полусне.  
Но вдруг распятые дрогнуло в окне,  
Раздвинулось и сжалось, вдаль отпрянув  
К дороге меж развалин и бурьянов,  
В чужой пейзаж. При мертвенной луне,  
Таящей жуть мистических романов,  
Оно опять приблизилось ко мне  
Каким-то непонятным крестным ходом  
С несовместимо собранным народом.  
Как будто предки встали из гробов,  
Неся черты сословий и веков  
В истории России год за годом.  
В тиши звучало пение псалмов...

### 4

И тут услышал я раскаты грома.  
Пейзаж пропал. Звонят колокола  
Собора, что как раз напротив дома.  
Иду к окну. Вся улица светла,

Пестря людским потоком незнакомо.  
Уж не беда ли? Странные дела...  
Вот снова главный колокол забил.  
А вслед ему подзвоны и зазвоны  
Подстроили ликующие тоны.  
Сегодня Пасха! Как же я забыл?!  
Сегодня в храмах светятся иконы.  
А перед ними – тысячи свечей!  
А перед ними – тысячи очей  
И душ, где правят высшие законы!  
В разгаре день, а люди всё идут.  
Сегодня Пасха Светлая! И тут  
Я вспомнил лица в лунном осиянье  
И песню: «Просыпайтесь, россияне.  
Спасайте честь униженной страны.  
С унынием вы справиться должны  
В духовном прежде противостоянье  
Или в открытом праведном бою  
За душу и за Родину свою...»

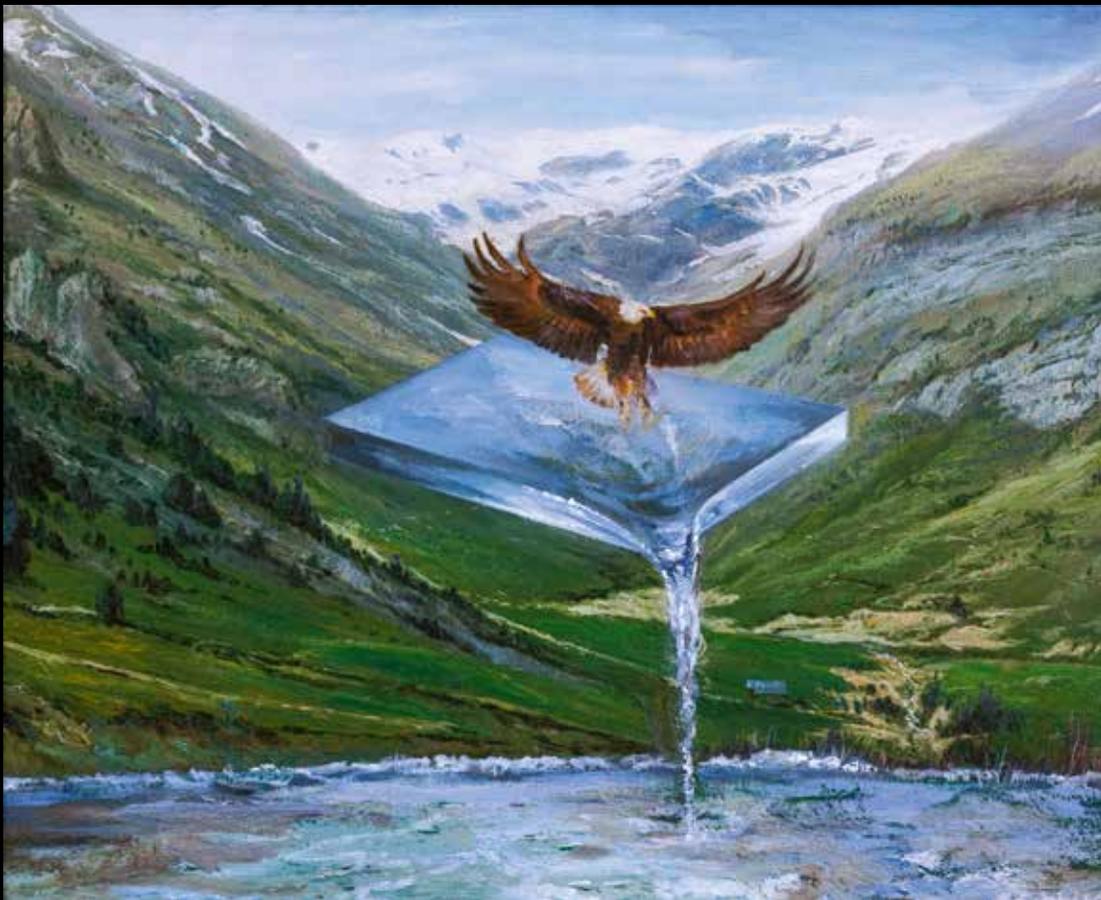
## 11. ЭПИЛОГ

Осень на дожди не поскупилась,  
Добавляя в краски черноту.  
Накопилось, столько накопилось,  
Что молчать уже не вмогуту.  
Будто я купил билет куда-то  
Вместе с растревоженной страной  
И на взлёте точка невозврата  
Сразу же осталась за спиной.  
Тряска и сплошные неполадки  
Тянут на снижение и в крен.  
Но нельзя и думать о посадке.  
Только вверх – до лучших перемен...





Автопортрет на фоне гор. Х. м. 95x70. 2015

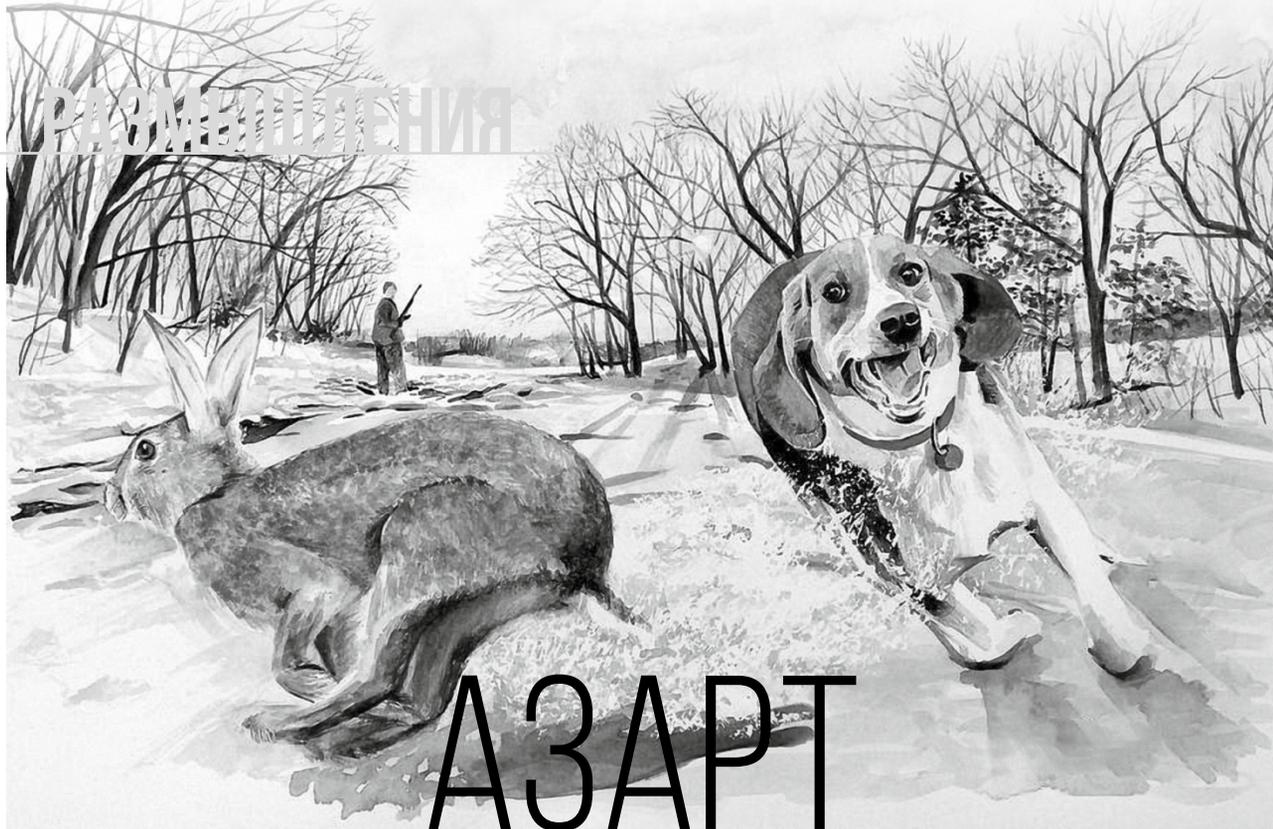


*Воспоминания о Байкале. х. м. 42x52. 2011*



*Крайняя точка России. Камчатка*

**S. NIKAS**



#### ОТРЫВОК

Во время перерыва студенты яростно резались в карты и даже не услышали звонка, известившего о начале следующей пары. От карт они оторвались, когда в аудиторию вошёл преподаватель.

– Да-а! Будущие юристы... и карты! Оригинально! Не хватает пары пива и полуобнажённых женщин!

– Извините, Сан Саныч, заигрались, – раздался чей-то голос.

– Азарт в нашей профессии не последнее дело! Или вы не согласны, Сан Саныч? – Высокая смуглая девушка с греческим профилем горделиво откинула назад голову, отправляя за спину тяжёлый водопад чёрных волос. В её глазах светились искорки вызова.

– Азарт?..

Крупный беляк снежным комом вырвался из запорошенного снегом молодого ельника и оказался на поляне. Вскинув уши, он на мгновение застыл снежным столбиком на обдуваемом ветром пятачке. Собачий лай, переходящий в визг, вновь резанул его слух. Заяц сделал замысловатый скачок в сторону, стараясь сбить преследователя со следа, стремглав бросился вперёд. Три десятка метров отделяло его от спутанного и заваленного снегом ерника.

Маленький человек, стоящий под высокой раскидистой елью, быстро вскинул ружьё. Но... по макушкам деревьев неожиданно пробежал порыв ветра, сдувая на голову охотника и его одностволку снежную порошу, мешая точно прицелиться. Этого короткого мгновения хватило беглецу, чтобы юркнуть в спасительный ерник. Ещё через миг на заснеженную поляну шаром выкатился рыжий, с белой грудью пёс. Подскачив к человеку, он присел, задрал к небу широколобую морду, завыл протяжно-досадливо, упрекая охотника за нерасторопность. Хозяин, мальчик лет двенадцати, прижал его голову к ноге, словно оправдываясь, взволнованно заговорил:

– Не переживай, Амур, передохни! На третьем круге я его всё равно возьму! Понимаешь, у меня всего один патрон. Промажу – второго мне батя не даст!

– Гав! Гав! У-у-у... – укоризненно взвыл пёс.

Вывалив длинный розовый язык, он часто и глубоко дышал. Бока его ходили, как кузнечные меха. В чёрных глазах застыло недоумение: «Первый раз ты запнулся за ветку! Второй? Снег тебе в глаза попал? Почему ты такой неуклюжий? Со старшим хозяином мы бы его ободрали да у костра грелись». Пес потёрся о ногу маленького хозяина, ещё раз коротко взла-

ял и, хватая пастью снег, помчался за беляком, большой петлёй огибая заросли ерника...

– Азарт?... – Преподаватель подошёл к окну, распахнул его, ненадолго задумался, глядя на осеннее буйство красок. Помолчав некоторое время, произнёс как-то не совсем уверенно: – Пожалуй, вы правы, господа! Азарт в нашей профессии... не последнее дело. Я не знаю, как с этим обстоит дело у адвокатов, нотариусов... и у прочих... – Он помолчал и, очевидно, подобрал более мягкое выражение, добавил: – Правозащитников. А вот какой азарт у сыщиков... у работников уголовного розыска, если быть точнее, мне знакомо!

– Может, поделитесь, Сан Саныч? – снова раздался голос смуглянки.

– А почему бы и нет? Правда, я несколько отвлекусь от темы... но это вам не помешает... А может, и пригодится... в выборе профессии.

Знаете, детство я провёл в таёжном селе. И было у нас принято: если в июне-июле, во время сенокоса, пацан брал в руки литовку, то в сентябре он уже мог брать ружьё. На сотни километров вокруг – тайга. Егерь свой! Ну так... когда за уши отдерёт, чтобы не забывались, что в тайге он всё же хозяин... Это я к чему? А всё к нему! К азарту!

Был у нас пёс по кличке Амур. Для него тайга – дом родной. Не дай бог, вышел во двор с ружьём! Искрутится-извоется в ожидании, пока соберётся. Пристрастились мы с ним за зайцами ходить. Он выгонял, а я стрелял. Вот у него был азарт так азарт! Пару раз его из тайги приходилось на руках выносить из-за этого азарта. По насту лапы в кровь раздерёт, идти не может. Ляжет на снег. Глаза печальные: «Ты же меня не бросишь?» А скажешь ему тихо в ухо: «Заяц!» – откуда силы берутся? Даст круг и снова ложится. Я это вот к чему рассказываю. У собаки же нет понятий: долг, честь, совесть. Чувство преданности, несомненно, есть, да и то основано на инстинкте... привязанности. А всё остальное – азарт. Собачий... звериный азарт...

Преподаватель замолчал.

Лай Амура, сначала такой близкий и ясный, катился всё дальше и дальше... И вскоре стих где-то внизу широкого распадка.

Багрово-рыжее солнце постепенно клонилось к горизонту, красным золотом озаряя покатые бока недалёких сопоток. Короткими порывами задул «северяк». От его вздохов с макушек вековых елей, подсвеченных заходящим солнцем, розово-молочными облачками срывался снег, переливаясь и сверкая миллионами искорок, радугой ложился на зимнюю тайгу.

Маленький охотник не спеша надел подбитые камусом широкие лыжи, немного потоптался на месте, словно проверяя наст на прочность, заскользил в противоположный угол поляны. Он знал, что не пройдёт и часа, как рыжий пёс вновь выгонит на него долгожданную добычу. Он должен был подстрелить своего первого зайца единственным выстрелом.

Паренёк, заехав за поваленную бурей старую берёзу, обтоптал у её корневища рыхлый снег, снял лыжи и стал выбирать место для стрельбы. Несколько раз, прикладываясь щекой к холодному ложу, целился в противоположный угол поляны. Пристраивая на ствол берёзы ружьё – то так, то эдак, – наконец выбрал позицию. Удовлетворённо хмыкнув, приставил старенькое ружьишко к молоденькой ёлочке. Вытащил из-за пазухи газетный свёрток и, отломив от горбушки небольшой кусочек хлеба, с удовольствием, сладко жмурясь, начал его жевать.

Вдоль распадка пробежал низовой ветерок. Захлодало. Зашумели таёжными звуками деревья.

«К пурге... Дотемна бы выбраться! Эх, костерок бы запалить... Да нельзя! К костерку-то заяц чай не прибежит! Ага... Гонит Амур!»

Собачий лай был едва слышен.

«Ветер снизу... Хорошо! Так, ружьишко пристрою... вот сюда, на сучок! Видно всё здорово! Глаза, зараза, слезятся... Рукавицы снять? Нет, пока рано – руки застынут».

Лай всё ближе. Ещё ближе заверещала сойка.

«Вот зараза! Сюда б не налетела! Предупредит косога!»



Лай, временами переходящий в детский плач, уже рядом. Тревожно защемило сердце. Оно забилося учащённо в предвкушении чего-то нового, неизведанного. «Амура бы не зацепить. Он вообще-то стороной всегда идёт. Рукавицы в сторону... Ух... холодная рукоятка... Уже бы пора?»

На расплывающуюся мушку выкатился снежный ком беляка. Хлёткий выстрел громом расколлот притихшую было тайгу. Его эхо, ударяясь о сопки, затихая, покатилося за горизонт. Заяц, словно споткнувшись, перевернулся через голову, по инерции проскользнув по небольшому косогору, неподвижной кочкой застыл на снегу. Выскочивший следом Амур, с разбегу ткнувшись в заячью тушку носом, упал рядом, тяжело дыша.

– Амур! Амурушка! Я попал! Попа-ал!

– Ал-ал-ал... – покатилося вслед за раскатом выстрела восторженное эхо мальчишеского крика.

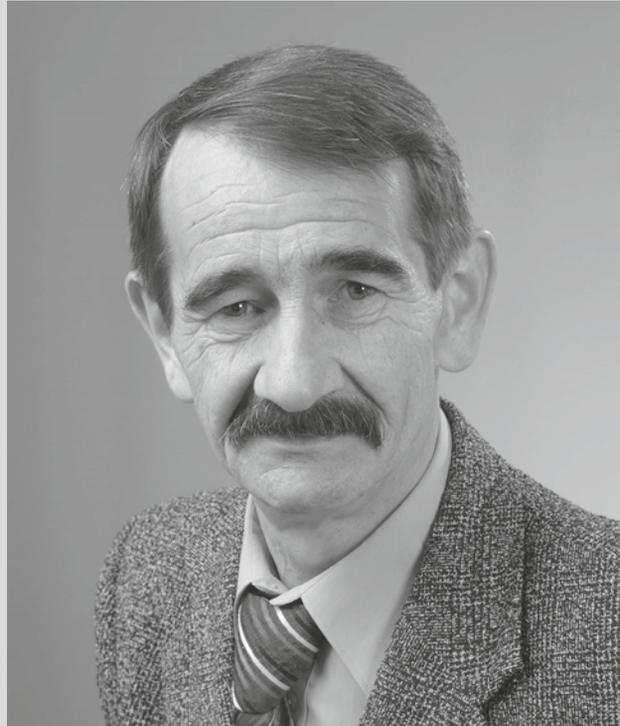
– Попал!

Проваливаясь по пояс в снегу, паренёк постыпал к своей добыче...

Аудитория молчала. Это молчание нарушила светловолосая девушка со стрижкой каре:

– Что-то не совсем понятно, Сан Саныч! При чём тут собачий азарт и... профессиональный?

– Вот и я думаю! При чём?.. Знаете... в начале восьмидесятых государственные мужи вдруг с удивлением заметили, что в стране есть проблема... и проблема довольно нештучная – наркомания. Вслух об этом говорить было не принято. Да и вообще в те времена вслух мало о чём говорили. Дали милиции установку: ликвидировать заразу и доложить! Естественно, наши начальники в авральном порядке создали спецгруппы... по борьбе с наркоманией. Одну из таких групп и возглавил мой друг – Ванька Стрехов. Сейчас он, конечно, уже не Ванька, а Иван Иванович. А тогда?.. Так вот, его задача была довольно проста – перекрыть каналы поступления наркотика в город. Ну а коли задача поставлена – надо решать! И он её решал!..



**Александр БЫКОВ**

*Александр Валерьевич Быков родился в 1958 году на прииске Кировский Амурской области. Проживает в г. Находке с 1974 года. После окончания ГПТУ-31 работал на Приморском СРЗ. Служил в ВМФ. После демобилизации работал в ГПТУ-31 мастером производственного обучения. С 1984 года служил в уголовном розыске транспортной милиции.*

*В 1991 году заочно окончил Высшую школу МВД РФ. Майор милиции в отставке.*

*С 2001 года преподаёт юридические дисциплины в вузах Находки. В настоящее время – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-правовых дисциплин филиала ВГУЭС в г. Находке.*

*Неоднократно награждался грамотами мэра г. Находки, Приморским отделением Союза писателей России за литературное творчество и активную жизненную позицию. Член Союза писателей России с 2013 года.*

«Ну что за невезуха? На поле местная братва в кровь измочалила. Какой-то вонючей конопли пожалели. Их пятак, видите ли! Хозяева хреновы! Хорошо, что барахлишко кой-какое было, откупился!.. А тут на ментов нарвался...

Предупреждали же пацаны – сойди после Партизанска, а дальше на попутках. Не послушал! Вот на тебе, влетел как... в рукомойник! Выпасли, суки! Ну ничего, ребятки, вы теперь меня взять попробуйте! Спасибо мужикам-попутчикам – самогонкой подогрели. Эх... сумка тяжеловата. Интересно, заметили или нет, что я ушёл?..»

– Парень, тебе что... жить надоело?

Его размышления прервал голос откуда-то сверху. Фрол поднял голову. Из разбитого окна вагона высунулся парень и обеими руками ухватил его за рубашку. Фрол, крепко держась за поручни вагона, глянул вниз. Шпалы мелькали, сливаясь чёрно-серым потоком.

– Да пошёл ты... – огрызнулся он.

Встречный ветер пузырём надувал рубашку. Поезд мчался, не сбавляя хода. Промелькнул переезд «Волна».

– Парень, кончай дурить! Разобьёшься!

Фрол перекинул сумку на изгиб руки и освободившимися пальцами свернул кукиш:

– На!.. Ментяра... Я ещё поживу!

Парень крепко держал рубашку, тогда Фрол просто вывернулся из неё. С обнажённым торсом он вдруг почувствовал себя незащищённым. Прицеливаясь прыгнуть на откос, краем глаза увидел, что в соседнем вагоне открылась дверь. Напряжение фигуры в дверном проёме говорило о том, что человек прыгнет вслед за ним.

«Ну ладно, я убегаю от срока! А ты-то, мент, зачем прыгать будешь? Проблем тебе мало? Понтуешься?!.. Не прыгнешь...»

В глазах Фрола в бешеном ритме, стуча по стыкам, крутились колёсные пары. Поезд вдруг дёрнулся, резко замедляя ход. «Надо оттолкнуться подальше...»

Фрол прыгнул, выставив вперёд сумку, туго набитую коноплёй. Струющаяся серо-зелёная лента откоса, замедлив бег, больно ударила в лицо щебёнкой. В голове мелькнуло: «Жив!..»

Он вскочил и увидел отделяющуюся от поезда фигуру. Про себя прикинул: «...Форы – метров сто! Уйду! До складского забора... метров двадцать пять...»

Подхватив сумку, пробиваясь через ломкий камыш, Фрол кинулся к забору. «...Повез-

ло менту! На четыре мосла упал. Уже встал... Бежит... Забор!»

Одним движением Фрол перекинул через забор сумку. Подпрыгнул, ухватился за край, подтянулся, перекинул ноги и, продираясь через колючую проволоку, спрыгнул вниз.

«Найти укрытие... затаиться...» Фрол забился в какую-то щель среди пыльных ящиков, прикрытых сверху брезентом. Затаил дыхание. «...Ну теперь ищи-свищи!»

Только здесь, в укрытии, он вдруг ощутил саднящую боль в ладонях, на лице, на груди. Услышал, как гулко бьётся сердце. Вдруг стало невыносимо жарко под этим пыльным, удушливым брезентом. Не хватало воздуха, который хотелось вдохнуть полной грудью. Страшно, до тошноты, захотелось пить. Фрол ладонью вытер набежавший на глаза пот. Колени дрожали, хотелось присесть, но Фрол боялся пошевелиться. Он услышал осторожные шаги. В гудящую после падения голову эти шаги ударили, как набат. «Мент?..»

Шаги приближались... Не спеша... Временами останавливались!

«Видать, не дурак! Не суетится. Догадывается, что я где-то рядом. Затаиться!.. Ждать!»

Шаги рядом... остановились...

...Как-то Иван выпрыгнул вслед за наркоманом на ходу поезда и задержал его. Задержание было... так скажем... не совсем стандартным. Не каждый день опера прыгают из поезда на полном ходу...

По этому поводу начальник поручил мне написать на него представление на поощрение. Ну я и написал. Как сейчас помню, дословно: «Проявив самоотверженность и мужество, оперуполномоченный уголовного розыска лейтенант милиции Стрехов выпрыгнул на ходу поезда вслед за подозреваемым и, невзирая на полученные при падении серьёзные травмы, задержал его».

Я когда представление писал, спрашиваю у Ивана (а мы в это время с ним в одном кабинете работали):

– Ты когда прыгал за наркоманом, о чём-нибудь думал? Ну типа: долг, честь?..



Он не задумываясь отвечает:

– Саня! Ты о чём?.. Какой там долг... У меня, кроме звериного азарта, ничего не было... хотя... – в его голосе зазвучали нотки сомнения, – было что-то вроде стыда. А вдруг уйдёт этот нарк?

– А страх! На каждый километр пути десяток пикетных столбов, да и щебёнка не пух...

– Нет, страха не было! Я же тебе говорю: я был как гончая.... Потом уже, через несколько дней, приснился мне сон: летит та самая щебёнка на меня, а среди щебёнки – ромашка, такая одинокая. Ветерок её чуть-чуть пошевеливает, лепесточки загибает, и так мне не хочется мять её своим телом. Вот тогда я от какого-то непонятного страха за этот цветочек проснулся и почему-то вспомнил этот прыжок.

– Странноватые у тебя ассоциации.

...Вдруг яркий солнечный свет ударил в лицо Фролу. Брезент упал к его ногам. Перед ним стоял тот самый парень, который выпрыгнул вслед за ним из поезда.

– Что? Доволен? Взял? – криво усмехнулся Фрол и хотел пренебрежительно плюнуть под ноги менту, но в горле запершило, и он закашлялся.

Парень, тяжело дыша, опёрся одной рукой о коленку, в другой он сжимал пистолет.

– Ты дурак или больной? Он же пёр... семьдесят километров в час. А если бы ты разбился? А?.. Меня бы прокуратура... изжевала! Фу... жарковато... – Парень рванул ворот рубахи – посыпались пуговицы.

Фрол видел, что парню досталось не меньше, чем ему. Джинсы на коленях порваны. Светлая рубашка, выбившаяся из брюк, в пятнах мазута. Размазанная кровь на лбу и локтях.

Фролу стало дурно до тошноты. В глазах замелькали зелено-серые круги, и его стошнило под собственные ноги.

– Во-во! Порыгай – полегчает!

Не выдержав боли в ноге, Фрол сполз по штабелю ящиков на землю.

– Ну совсем-то не скисай! – Парень, засовывая пистолет под ремень за спину, склонился над Фролом.

Фрол очнулся от размеренного покачивания и от неудобной позы. Он тупо уставился на плывущий перед глазами асфальт, мотающиеся кисти собственных рук и мельтешащие подошвы чьих-то кроссовок. Он перевёл взгляд по ноге и увидел торчащую из-за пояса рукоятку пистолета. В голове тяжело зашевелилась шальная мысль, и рука непроизвольно потянулась к этой рукоятке. Но тело вдруг подбросило, в живот остро упёрлось чужое плечо.

– Не балуй... Ну и тяжёл же ты, браток. Потерпи – чуток осталось.

Фрол как-то отдалённо, будто не сам, а со стороны, услышал лай собаки. Увидел, как чужая рука выхватила пистолет, и тот же голос прохрипел:

– Бабуля, убери собаку! Не ровен час – пальну!

– Белый, Белый! Фу! Фу! Ко мне! Вы кто такие? Здесь охранная территория! – женский голос был где-то рядом.

– Милиция! Телефон есть?

– На проходной. Тут рядом... за складом! Сумасшедший какой-то...

Фрола мутило, всё куда-то плыло.

Окончательно Фрол очнулся на деревянном топчане в каком-то небольшом помещении от едкого запаха нашатыря. Над ним склонилась женщина в белом халате.

– Ну вот, очнулся, сердешный! Кости вроде все целы. Так мы его забираем или в милицию повезёте?

– Забирайте! – Фрол услышал знакомый голос. – Только позвоните. Я вам сейчас телефончик запишу. Вот, пожалуйста! Фамилия моя – Стрехов. Скажите, в какое отделение определили.

Над Фролом склонился парень с перевязанной головой, тронул его за плечо и сказал:

– Худ ты, дружище, как велосипед, но тяжёл. В больничке веди себя прилично. К утру наведуясь. Там и поговорим.

Паренёк потрепал собаку за холку. Подхватив за уши безвольную тушку зверька, он осмотрел рану. Несколько дробинок попали зайцу в грудь. Капельки крови сочились на снег

и застывали на его белизне красно-матовыми ягодками недозрелой брусники.

– Раз, два, три... пять. Пять штук из семнадцати? Чуть не промазал! Но не промазал же. Амур, смотри! – Мальчишка сунул в нос собаке мёртвого зайца.

Но Амур снова и снова хватал пастью снег, вывалив розовый язык. Он устал, и у него не было сил по привычке трепануть шерсть подстреленного зайца. Пёс, забив по снегу хвостом, отвернул морду. Его глаза блеснули укоризной: «Ну что за ребячество. Заяц как заяц».

– Ну ладно, ладно... отдохни и будем выбираться, – паренёк глянул на багровый диск солнца, уже цепляющийся своей кромкой за дальние горы.

Он прикидывал, как лучше выбраться на большак засветло. «Пройти у Талого ключа по кромке льда или сделать петлю вокруг утеса? У ключа – короче, но риск... риск велик! Вокруг утёса через марь – далеко. Километров десять-одиннадцать. Да и снег на мари местами рыхлый, тяжёлый...»

– Ну что, Амур, махнём напрямик? Через Талый?

Пёс в ответ устало вильнул хвостом.

Пацан достал из-за пазухи краюху хлеба и разломил её пополам.

– На, держи свою долю! – он кинул кусок перед псом.

Тот проворно схватил корку и расправился с ней за несколько секунд.

– Вкусно? То-то. Ну-ка, держи ещё!

Он отломил от своей части ещё кусок и сунул под нос собаке. Амур одобрительно взглянул на мальчика, осторожно взял кусок из его рук и неторопливо съел.

– Закусили? Пошли!

Пёс вскочил со снега и отряхнулся.

Паренёк связал лапы зайца бечевой и закинул его за плечи. Надев лыжи, взял в руки ружьё, легко заскользил по склону к скальному

выступу, возвышавшемуся над мелким ельником. В душе мальчишки билась радость. Он стал охотником.

Лыжи шли ходко. Встречный ветерок не щипал морозом, а лишь приятно холодил лицо. До большака оставалось пройти километра три – не больше. Но пятьдесят метров этого пути были довольно опасны. Нужно было пройти по узкому закраю у незамерзающего ручья. Перед ручьём снять лыжи и осторожненько, цепляясь за скалу, пройти вдоль его кромки. Самое главное – не сорваться в ключ и не намочить ноги. Прошёл – считай, что дома.

Вот он – этот опасный участок.

Мальчишка оглядел ледяной закраек. В груди пробежал холодок сомнения: «Не пройти! Очень узкий... сплошной лёд. Амур проскочит, а вот я?.. Может, вернуться?» Он неуверенно топтался на месте. «А!.. Была не была!» Паренёк решительно снял лыжи. Потом связал их вместе и закрепил за спиной. Повесил на правое плечо ружьё, приказал собаке:

– Амур, сидеть! Пережду – свистну. Сидеть!

Багряное солнце уже на половину диска забралось за раскалённый по его краям горизонт. Резко потянуло ветром.

«К ночи запуржит. Надо поторопиться. Так, осторожненько. Лицом к скале. Шаг... ещё шаг... скользко. Перехватиться за следующий выступ. Ещё шаг. Не торопиться! Чёрт!.. Надо было обойти! Не пройду!»

Мальчишка прошёл половину пути. Оставалось ещё три-четыре осторожных шага, и кромка начнёт расширяться.

«Надо отдохнуть. Поправить ружьё...» Он начал подтягивать ружьё поближе к шее и задохнулся от ужаса. Бечёвка, связывающая лыжи, лопнула, и они, стукнувшись пятками о лёд, во всю длину шлёпнулись в воду. Течением их медленно развернуло вдоль струи и затянуло под лёд...

**Александр БЫКОВ**



### Татьяна ПРУДКОГЛЯД

Татьяна Владимировна Прудкогляд – профессор департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук, известный издатель и поэт, член Союза писателей России.

Поэтические книги «Татьянин день», «Возраст любви», «Ведь это счастье – просто жить», «В городе моей любви», диски с песнями и романсами на её стихи, многочисленные публикации в альманахе «Литературный Владивосток», журналах «Дальний Восток» (г. Хабаровск), «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» (г. Москва) и других хорошо знакомы любителям поэзии.

Лауреат I премии городского конкурса «Мой город у моря» (Владивосток, 2015) в номинации «Литература».

# Про счастье

ОДНА

\* \* \*

На кухне ночью половицы тёрла –  
Простое средство от тоски и бед.  
И думала про сопки, вечер тёмный  
И горной речки торопливый бег.  
Про маму, проверявшую тетрадки,  
Про прежний и такой уютный дом.  
Как пахли руки бабушкиной грядкой,  
А утро – кипячёным молоком.  
Про то, что душу тронуло и мучит,  
Ручьёв, проток свободная вода...  
Просвет распадка и святая участь –  
Шагать по тропам в утренний туман.  
...А вот теперь пора начать сначала,  
Стихи забросить, прежнее – не в счёт.  
Кленовый лист прикладывая к ранам,  
Подумать о не сбывшемся ещё.  
О первой грусти с этим человеком...  
О встречах, оживляющих на треть.  
Ах, утро, дай дышать с ним первым снегом,  
В его глаза вечерние смотреть.

Зима... И вечер синий-синий...  
Трещит мороз, искрится иней,  
А я бреду среди прохожих –  
Чуть торопливых, непохожих –  
Одна. Почти совсем одна...  
Скольжу по синим-синим лужам,  
Никто, почти никто не нужен.  
Машу подаренным портфелем,  
В трамвай протискиваюсь еле  
И застываю у окна...  
Зима и синий-синий вечер.  
Я доезжаю до конечной.  
Стекло губами согреваю  
И вижу – словно неживая,  
Висит на ниточке луна...  
И снова вдаль пустой и гулкой  
Трамвай по тихим переулкам  
Среди домов уснувших, тёмных  
Скользит послушно и бездомно  
К твоим глазам – глазам без дна...  
Зима...

\* \* \*

Город детства... Улица Толстовская.  
Память детства – лето, старый дом  
И трава душистая до пояса,  
Где ловили бабочек сачком.  
Улица – деревня в центре города,  
Палисадник, георгины, зной.  
На задворках дома заколдованный  
Глаз колодца, мшистый и пустой.  
На губах – ранеток поздних привкус.  
Душный и таинственный чердак,  
Светлячков ночных за домом искры –  
Все когда-то... В четырёх шагах  
Дом другой и улица короче.  
Но замру и вспомню средь огней  
Тёплую смородину в бидончике,  
Бочку, что полна была дождей.  
А под вишню брошены тетрадки –  
За калитку кличет детвора...  
Лето. Полдень. Радостно и жарко –  
Улица Толстовская вчера.

\* \* \*

Семнадцать мне. Зима. Всё необычно.  
Жду сессию. Хожу на первый курс.  
Учу английский и на всех богов молюсь,  
Которых изучаем по античной.  
Себе я нравлюсь. В дареный портфель  
Кладу тетрадку общую и ручку –  
Единственная бабушкина внучка,  
Родителей излюбленная дочь.  
...Двор подметён. И огородик пуст.  
Морозцем разукрашено окно.  
Трещат дрова. Уютно и тепло.  
Под полотенцем – пирожки с капустой.  
Уж дом снесён, и жилмассив растёт,  
Асфальт блестит по улице Толстовской.  
Но бабушкина вишня расцветёт,  
Как только разогреется на солнце.  
Года идут, а бабушка, как встарь,  
Затеет тесто, будет ждать к обеду.  
Я на свиданье с первым курсом еду...  
А дочь уж тычет пальчиком в букварь.

\* \* \*

Всегда у прошлого в долгу,  
Вмещаем радости в заботу.  
Однажды утром забреду  
На бухту Тихую в субботу.  
Там бабушка откроет: «Ты?  
Как ты надумала? Вот радость!»  
И от привычной суеты  
Пройдёт недельная усталость.  
Она начнёт варить и печь,  
И руки заснут в надежде...  
Привычки пробую сберечь –  
На сундуке сижу, как прежде.  
Здесь словно маленький музей  
Прошедших чувств и вдохновений,  
И в тишине ушедших дней  
Вспоминанья откровенней.  
Здесь лупоглазый хоровод  
Моих несломанных игрушек,  
И кто-то за руку берёт,  
И осторожно тронет душу...  
...Сниму с лица чужую тень,  
Погрею лоб у чашки с чаем...  
У очага проходит день –  
Он завтра чуть теплее станет.

## ПРО СЧАСТЬЕ

Город поздний застывшей улицей  
Поторопит меня домой.  
Капюшоном пальто сутулится,  
Бьётся красный шарф за спиной.  
В этой спешке вечернего города  
На ходу отмечает взгляд,  
Что забыли с трамвайного провода  
Снять табличку про листопад.  
Я бегу, тороплюсь. А вечером  
Поздний ужин на стол подают  
И читают газеты вечные,  
Ждут и чай с земляничкой пьют.  
Лифт взлетит на этаж последний,  
Дверь не заперта, как всегда...  
...Спать укладывая четырёхлетнюю,  
Вдруг услышу такие слова:  
«Мама, а из чего сделан человек?»



## НАДО, ЧТОБЫ...

Слева  
тень состава, шумя, набегают на травы,  
ветер треплет кроны деревьев и лижет рельсы,  
солнца малиновый диск медленно плавится  
справа  
и растворяется в серой воде залива.

Если  
добавить к этому серую ленту песка,  
веток, обглоданных морем, жёлтые кости,  
торчащие, словно хищные зубы, обломки скал  
и нестерпимое предощущение счастья и злости,

надо,  
чтоб ровной двойной цепочкой следы,  
пересекаясь, бежали вдоль зубчатой кромки  
прибоя,  
чтоб, на песок набежав, языки воды  
тронули надпись, что мы начертили с тобою,  
надо добавить ворохи листьев в прибрежном  
лесу,  
клёнов багряных медленный шорох и звон,  
дятла невидимого размеренный дробный стук,  
крики гортанные, грузность окрестных ворон,

чтобы  
помнить всегда памятью каждой клетки  
живую податливость жухлой травы и листьев  
опавших,  
жёсткость скамьи выцветшей пляжной беседки,  
счастье предощущений, счастьем не ставших.

## ЦИКАДА

Безумной тигрицей  
рычит в половодье река,  
ломаю леса вековые и юные страны стирая.  
Но что она, бешено мчащая издалека? –  
бессильный скупой ручеёк  
океана  
без дна и без края.

А что океан,  
атлантид колыбель и могила? –  
он лужа на донышке обыкновенных небес,

которые в бурях рождают и гасят светила,  
потухшие звёзды швыряя  
в мой стиснутый городом лес.

И что я?  
Цикада из этого чахлого леса,  
когда и травинку не гнёт  
невесомое тело моё?  
Ну как мне поднять изначальную хрупкую  
песню –  
ведь слышу я, слышу:  
охотник за Звёздной Медведицей  
песню поёт.

## ПЕСНЯ О ЗЕЛЁНОЙ ВОДЕ

Эта песня зыбкая и лёгкая,  
Что к тебе приходит издалёка,  
В памяти оставшись навсегда.  
Эту песню никому не пела –  
Только вновь идём с тобой, несмело  
Камыши сухие раздвигая...  
И сверкнёт передо мной нагая  
Тёплая зелёная вода.  
В глубине забытого пруда  
Наше отраженье покачнётся,  
Дрогнет на мгновенье – и сомнётся.  
Эту песню никогда не пела –  
Только стрекоза на воду села,  
И её соломенное тело  
Невесомым кажется таким.  
Эту песню ни за что б не пела,  
Но болотной ряски пятаки  
Круглые и звонкие такие,  
А над ними небо голубое.  
Пусть тебя печаль твоя покинет –  
Эту песню не поют с тоски,  
Эта песня не про нас с тобою.  
Пруд с водой зелёною одет  
Прутиками верб со всех сторон.  
По откосу жухлые травинки,  
Замирая, тянутся к воде.  
И прозрачный комариный звон,  
Словно пар, струится над водою.  
Наши отражения поникли,  
Словно и на свете нас с тобою  
Не бывало никогда нигде



И не будет, ни поврозь, ни вместе.  
Только ты запомни эту песню.  
Это время близится такое,  
Что судьбу не отвести рукою,  
Безвозвратное вернётся вспять,  
А навек возлюбленные – канут,  
Старую не потревожа рану.  
Только в памяти блеснёт опять  
Тихая зелёная вода –  
И опять не знать, не знать покоя  
Никогда.

### У ПРИЧАЛА

Пар тяжело выдыхают кирпичные трубы  
теплоцентрали,  
Суда у причала, швартовые трутся о кнехты,  
Здесь, у самой кромки воды, ещё днём беспечные  
дети играли,

А сейчас, в сумерках, в синем плаще стоит,  
задумавшись, некто.  
Расставив ноги, глядит, как с чёрного дна  
в маслянистой воде  
Медуза несёт своё студенисто-упругое тело  
Туда, где отблеск последней зари расплавился, где  
Дорожка луны наискосок сквозь залив пролетела,

Туда, где острый луч первой звезды покачнул  
Берёзовый лист, невесомо упавший  
на гребень волны...

А некто в синем плаще ничего не видел, может,  
он стоя уснул,  
Не слыша, как эта медуза, качаясь в заливе,  
Вплывает в его бесконечно печальные сны.

### ДРУГУ

Но тех, кому с тобой по пути,  
Без удержу и без возврата,  
Осталось от трёх... ну до десяти –  
Кто назовёт тебя братом.

Не я назову тебя братом. Прости.  
Всего-то в итоге осталось:  
Шорох цикады в слабой горсти  
Да бабьего лета усталость,

Сидеть да петь в придорожной пыли,  
Что путь был далёк и труден,  
Глядеть, как тихо тают вдали,  
Летят в горизонт, сплетая следы,  
Казакевич, Лобычев, Рудис.

\* \* \*

Коляски скрип по коридору.  
С полночи до исхода дня  
Всё ждёт у стенки приговора  
Отчаявшаяся родня.  
Всплывают, пропадают лица,  
Шприцы катаются звеня –  
Так, значит, выглядит граница  
От «я живу» до «нет меня».  
И это время, это место,  
Где вечность, я и пустота:  
Никто – ни за меня, ни вместо,  
Ничто – ни зло, ни красота –  
Перед Всевышним не в ответе.  
И остаётся на потом  
Всё – жизнь и смерть – на этом свете  
И вовсе ничего – на том.  
А за окном ржавеют клены,  
В их кроны лето истекло,  
И бьёт тяжёлые поклоны  
Берёза в мутное стекло.

### ПРО МЕНЯ

Опять летит тайфун с востока,  
Стальными струями звеня.  
Как баловала жизнь меня,  
Как была больно и жестоко!  
Простая, словно дождик летом,  
Обычная, как снег зимой,  
Иду я по миру с сумой,  
В которой хлеб и сигареты.  
Жизнь разлетается на части.  
И с неба падает вода,  
Неотвратимо, как беда,  
Необъяснимая, как счастье.  
Как голос улетевшей птицы,  
Оставшийся, слабеет, чист –  
Ещё кружит кленовый лист  
И, падая, наверх стремится.

## Геннадий БОГДАНКЕВИЧ

Геннадий Богданкевич родился 1 октября 1952 года в Красноярском крае, окончил Высшее военно-морское училище, служил в морских частях пограничных войск, капитан второго ранга запаса. В Находке с 1991 года. Поэт, бард. Печатался в журналах «Советское Заполярье», «Пограничник», «Красная звезда», в местных изданиях, в альманахе «Находка». Лауреат конкурса самодеятельной песни пограничных войск (г. Москва, 1995), лауреат краевого конкурса (1997). Песня «Сударыня» является визитной карточкой всех литературных мероприятий клуба «Элегия». В 2004 году записал компакт-диск своих песен. Вышло два сборника стихов в 2018 году.



### ВАЛЬС О НАХОДКЕ

Я люблю тебя, юный наш город,  
В беспокойном потоке машин  
Ты на сопках у самого моря  
Тонешь в прелести местных картин.

Припев:

У залива Большого Петра  
Бриг Надежда мелькнёт парусами,  
И я верю: конечно, не зря  
Этот город Находкой назвали.

Ты бродяга, трудяга-моряк,  
Здесь начало Великой России.  
И державный трёхколёрный флаг  
Несёт цвет твой пронзительно-синий.

Продублённый штормами рыбак  
Вмиг душою для песен оттаёт,  
Лишь увидит знакомый маяк  
Городка, где его ожидают.

Изменений в судьбе пока нет,  
Мы живём без особых событий,  
Но встаёт над тобою рассвет  
Новых дел и великих открытий.

У залива Большого Петра  
Нам Надежда мелькнёт парусами,  
И я верю: конечно, не зря  
Этот город Находкой назвали.

\* \* \*

Сударыня, зажгите свечи,  
Во мраке канул свет дневной  
В гостиную вашей, наши встречи  
Любимы мной, любимы мной.

За окном ненастный вечер  
В стёкла бьёт снежною крупой,  
И зябко вздрагивают плечи  
Под тонкой шалью кружевной.  
Я вас теплом души согрею,  
Украшу музыкой стиха,  
И многое ещё сумеет  
Поэта дивная строка.

Огонь свечи слегка качнётся,  
Гитары звук наполнит дом,  
И сердце трепетно забьётся  
От сладкой грусти о былом.  
И суета привычных буден  
Да не коснётся нынче нас,  
Я знаю, как прекрасны люди,  
Когда для музы пробил час.

Пусть круг друзей с годами шире,  
Но счастлив буду всякий раз  
От мысли, что в огромном мире  
Я встретил вас, я встретил вас.  
Сударыня, зажгите свечи...



**Юлия КОРОЛЁВА-ВОРОБЬЁВА**

Член Союза писателей России.

Родилась 6 августа 1965 года в городе Симферополе Крымской области. В 1982 году окончила среднюю школу, в 1983-м – торговое училище. Работала продавцом, секретарём комиссии по уголовным делам областного суда. В 1989 году переехала в г. Находку. Трудилась на судах рыбной промышленности по специальности – в сфере обслуживания.

С 2010 года Юлия Воробьёва работает в литературе под псевдонимом Королёва (девичья фамилия). В её творчестве появляются книги для детей: «Помчались вприпрыжку читать эту книжку» (2010), «Вкусные качели» (2010), иллюстрированные учащимися художественных школ города.

В 2011 году на Дальневосточной региональной выставке-ярмарке «Печатный двор – 2011» книга стихов «Спаси Бо любовь» отмечена дипломом выставки как лучший поэтический сборник. Юлия постоянно проживает в с. Голубовка Партизанского района.

\* \* \*

Ах! Будьте расточительны в любви,  
Целуйте, нежьте и с ума сходите,  
Друзьям и незнакомым свет дарите,  
Попробуйте почувствовать внутри  
Незримый отклик дерева и камня,  
Того, чего коснулась доброта.  
Священно всё. И наших мыслей ставни  
Распахнуты, как ждущие уста.  
Любить спешите, отзовутся струны,  
Откликнутся и камни, и трава.  
Священно всё, священно и безумно,  
Утихнет жажда, захлестнёт волна...  
Волна любви к вам хлынет отовсюду,  
В почтении глубоком славьте дни.  
Миг нашей жизни – он подобен чуду.  
Ах! Будьте расточительны в любви.

### ПАМЯТИ ЛЮБВИ

Творящая судьбу случайность неизбежная,  
Слагающая цепь мгновений и времён,  
Там, где-то наверху, в ничейной и безбрежной  
Небесной тишине твой шаг определён.  
Беззвучна поступь дней, над городом парящая.  
А в памяти следы как мёртвая листва.  
Их будто бы и нет. Больное настоящее  
С обличьем пустоты вдруг бросится с моста.

А тот согбенный мост... Он тянется из города,  
Во времени пропав, теряется во снах.  
И силуэт любви среди вина и вороха  
Дрожащею рукой кладёт в подол свой прах.

\* \* \*

Тонкою змейкой за ворот лезет холод.  
Прячутся руки в карманы и жмутся пальцы.  
Чудится мне, что висок мой нынче вспорот,  
Бьются, трясутся, беснуются в нём постояльцы.

Тучи стянули просвет между сном и тобой,  
Ножницы Бога прошлись по изгибу души,  
Жажду любви утолю тишины глубиной,  
Скрою, как плечи под шалью, стенанья в тиши.

Тихо надежда горит, как церковная свечка,  
Не обессудь, поднимая листок октября.  
Звонче и громче кричит тишина у крылечка,  
Видя опавшие годы календаря.

\* \* \*

Я в абсурдную даль  
Унесусь за тобою в мечтах.  
Перепрыгну все бездны  
Со скоростью дум невесомых.  
И отчаянно жаль,  
Что в зрачках твоих плещется страх  
О версте поворотной,  
О неге сплетений искомым.  
Что же делать, мой друг?  
Не обмерить ту жажду ничем.  
Время в струйке песка,  
И за ней-то едва ли поспеешь.  
На потеху ли круг циферблата,  
Молчание стен,  
Разрывающий сумерки вздох  
Сквозь столетья – не смеешь.  
Сокровенна пришла,  
Чёрно-белому миру вразрез,  
За границы обманов и правд  
Равно-сущно огромных.  
Разомкнулись уста  
Под лавиной судьбы. Наотрез.  
Дай мне руку...  
В великом приюте бездомных.

## ПОЛНОЧЬ

Неслышно шагаю на цыпочках в завтра.  
Ногу босую на ласковый ставлю ковёр.  
Птицею бьётся о стену фартовая карта.  
В складках гардин паучок намечает узор.  
Странно.  
Ловить свои мысли и чувствовать привкус.  
Сладко испить до рассвета бесстыжую ночь.  
Кто-то из шкафа достал полуумерший примус,  
С кем-то кому-то быть рядом сегодня невмочь.  
Годы.  
Крылатые кони всё мчатся куда-то,  
Память застыла жучком в янтаре сентября,  
Всё на ладони. От первой звезды до заката.  
Нежность и боль на великом ковре Бытия.

\* \* \*

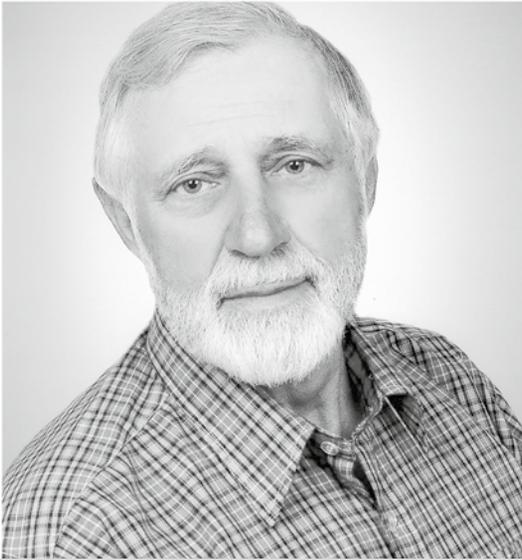
Затерянный в душах церковный приход,  
Нелепое время как порванный рот.  
Петляет лишь эхо в просторе глухом,  
И колокол, видимо, стонет по ком...  
Не смех и не стон,  
Обозначенный век.  
Рвёт душу и мечется в нём человек.

## СЛЕД ОТ ДОЖДЯ

Погружается в полночь бессонницы бред,  
Рвётся ветер в окно, как хозяин домой.  
И в подобье лица превращается след  
От дождя на стекле. Здравствуй, миленький мой.  
В паутине годов всплески жизни без слов.  
Впрочем, всякая речь есть неглавная вещь.  
Чем сильнее закрыт нашей клетки засов,  
Тем безумнее плещется пойманный лещ.  
Очертанье любви в пачке старых страниц,  
Перевёрнутость судеб как сдача с рубля.  
Чуть живая душа из потухших глазниц  
Припадает к пятну на стекле от дождя.

\* \* \*

Время цедит пространство сквозь зимы и вёсны,  
Как через сито.  
Меж цветами и снегом любви облака  
и печалей дожди.  
Потолок над кроватью вмещает все звёзды  
Умышленно скрыто.  
Я, укутавшись пледом, шепчу тебе ласково:  
«Не уходи».  
Аплодируют клёны, к окну наклонившись,  
Под куполом неба.  
Зеркала улыбаются счастьем в мерцании свеч.  
От нечаянной встречи мутится рассудок,  
И томная нега  
Поднимается вверх и, как ангел, касается плеч.  
Льётся струйкой вино через край,  
И бесстыжее тело  
Попадает то в зиму, то в май, за пределы ума.  
Обнажённая частная жизнь. Рвутся мысли,  
Да в этом ли дело...  
Если верно лишь то, что без нежности  
сходишь с ума.



**Владимир ИВАНОВ**

Владимир Васильевич Иванов родился в 1946 году в Чулымском районе Новосибирской области. В 1953 году семья Ивановых переехала на Дальний Восток, на Нижний Амур. На амурских просторах прошли детство и юность Владимира. В 1962 году он окончил восьмилетнюю школу в п. Быстринск Хабаровского края, а в 1965-м – среднюю школу в с. Циммермановка. Работал матросом на катере. В 1965–1968 годах служил в Ракетных войсках стратегического назначения. В 1973 году окончил Дальневосточный политехнический институт. Работал на Билибинской атомной станции в Магаданской области – управлял энергоблоком «реактор – турбина – генератор». С 1980 года живёт и трудится во Владивостоке.

Рассказы начал писать ещё на Севере. В 1988 году на конкурс, объявленный краевой газетой «Красное Знамя», выслал два рассказа, один из которых, «Кентавры», был опубликован в том же году в сборнике «Литературный Владивосток».

Автор поэтических сборников «Отрада» (1999), «Радуга жизни» (1999), «Аура сердца» (2001), «Эрос Амура» (2006), «Радость утренних рос» (2009), «Арабески» (2012), «Земные братья» (2013); книг прозы «Когда плачет трава» (2003), «Сердце на рассвете» (2005), «Земная спираль поэта» (2008), «Как прекрасен этот мир» (2012), «Рассказы батюшки-Амура» 2012), «Сказание о райском дереве» (2013), «Я приходил на рассвете» (2017).

Член Союза писателей России.

## БЕРЕЗОВОЕ ЧУДО

Везде у нас растут берёзы.  
Везде поют у нас о них.  
Мы с ними делим радость, слёзы,  
Про них играет баянист.  
Россия вся – берёзовое чудо,  
А сколько в ней берёзовых невест!  
Живут у нас берёзовые люди,  
И всех чудес берёзовых не счесть.  
У всех у нас берёзовые души,  
И даже жил берёзовый поэт!  
Любил берёзы он послушать  
И в этом был большой эстет.  
Берёзы часто смотрят в окна –  
Они душой стремятся к нам!  
Лепечут что-то через стёкла:  
Они – душевный наш бальзам.

## ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Кружится, кружится лист  
В вальсе осеннего дня...  
Воздух прозрачен и чист.  
Лес приглашает меня.  
Северный ветер-шалун  
Листья сорвал на лету.  
Плачут деревья в лесу –  
Жалко терять красоту.  
Кружится, кружится лист  
В вихре осеннего дня...  
В роще деревья под свист  
Стонут, друг друга обняв.  
Жёлтым осенним платком  
Машут прощально они.  
Сыплются косы кругом –  
Трудно красу сохранить.  
Кружится, кружится лист  
В танце лесного огня...  
Клён пригласил на бис  
Мисс осеннего дня.  
Вышла берёзка на бис,  
И закружился он с мисс.  
В танце красавец наш клён  
Был от любви опалён.

## СПИРАЛИ ЖИЗНИ

Слетел спиралью жёлтый лист.  
О чём тревожишь ты сознание?  
Но я не ты – не фаталист:  
Не знаю день свой умираю.  
Спиралью падаешь ты вниз...  
Но я душой стремился к небу!  
Тебя не буду я винить:  
Тут очень сложный в жизни ребус.  
Хотя твой род берёзы бел,  
И к небу он стремится тоже.  
Я не устал ещё от дел,  
Уйду спиралью к небу позже.  
Ты лето зелень излучал  
И свет сосал, земные соки.  
Иной я путь себе искал:  
Старался к небу бить дороги.

## РОСЫ РОССИИ

Земные утренние росы  
Лежат на травах, как алмаз.  
Их на рассвете кто-то бросил –  
Нам дарит щедро каждый раз.  
В лучах таинственно сверкая,  
Играют радугой цветов.  
С восходом солнца исчезая,  
Они рождаются утром вновь.  
И снова выпавшие росы  
В лучах растают быстро днём.  
Так солнце их к себе уносит,  
Все испарив своим огнём.  
Они все запахи вбирают,  
Травинки каждой жизни смысл...  
Земные росы улетают  
С лучами солнечными ввысь.  
Но в мире есть другие росы...  
То Светлый Дух нисходит сам!  
Отца посланец Он хороший,  
Он лечит души Светом нам.  
И семя духа человека  
Войдёт монадой в ночь любви.  
Послал её Вселенский Лекарь –  
Чтоб дух российский ей привить.  
С небес высоких души-росы

Войдут в Россию – в Лоно-мать.  
И вся Россия – все христосы,  
Начнут земную расу обновлять!

## ЖИВОЙ СОБОР

Где край не виден с самолёта,  
Течёт широкая река.  
Жива в ней растворённая забота.  
Ей курс восточный держат берега.  
– Амур, могучий, судоходный,  
К кому стремишься на восток?  
– Там солнце путь берёт восходный  
И дня находится исток!  
Восходит солнце там из моря.  
Оно – чистейшее с утра.  
С головки православного собора  
Там начинается заря.  
Для всех соборов православных  
Встаёт Родитель – Солнце-мать.  
И он живой – в России главный.  
Бегу, чтоб первым повстречать!

## РУССКИЙ КРЕСТ

Живём давно мы на Земле...  
Нас долго кто-то мучит!  
Намного Космос нас умней  
И терпеливо учит.  
Жестокий век назначил рок,  
Отмерил муки и страданья.  
Назначен нам судьбой урок  
За все духовные старанья.  
Неумолим жестокий рок,  
И нет пощады для России...  
На перекрёстке всех дорог  
Мы дух высокий так взрастили.  
В России крест от роду – меч.  
Мы им врагов всегда крестили:  
Чтоб душу русскую сберечь,  
С войной на Русь чтоб не ходили!



**Вера ЛИСИЦА**

*Вера Фёдоровна Лисица родилась в солнечной Киргизии в 1940 году, мечтала об океане и осуществила свою мечту. В 1961 году окончила Дальрыбвтуз и распределена на суда УАМР в г. Находку. Как бы со стороны океана открыла для себя неведомые, даже в лучших снах, земли: Камчатку, всё побережье Охотского моря с островами, Берингово море, Аляскинский, Бристольский заливы, Японию, Сингапур, Африку, Сейшелы, Новую Зеландию и многое другое. В УАМРе проработала до 2004 года. Печаталась в альманахе «Находка», в газетах «Находкинский рабочий», «Элегия». Изданы книги: «Солнце не тонет в океане» (2001), «Детишкам – Находкишкам» (2004).*

# Любвеобильный Генка

РАССКАЗ

Кончалась вахта. Геннадий вышел на палубу. Какое прекрасное утро для конца января, первое за всю зиму на Курилах – ни ветерка! Вода, словно светло-голубое шёлковое покрывало, слегка бугрится и морщинится. Небо почти фиолетовое над головой. Голубеет и светлеет к горизонту, над которым повисли продолговатые полосы облаков.

Судно идёт с тралом, бакланы отдыхают, сидя на воде, лениво перелетают, следуя за кормой. Охотясь, клином летают уточки-нырки, то пропадая в воде и нарушая строй, то появляясь снова. А вон в отдалении ударил фонтанчик, пропал, снова ударил – понятно, бродит усатый кит, почему-то один.

Вот бы сейчас сюда Светку с сынишкой Ромкой. Посмотрели бы они на такую красоту.

С женой ему повезло – Светка полностью соответствовала его идеалу женщины, может быть, ещё и потому, что похожа на его рано умершую мать. Он себе до сих пор простить не может, что не осуществил свою мечту, с первой зарплаты

не купил матери шубу, а потом уже не успел. И Светку теперь баловал, одаривая, даже влезая при этом в долги. Есть ещё сестрёнка Тоня, которую он тоже любит, – живёт за рубежом.

Надо же такое, кто мог раньше представить, что Киев станет чужим городом. Видеться с сестрой стало не по карману, если раньше на отпускные ездили в родные места всей семьёй, а они с женой родом из одного посёлка, то теперь всей его рейсовой полочки хватает съездить только ему одному.

Размышление прервало объявление по трансляции:

– Электрику Пушило зайти в каюту старшего механика!

Это ему, интересно, зачем? Стармех, чем-то явно озабоченный, буркнул:

– Ты после вахты, когда отдохнёшь, зайдёшь ко мне в три часа, есть разговор.

Какой разговор – спросить Генка не решился, догадываясь, что дед затеял очередной ремонт. Ну надо так надо, а сейчас спать...

Стармеха мучил предстоящий разговор. Утром ему капитан сказал:

– Официантка пожаловалась, что твой электрик Пушило облапал её в коридоре.

– Как облапал? – осведомился дед.

– Ну за задницу ухватил, – разъяснил капитан.

– Так он же ничего ей не сделал...

– Ещё не хватало, чтобы сделал, позови их обоих, пусть извинится, и если твой любвеобильный электрик ещё выкинет что-нибудь подобное, спишу к чёртовой матери! – заключил капитан.

Стармех зашёл к электрону:

– Слушай, твой электрик облапал официантку.

– Кто именно?

– Пушило.

– Да чтобы Генка? Ни в жизнь...

Легко сказать – разобрать инцидент, такими делами деду не приходилось заниматься, люди не железки. У самого стармеха уже больше двух месяцев сидела в душе заноза в образе прачки Клавдии. Надо же было прожить всю жизнь и теперь, на старости лет, повстречать свой идеал – стройная, несмотря на свои сорок лет, светлая, гибкая, смешливая, а в глазах её карих он просто утонул.

Куда бы ни шёл, что бы ни делал, а мысли всё с нею. Клавдия не была одинокой, уже третий рейс она в паре, или, как нынче говорят, в гражданском браке, с третьим механиком: он моложе её на десяток лет, весь из себя, с накачанными бицепсами, занимается физзарядкой, питается по особой системе, преимущественно рыбкой, не пьёт, не курит. И нет у деда никакой надежды, но разве сердцу прикажешь? Вон официантка Галина, ничем не примечательная молодая женщина, почти девчонка, вроде бы ушла от мужа, как он слышал, да и в море первый раз, и нашёл в ней что-то электрик Генка, сам парень тоже не шибко видный – обыкновенный мужик, как работник очень даже подходящий. Парню, видно, сейчас тоже несладко.

Поэтому, когда в три часа Пушило переступил порог его каюты, стармех как-то виновато спросил:

– А ты что, без всякого разговора с ней, так и начал её лапать?

– Кого лапать, какого разговора? – удивился Генка.

– Ну официантку, Галку.

– Да вы меня с кем-то путаете.

Стармех начал злиться, оказывается, перед ним ещё тот тип – шкодлив, как кот, труслив, как заяц.

Генка воззрился на робко входящую в каюту официантку:

– Это когда я тебя лапал, ты что, умом подвинулась?

– Вчера в коридоре, когда я мыла палубу утром.

– Вчера? – силился вспомнить он. – Утром? Так я проходил от электрона, спешил в галюн, меня припёрло, ты задом закрыла коридор, я тебя просто подвинул руками. Тебе лучше, если бы я это сделал ногами?

– Ты бы мог сказать, чтобы я тебя пропустила.

– Ну да, такая колода, как ты, пока повернётся... ты же в столовой ходишь – себе на пятки наступаешь, вечно то хлеб ждёшь, то посуду чистую, если её можно такой назвать после твоих рук.

Быстро разобравшись в ситуации, стармех поспешил потушить ссору:

– Ладно, Галина, прости уж его, он больше не будет, иди, мы ещё поговорим о делах.

– Что я больше не буду? Нужна она мне, как собаке пятая лапа, – продолжал злиться Генка.

– Ты вот что, не кипятись сильно, я, конечно, объясню капитану, что ты не от обилия любви дотронулся до неё, сейчас иди, пей чай, тебе уже на вахту скоро, – заключил дед.

Вылетев из каюты стармеха, Генка по ухмылкам курильщиков возле столовой догадался – ржут над ним.

Ринулся к шефу. Электрон встретил сочувственно:

– Ты, Ген, у нас нынче герой. Ну скажи, какой мужик сейчас бы отказался от бабы? Поэтому не суетись, ничего не отрицай, спокойно улыбайся во все трепливые рожи, быстрее отстанут, через пару дней – поверь – всё



забудется. А сейчас дёрни стопарик, запасик у меня остался, полегчает.

После выпитого действительно отодвинулась куда-то злоба, и Генка вошёл в столовую сравнительно спокойным, на шутки не реагировал. Галина из своего закутка, где она мыла посуду, не высывалась, видно, злилась на себя за эту раздутую историю и всеобщее внимание.

До вахты оставалось ещё время, и Геннадий почувствовал потребность снова выйти на палубу.

Картина была уже совсем иная: светлое небо занавешено лёгкими облаками, море приобрело свинцовый с синеватым отблеском цвет, тёмно-синяя линия горизонта чётко обозначила границу воды и воздуха, солнце, а особенно его

расширившаяся дорожка по воде к корпусу судна, слепило глаза.

«Бог мой, как меняется всё вокруг, правду сказал древний мудрец, что нельзя дважды войти в одну реку. Всё, что я вижу сейчас, больше никто никогда не увидит, если что-то подобное будет, оно уже будет другим. Каждый миг жизни особенный, неповторимый, а мы теряем время на суету, глупости, без которых можно и нужно обойтись. – Геннадий задумался. – Что со мной, старею или мудрею? Но что старею – это факт, мудрость, видно, здесь ни при чём. Эти мысли не вдруг накатили, просто пришло, видно, время посмотреть на всё вокруг острее и глубже, оценить, а значит, полюбить дарованную мне кем-то или чем-то для чего-то мою единственную и неповторимую жизнь».

## Душевая история

В систему подали горячую воду, и закончившая работу смена добытчиков и обработчиков устремилась в душевую.

Гошка задержался из-за мочалки:

– Куда проклятушая завалилась?

Он несколько раз перерыл рундук, шкаф, заглянул под диван, обыскал все углы – безрезультатно. Устав шариться и присев на диван поразмыслить, чем её заменить, он неожиданно узрел предмет своих поисков.

Конечно, он не искал мочалку под подволокном, а именно там она и была, просто начисто забыл, что во время качки три дня тому назад засунул её между банками на полке, чтобы плотнее их прижать.

– Склерозник, – ругнул себя Гошка и, сложив в пластиковый пакет чистую одежду, полотенце, мыло со злополучной мочалкой, отправился в душевую.

Там уже никого не было. Он разделся, сполоснулся, закрыл кран с целью экономии воды

и стал намыливаться. В это время кто-то зашёл в душевую, разделся и, став под душ, сразу же паром заполнил всё помещение. Гошка не любил пар и быстренько, смыв мыло почти холодной водой, устремился в закуток одеваться.

Протерев полотенцем глаза, решил взглянуть, а с кем, собственно, он моется. Не узнать Вениамина, матроса добычи их бригады, просто невозможно: рост под два метра, крупный торс, могучие плечи. Узнать он узнал, но то, что ему открылось при виде обнажённого Веньки, ошарашило парня – всё тело гиганта состояло из сплошного узорчатого ковра.

Такого Гошке даже во сне не привиделось бы – через всю грудь извивалась зелёная, с положенным ей рисунком змея, и, очевидно, очковая, так как её раздутый капюшон охранял сосок левой груди, а под нею текст: «Гадом буду, не забуду».

Что было на животе и ниже, рассмотреть не удалось, так как Венька, почти не вытираясь,

натянул трусы, но когда он повернулся к вешалке, с тем чтобы взять рубашку, Гошка рассмотрел на спине компанию женщин в различных позах.

– Это всё твои бабы? – любопытствовал Гошка.

– А то как же, – было ему ответом. – Тех, что на левой стороне, бросил я, что на правой – бросили меня.

На руке внимание привлёк рисунок гроба с надписью: «Не забуду мать родную».

– А что с матерью? – спросил зачем-то Гошка.

Вениамин помолчал, тоже рассматривая рисунок, и печальным голосом поведал:

– А не вынесла родная мать моего позора и разлуки, получил известие в тюрьме, где срок мотал.

Гошке стало жаль его, ведь надо же, сколько потерь у человека. Взгляд упал на ноги – там, где должны быть носки, на одной ноге надпись гласила: «Они устали», на другой – «Но до ларька дойдут».

Здесь всё было понятно, а глаза уже читали выше по ноге: «Десять лет без капремонта».

Вот это уже было непонятно, а потому загадочно.

– А, это я десять лет на нарах ноги грел, а остальное время был в бегах, ловили, били, добавляли срок, вот так вот.

Вениамин уже надел спортивные штаны, засунул ноги в тапочки, а Гошка продолжал стоять с полотенцем в руках как загипнотизированный, кроме как задавать вопросы, он, наверное, ни на что другое в этот момент не был способен:

– А за что срок-то дали?

Тут Вениамин вытаращил глаза и прошипел:

– А вот такого же любопытного пришил, насмерть, сечёшь?

Гошку как ветром сдуло. Как был нагишом, босой, вылетел из душевой, на ходу обвинил себя полотенцем, словно юбкой, помчался что было

сил в свою каюту. Боцман, попавшийся ему навстречу и еле успевший увернуться, прижавшись к переборке, бросился к душевой, заподозрив, что там случилось что-то неладное с горячей водой.

Тем временем в каюте мастера добычи собрались остальные члены бригады. Троица закусывала домашним салом, присланным в посылке.

– С лёгким паром! Ты что, нам вкусненькое несёшь? – встретили они Вениамина с пакетом в руках.

– Слушай, мастер, отдай парню белишко, нагишом убежал, чёрт меня дёрнул подшутить, но ведь достал.

И Венька под хохот рассказал всю историю, разыгравшуюся в душе.

Мастер еле достучался в каюту к Гошке, пока не подал голоса.

Парень находился явно в столбняке и плохо соображал, о чём ему толкует мастер:

– Да пойми, ты, чудак! Я Веньку знаю лет уже пятнадцать, и никогда ни в какой тюрьме он не сидел, приехал к ним в посёлок один придурок и решил попрактиковаться на пацанах, задурил им голову, что в городе, мол, повально все увлекаются татуировкой, журналы заграничные показал – ну, в общем, уговорил. Венька самый терпеливый был, а тот ещё и похваливал, мол, герой. Из-за этой истории Венька жениться никак не соберётся, нравится ему библиотекарша в их посёлке, а он боится ей показаться. Видишь, до чего дурь по молодости доводит – шкуру не снимешь, другой не заменишь.

– А мать как же? – опять зачем-то любопытствовал Гошка.

– А что мать? Жива-здоровая пока, слава богу, вон огурчиков да помидорчиков Веньке насолила – пальчики облизываем, ты же ел. Венька мать не обижает, все деньги, почитай, ей отдаёт, а она командуёт их бюджетом.

Гошке после всего пережитого осталось только уснуть, что он и сделал.



# ТАЙНА БОХАЙСКОГО МЕЧА

Это было очень давно. Огромное государство Бохай исчезло в веках, но и сегодня археологи находят множество предметов той эпохи. Они словно рассказывают о том далёком времени, о культуре, быте, обычаях, исторических событиях. Многие объяснимо и понятно учёным, рассматривая и изучая многочисленные предметы, они словно читают многовековую историю царства Бохай. Но однажды археологи при раскопках обнаружили меч... Мечи довольно частые находки у археологов, но этот меч не был обычным: белый, отполированный, на нём не было даже следов

ржавчины десятка веков, его словно вчера отковали! С удивлением учёные увидели на клинке изображение мальчика, а на второй стороне изображение лотоса... Как ни старались археологи, учёные, загадка белого металла не раскрыта до сих пор. Бохайский меч прочно хранит свою тайну...

Этот день старый кузнец запомнил на всю свою жизнь. Лэтэ готовил очередную плавку металла, из которого хотел затем отковать мечи. Семь лет он искал секрет бохайского белого металла. Сколько сделано безрезультатных плавков! Но белый бохайский металл не получался.

Рабы с утра раздували горн, беспрестанно работали мехи, менялись через каждые сто сжатий мехов – ритм подачи воздуха в плавильную печь не должен снижаться. Потные, уставшие рабы не прекращали работать у мехов. Вскоре металлические крицы в печи начали плавиться. В это мгновение все услышали крики о помощи.

– Помогите, спасите! – раздаётся крик на улице рядом с кузней.

Лэтэ выскочил из помещения и увидел страшную картину: с сыном на руках стоял его друг, тот, с кем он вместе вырос, – охотник Данули. Голова девятилетнего ребёнка в крови, маленькая рука безвольно свисает вниз...

– Что с ним, как, почему?

– Старое дерево упало на играющих детей и... – Глаза Данули вновь наполнились слезами.

Вокруг собрались кузнецы, появился раб, но, увидев угрожающий взгляд Лэтэ, поспешил к мехам – раздувать огонь. Появился шаман с бубном, глухо прозвучали удары по бубну, несколько раз проплясал вокруг тела мальчика, камлая, посетил верхний и нижние миры, но...

– Духи уже унесли душу мальчика на реку Энгдекиит, в страну мёртвых!

– ?..

– Духи не вернут душу мальчика в этот мир...

Но все видели и без шамана, что вернуть мальчика к жизни уже невозможно. Рядом с его худеньким телом сидит вмиг постаревший Данули. Первая и единственная любимая жена умерла при рождении сына. Данули больше не женился – всю свою любовь, всё внимание он отдал сыну. Мальчишка рос весёлым, смыслёным, задавал много вопросов. Часто бывал в кузнице Лэтэ, любил смотреть на огонь.

– А если прыгнуть в огонь, что будет?

– Не болтай глупости! – отгоняли мальчишку от печей мастеравые.

– А огонь... он живой?

– Живой!.. – отмахивались от вопросов мальчишки кузнецы.

– А боги огня – они злые или добрые?

– Огонь справедливый, но если он в руках недобрых людей, становится злым!

– А кто сильнее, металл или пламя?

– Сколько раз тебе говорили – не мешайся! – в сердцах отгоняли мальчишку.

Мальчишка обиженно отходил в сторону и подолгу смотрел на бушевавшее пламя в горне. С нескрываемым интересом наблюдал, как чёрные куски руды вначале краснели, затем белели и огненными слезами появлялись раскалённые капли металла. Но как плавится металл, ему приходилось видеть нечасто – не допускали любознательного паренька к плавильным печам.

– Как хотелось бы быть звенящим металлом меча! Мой голос будут слышать и бояться его все враги!

Не придавали значения этим словам мастеравые, а сейчас они смотрели на худенькое безжизненное тело мальчугана и не могли сдержаться – слёзы сами собой наворачивались на глаза, к горлу подступал комок.

Наступили сумерки. Над утёсами Чандалаза нависла тёмная туча, вдалеке сверкали молнии, доносились раскаты грома. Окружающие хребты затянуты мрачными тучами. Сильный порыв ветра поднял над жилищами чей-то тэгу-халат. Возле кузницы, у тела мальчика, сидит поседевший отец. Он не плачет, безутешно смотрит на ушедшего в верхний мир сына...

– Сыночек!.. Сыночек!.. Зачем оставил меня одного?.. Сыночек... – тихо гладит по маленькой ручке сына.

Туча приближалась к городу мастеров. Всё чаще и чаще молнии сверкали над долиной Сучана. Оглушающий гром раскатисто раздавался над городом.

– Данули, Данули, идём в кузницу...

– А мой сын?

Мастеровые осторожно подняли худенькое тело ребёнка и занесли в кузницу. Здесь тихо, ровно гудит пламя в плавильной печи. Багровые отблески огня играют на спокойном, непривычно тихом неподвижном лице мальчика. Глаза закрыты, на мальчишеских губах застывшая улыбка... Отец ни на мгновение не отходит от сына. Он не плачет, а всё смотрит и смотрит на своего мальчика. Какой он маленький и худенький, какое у него спокойное лицо... Его душа уже рядом с матерью...



- Лэтэ! – вдруг тихо обращается Данули.
- Данули, друг мой!
- Лэтэ, ты знаешь о мечте моего сына?
- Знаю... Он хотел раствориться в металле...

Чтобы его голос звучал в пении острого клинка, чтобы его боялись враги...

- Не хочу отдавать сына духу леса, не хочу...

Данули пустыми глазами смотрит на своего друга.

Лэтэ видит, как за этот день постарел молодой мужчина.

- Хочу выполнить волю моего сына... Последнюю волю... Разрешите...

Лэтэ непонимающе смотрит на осунувшегося от горя Данули.

- Разрешите моему сыну раствориться в металле клинков...

- Данули?... – у Лэтэ не находится больше слов.

– Разрешите, он мечтал!.. Его голос будут слышать в звоне клинков, в которых будет его душа... Разрешите... – Данули смотрит на своего друга, крупные слёзы сбегая по его потемневшим щекам.

А на улице беснуется стихия! Сверкают молнии, грохочет гром, невиданной силы ливень обрушился на город мастеров. Сильный порыв ветра сносит крышу жилища на верхней террасе города. В воздухе в потоке вихря кружатся какие-то полотнища, высоко в небе вихрь кружит шкуры, ветки, обрывки ткани... Природа словно в отчаянии металась, провожая в страну предков маленького худенького мальчонку.

Лэтэ думал долго. К нему подходит помощник и шепчет, что шаман и правитель города разрешают в виде большого исключения предать мальчика огню...

Мальчика осторожно раздевают, снимают стоптанные старые порванные ичиги. «Папа, почини их мне», – только вчера просил он отца. Сняли детский тэгу, шитый-перешитый из отцовского халата. Худенький, с тонкой мальчишеской шеей, бледными ручонками, беззащитный мальчишка, обнажённый, лежал перед кузнецами-воинами. Слёз никто не скрывал.

Данули стоял рядом и всё плакал и плакал, наблюдая, как провожают в верхний мир пред-



**Станислав КАБЕЛЕВ**

Станислав Владимирович Кабелев – член Союза писателей России, родился 21 октября 1939 года в Багдаде, Узбекистан. Школу окончил в городе Кустанае в 1958 году, в 1958–1962 годах учился в ДВМУ. Работал на Приморском судоремзаводе с 1962 по 1989 год. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию и туризму, чемпион СССР по туризму (1983), бронзовый призёр в 1985 году.

Автор книг «Тайна хребта Чандалаз», «Расцвет Солнечной долины», «Мы – вулканов сыны», «Сучан – царь Шамбалы», «Вглубь веков», «Звезда Бохая», «Сто лучших»... Первооткрыватель и исследователь Города Драконов, автор книг «Город Драконов или...», «Край легенд и Драконов», «Пидан, Чандолаз, Белый город», автор сборника сказок «Алинкины сказки». Об истории спортивного ориентирования написана и издана повесть «Валентин».

За выдающиеся достижения в исследовании Дальнего Востока награждён медалью адмирала Рикорда.

Заслуженный путешественник России.  
Почётный гражданин города Находки.

ков его сына. Кузнецы имели железное сердце, но здесь не могли сдержаться, плакали, провожая в последний путь ребёнка. Мальчишку в кузнице любили как родного сына. Тяжела смерть близкого человека, но в сотни, тысячи раз тоскливее и страшнее расставаться с сыном! Горе, большое человеческое горе обрушилось на Данули и его друзей-кузнецов!

Последние стежки толстых ниток на холсте – сын приготовился к далёкому путешествию в вечность...

Маленькое тело мальчика поглощает огнедышащее жерло плавильной печи. В долгом молчании застывают мужчины. Данули немигающими глазами смотрит на горячее раскалённое жерло печи, туда, где исчез его сын...

– Сын... Мечта твоя исполнилась... Родной, жди меня с мамой... Скоро и я буду с вами...

В это мгновение жуткий огненный удар молнии потрясает кузницу. Неимоверная сила разбрасывает людей по просторному помещению. Теряя сознание, Лэтэ видит, как небесный огненный меч бьёт в поглотившую тело мальчика плавильную печь. Металл моментально вскипает, бурлит! Больше Лэтэ ничего не видел и не слышал.

Мастер не знает, сколько времени был без сознания. Когда очнулся, то увидел развороченную крышу над плавильной печью. Увидел, что все его помощники, кто где, лежат в неестественных различных позах. Дымится развороченная небесным огнём печь. Ярким пятном светится расплавленный металл. Через какое-то мгновение начали приходить в себя помощники, очнулся и Данули.

– Забрал бог душу моего сына... Ушёл в верхнее царство... – тихо говорит оглушённый молнией отец.

Через какое-то время как по мановению небес исчезает за горным хребтом чёрная переполненная небесным огнём и громом угрюмая туча. Вскоре она скрывается за мохнатыми сопками Тачин-Гуана, в верховьях Малазы. Засияло солнце. Зазвенел жаворонок в высоком чистом небе. Испуганные оглушённые жители города мастеров постепенно выходят из своих жилищ. Небольшими группами они собираются

на террасах и смотрят вниз, на пострадавший от небесного огня кузнечный двор, слышатся рыдания, плач женщин. У многих в знак скорби порезаны лбы, но люди не обращают внимания на боль от порезов – боль утраты мальчишки сжигает сердца людей.

Старики украдкой смахивают невольные слёзы. В запретном городе правитель отменил встречу с посланниками городов Солнечной долины. Правитель в простом халате со скорбным лицом приходит в кузницу Лэтэ, касается рукой плеча застывшего от безутешного горя Данули. Печально звучат барабаны на башнях крепости.

А вскоре, через несколько дней, Лэтэ ковал мечи из небесного металла сына Данули... Станный, таинственно-загадочный получился металл. Раскалённый, он легко принимал нужные формы под ударами молота Лэтэ. Его чистый и звонкий голос слышат все в городе мастеров, весёлым голосом мальчишки поют заготовки под ударами молота Лэтэ, и этот счастливый звук раздаётся далеко за пределами кузницы. Вскоре мечи откованы. Белый небесный металл! Все мечи получились белого цвета. Лэтэ сгибает мечи в дугу и отпускает. С тихим звоном мечи разгибаются, и в этом звуке словно слышится чистый голос мальчика. Мечи получились необыкновенной прочности и чистоты. Они рубали металл врагов, не тупились, на остром лезвии меча ни единой щербинки!

Несколько дней Лэтэ ковал мечи и понял, что в них заключена бессмертная душа сына Данули. Мечи словно душа мальчика – живые, рвущиеся в бой. Кузнец отковал десяток мечей. Первый вручили Данули, на лезвии меча мастер изобразил его сына из серебра. Мальчишка словно смотрел на своего отца и как бы говорил: мечта его сбылась. С этим мечом отец не ставался ни днём, ни ночью. Остальные мечи обрели своих хозяев значительно позже. На всех мечах с одной стороны изображены драконы с лотосами в пасти, а на другой – стройная фигурка мальчика. Золотой дракон на лезвии сделан для Агуды, на остальных драконы нанесены из серебра. Печь, в которой сын Данули слился с металлом, больше никогда не разжигалась...



**Дина УСАТАЯ**

Родилась 6 сентября 1940 года. Трудовой стаж свыше 50 лет. По специальности – библиотекарь. Четверть века проработала директором библиотеки. В 1970 году основала литературный клуб «Элегия» и руководит им по сей день! За значительную общественную деятельность неоднократно награждалась правительственными наградами. Её труд отмечен многочисленными грамотами и дипломами администрации Приморского края, администрации города Находки, Союза писателей России. Автор многочисленных эссе, рассказов, повествований. И сегодня она в строю, ведёт большую работу среди молодёжи, состоявшихся авторов, активно пропагандирует русских поэтов и прозаиков.

*А это было?..  
Было... Было!..*

Эта удивительная история произошла на одном из литературных вечеров клуба «Элегия». Впрочем, всё, что я вам сейчас расскажу, настолько невероятно и не укладывается в обычное наше представление о настоящем, что... Можете верить или не верить, но памятное событие произошло на юбилейном вечере великого русского Поэта...

*...Девушка пела в церковном хоре  
О всех усталых в чужом краю,  
О всех кораблях, ушедших в море,  
О всех, забывших радость свою.*

*...И всем казалось, что радость будет,  
Что в тихой заводи все корабли,  
Что на чужбине усталые люди  
Светлую жизнь себе обрели...*

– Это стихотворение поэтом было создано в августе 1905 года, – начала я рассказ, взглянув в зал. Несколько десятков заводчан внимательно слушали, переживая вместе со мной события далеко ушедшего времени... – Поэт создал стихотворение, почувствовав «дуновение свежего ветра, что пронёсся над Россией, ещё безответное предчувствие светлой жизни»...

В зале стояла тишина, заводчане – любители поэзии слушали удивительный рассказ о

жизни великого поэта. В большие окна заводского конференц-зала, смущаясь, конфузливо заглядывала луна. Её серебристый свет освещал дальние ряды зала и растворялся в таинственном свете нескольких свеч. Я собралась с мыслями, и вдруг... что-то произошло. Не могла понять, что же именно случилось... Так же сидели в зале любители поэзии Приморского судоремонтного завода, на сцене за кулисами готовилась к выступлению Елена, к своему выходу настраивалась Ирина. Что же случилось?

И... в завораживающем свете я увидела Его... В полусумраке зала не могла точно утверждать, но поняла, что сегодня буду рассказывать о великом русском Поэте только для него...

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: всё или ничего; ждать неожиданного; верить не в “то, чего нет на свете”, а в то, что должно быть на свете...» Я помнила эти слова Александра Блока всю свою сознательную жизнь и взглянула в зал на странно, удивительно знакомого человека, сидевшего на последнем ряду. Свет от ночного светила пробивался через огромные окна и медленно скользил по залу. Тихо потрескивали зажжённые свечи. Что-то необычное, таинственное было в этом человеке... Наконец свет из окон упал на его лицо... Точёные черты бледного лица, тяжёлый «демонический» взгляд глубоких задумчивых глаз, красивые густые волосы, изящные кисти рук. Он неотрывно смотрел мне в глаза и слушал... слушал... слушал...

На какое-то мгновение я смешалась и не знала, как поступить. Но затем поняла, что так и должно быть, и уже никого не видела и не слышала. Между Поэтом и мною установился невидимый и неслышимый диалог. Всё происходило словно в нереальности!

Но это было... я видела поэта, слышала его ровный отчётливый голос!.. Он встал в свою привычную позу, мерцающий свет освещал его голову, и я увидела как бы ореол вокруг его головы.

– Вы? Вы у нас в Находке?

– Удивлены?

– Удивлена ли я? Мы же собрались здесь, любители поэзии, чтобы отметить ваш вековой юбилей!

– Знаю... Я очень многое слышал о вас, о вашем литературном клубе «Элегия». С большим уважением отношусь к вашему активу. Очень рад сегодняшней встрече здесь, на краю России, с моими почитателями.

– Александр Александрович... – обратилась я к Поэту.

– Зовите меня просто Александром...

– Вы известный поэт, вы наша гордость, вас знает вся Россия...

– Да... Поэт мировой гармонии. А гармония есть «согласие мировых сил». Назначение поэта, – Александр Александрович смотрел в темноту зала и продолжал: – испытывать добытой им гармонией людские сердца, испытывать на добро, на правду... в конечном счёте «ради того, чтобы из “груды человеческого шлака” создать породу более совершенного “нового человека”».

– Нам это не удаётся...

– Вы не правы... Процесс создания нового человека очень длительный... Мне нравится, восхищён, как вы читаете мои стихи. Чтецы прониклись пониманием того, как они были созданы, какие страсти обуревали меня, когда я их создавал.

Я слышу со сцены мои ранние стихи... Как незабываемо прекрасен этот период моей жизни... Как я горел любовью... Кто сейчас читает?

– Это Елена...

– Молодец, читает профессионально. Понимает душу поэта, его страдания, метания, поиск...

– Елена – активный участник нашего клуба, почти двадцать лет декламирует стихи на наших встречах...

– Сейчас слышу свои стихи, посвящённые Ксении... Счастливая волнительная пора любви в Бад-Наугейме...

– ...Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни.

Тихо плещет озеро, полное сна.

Поэт на какое-то мгновение остановился, вспоминая давно ушедшие времена. А со сцены Елена проникновенно продолжала:

– ...Сквозь деревья блестят городские огни, В тёмном небе роскошная светит луна.

В сердце нашем огонь, в душах наших весна.



Где-то скрипка рыдает в ночной тишине...

– Прошло столько лет, а у меня, как и в юности, дрожат руки, вновь кровь приливает к лицу, когда вспоминаю, как встретился с Ксенией... Знаю, во многих исследованиях о моём творчестве, о созданных произведениях, о моей жизни часто возникает вопрос: «Почему я, юноша, влюбился в женщину старше меня на двадцать с лишним лет? А я просто любил... А когда любят, на возраст не смотрят...»

– Эта любовь подарила миру бесценные строки, написанные вами в 1897 году, затем через много лет, в июне 1909 года, вы создали цикл из двенадцати стихов.

...Эта юность, эта нежность –  
Что для нас она была?

Всех стихов моих мятежность  
Не она ли создала?

– Дина, вы хорошо знаете моё творчество...

– Через ваши стихи, поэмы я стремилась понять вас.

– Это интересно...

– Не перебивайте, пожалуйста! Теряюсь! Для меня вы слишком большой авторитет.

Поэт вновь засунул руку в карман и, чуть наклонившись, взглянул на меня.

– У меня сложилось впечатление от всей вашей поэзии, что она пронизана безумной тревогой за народ, Россию. В вашей поэзии много мятежного... – задумалась и поправила себя: – Мятежной страсти – она составляет суть вашей великой поэзии...

– Очень интересно... Очень... Впрочем, вы правы...

Поэт замолчал, прислушиваясь к стихам, звучащим со сцены.

– ...Я прошёл под окно и, любовью горя,  
Я безумные речи шептал...

Утро двигалось тихо, вставала заря,  
Ветерок по деревьям порхал...

Валентина читает стихи Поэта, посвящённые Любе Менделеевой.

– Это одно из первых стихотворений моей жене...

– Вы её сильно любили?

– Любил ли я её? Да, любил всю свою жизнь. Безумно страдал, искал встреч, часа-

ми ожидал её у подъезда... После свадьбы, через несколько лет совместной жизни, у нас создались сложные отношения... Да вы, конечно, знаете эти строчки...

Поэт встал. Высокий, строгий, тонкие черты лица, открытый красивый лоб и глаза... Глаза горели огнём страсти и любви...

– ...Не призывай. И без призыва  
Приду во храм.

Склонюсь главою молчаливо  
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья  
И робко ждать.

Ловить мгновенные свиданья  
И вновь желать...

– Это было создано вами в 1899 году.

– Рад, что вы так хорошо знаете моё творчество. Люба была очень застенчивой... Я страдал, а она даже малейшего знака внимания не позволяла себе. Как я всегда радовался встречам с ней! Но они так быстро проходили, и я вновь оставался один в ожидании новой встречи. Я был вне себя от её холодности!

– А она тоже ждала от вас признания, она любила вас...

– Это сейчас вы исследуете моё творчество, нашу переписку, знаете её отношение ко мне. Но я-то в то время ничего не знал!..

– Из не отосланных вами писем, из дневников мы многое знаем о ваших отношениях.

– Вы говорите о неотосланном письме Любе?

– Да... Оно начинается со слов «Помните...»

– «...Помните Вы-то эти дни – эти сумерки? Я ждал Вас час, два, три. Иногда Вас совсем не было. Но, боже мой, если Вы были...» Из этого письма вы, Дина, видите, как я безоглядно влюбился!

– Но вы её чуть-чуть не потеряли?

– Да... Это случилось 29 января возле Казанского собора, я весь горел страстью любви, а она...

– Она встретила вас отчуждённо, сказала ледяным голосом: «Прощайте» – и ушла...

– Как я страдал после этой встречи! Как страдал... Мне не хотелось жить!

– В ваших стихах эта мысль – уйти из жизни – звучит несколько раз.

– Четыре года моих страданий... Вы знаете, видимо, текст записочки Любочки: «Мой милый, дорогой, бесценный Сашура, я люблю тебя. Твоя».

...И в день морозный, солнечный, красный

Мы встретились в храме – в глубокой тишине.

Мы поняли, что годы молчания были ясны

И то, что свершилось, – свершилось в тишине...

Мы тихо переговаривались, сидя в задних рядах полутёмного зала. А на сцене между тем события развивались своим чередом. Звучали бессмертные строки из цикла «Снежная маска». Слушая свои стихи, Поэт как-то весь напрягся, словно возвращаясь в те волнительные мгновения далёкой поры.

– ...Вот явилась. Заслонила

Всех нарядных, всех подруг.

И душа моя вступила

В предначертанный ей круг...

– Натали... Натали Волохова... Как много связано у меня с этим именем.

– Кто она для вас?

– Встреча с ней дала начало моему новому творческому взлёту.

– Ваш цикл «Снежная маска» удивителен. Стихи этого цикла не оставляют никого равнодушным...

– Это была буря страсти! Я написал этот цикл за двенадцать дней. Мне было радостно писать строки для любимой женщины:

...Да. Я с тобой незнаком.

Ты стихов моих пленная вязь...

Она была необыкновенной... А как она читала! Вам, живущим в конце двадцатого века, трудно понять нас... Мой друг поэт Юрий Верховский считал, что только она одна может и должна читать мои стихи! Эта любовь...

Посвящаю эти стихи

Тебе,

Высокая женщина в чёрном

С глазами крылатыми и влюблёнными

В огни и мглу моего снежного города.

– Вы подарили ей свои стихи с памятной записью.

– Да... Но изданная книга, переплетённая в бархат, затерялась в водовороте времени...

Он замолчал, вспоминая далёкие годы, а я не верила счастью видеть, слушать великого Поэта. Александр Александрович продолжал:

– Второй цикл, «Фаина», также посвятил ей. Два года длились наши встречи. Много счастья дали они мне, но охватившая меня страсть к Наталии Волоховой была «нерадостной» и «мучительной». Впрочем, что мы говорим обо мне? Вы удивлены моим появлением у вас на вечере?

– Удивлена ли я? У меня не находится слов... Вы же знаете, сколько мне стоило трудов, чтобы по крупицам собрать всё, что связано с вашей жизнью, творчеством, чтобы понять, что явилось причиной создания бессмертных стихов.

– И много вам удалось найти обо мне?

– Нет, очень многое осталось там, за чертой... И мы, потомки, вероятно, никогда не узнаем...

– Вы скромничаете! Кто сейчас читает мой цикл «Кармен»?

– Людмила.

Я смотрела на Поэта и не могла понять, что творится со мной. А Александр Блок продолжал:

– Мы бессмертны, когда наши стихи нужны людям, когда их читают!

Как бы в подтверждение этого Людмила продолжает читать стихи о той, кому был посвящён цикл «Кармен»:

– Я буду петь тебе, я небу

Твой голос передам!

Как иерей, свершу я требу

За твой огонь – звездам.

– Когда изучала ваше творчество, у меня неоднократно возникал вопрос...

– Сегодня сможете получить на него ответ...

Поэт встал. Он смотрел на меня и искал слово... Затем прозвучали переполненные горечью строки:

– ...Как-то странно и дико мне жить без тебя, Сердце лаской любви не согрето.

Но мне правду сказали, что будто моя

Лебединая песня пропета...

– Вы вспоминаете свои строки, написанные в 1918 году?

Поэт оживился, глаза заблестели, он гор-



до выпрямился, и я вновь увидела человека, которому поклонялась, чьи стихи считала творением гения.

– Эту поэму создал на одном дыхании. Это лучшее, что я создал! Но было так тяжело... Разруха, бедность, нужда... Я хорошо помню, как рождалась поэма.

Меня обзывали, клеили ярлыки, обливали грязью... Но люди, стоящие у власти, никогда не знали и не узнают Россию! Они её не любили и не любят! Они не любят правды!

Я смотрела на Поэта и не перебивала его.

– Это были странные дни для меня. Писать поэму я начал с утра 8 января. Россия переживала жестокие дни: судебные эксцессы, зловещие слухи, убийство кадетских лидеров Шингарёва и Кокошкина; говорили об убийстве Родзянки, Чернова, Терещенки...

– Вы в своей записной книжке коротко записали: «Внутри дрожит».

– Вы и это знаете?

– Да, до нас дошли ваши строки об отношении интеллигенции к большевикам.

– Сергей Есенин мне звонил и рассказал, что все интеллигенты называли меня изменником. Какие страшные были дни перед тем, как я сел продолжать писать поэму 27 и 28 января. Я был как заведённая пружина.

Строки лились словно крик, зов народа. Во мне всё kloкотало, бурлило, я весь был в порыве...

– 28 января вы записали: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Сегодня я – гений».

А со сцены неслись из уст Раисы бессмертные строки:

– Чёрный вечер,

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Наблюдая за поэтом, отмечала, как каждое слово отчеканивается на его мраморном лице,

и было видно, как он читал вместе с декламатором, жил жизнью героев поэмы.

– ...Так идут державным шагом –

Позади паршивый пёс,

Впереди – с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули неведим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз –

Впереди – Иисус Христос.

– Вам не поверят о встрече со мной, поэтому примите мой первый сборник «Стихи о Прекрасной Даме».

Он взял у меня томик и размахисто подписал: «Потомкам от меня. Ваш Александр Блок».

После вечера, посвящённого Александру Блоку, я ходила словно в каком-то сне... Закончилась зима, началась наша приморская дождливая весна. Целыми днями за окном библиотеки моросил дождь. Крыша в библиотеке протекала, приходилось бегать в профком, дирекцию. Объяснять, доказывать, но был один ответ:

– У нас производство, а книги...

– Но это же наше духовное наследие, наша культура!

– Культура план не даёт... Суда стоят у стенки! А ваша крыша подождёт!..

Ничего не добившись, возвращалась в библиотеку. Среди книг спокойно и радостно.

Всё дальше и дальше уходил памятный вечер Поэта. Постепенно его образ в моём сознании стал расплываться, и я свыклась с мыслью, что встреча с ним была каким-то наваждением. Но томик «Стихов о Прекрасной Даме» я храню десятки лет как яркое доказательство встречи с великим Поэтом!



# ПЯТАЧОК

То, что тридцатого декабря второй штурман сказал ему, третьему штурману Серёге, после того как судно отдало якорь на рейде родного Владивостока, прозвучало как фантастика! Вообще-то фантастикой было уже одно то, что пришли они ближе к вечеру, за сутки до Нового года, а причал, к которому должны были встать под погрузку, оказался занятым!

Не очень доброжелательный читатель может спросить: ну и что, мол, с того, кому это интересно? А то, что весь новогодний праздник судно будет стоять на рейде и экипаж будет дома, со своими родными! Все, кроме вахты, конечно. И трубить ему, Серёге, как медному котелку, суток двое, с тоской глядя на переливающийся огнями, сверкающий тысячами звезд фейерверка в новогоднюю полночь город с его тысячами возможностей. А кому же ещё трубить, как не ему – самому младшему и абсолютно холостому помощнику капитана? Да и во Владивостоке у него не было никого,

поскольку из Сибири приехал в училище поступать, а во время учёбы так и не нашёл свою суженую. Так уж заведено, что надо было бы, но... не случилось, не было ему это нужно тогда.

Это обстоятельство до недавнего времени не беспокоило его, но в последнее время он всё чаще стал ловить себя на мысли, что перестала нравиться эта свобода, независимость. Глядя на счастливые лица при встрече с жёнами в родном порту, на фотографии жён и детей в каютах, он стал задумываться о том, почему у него нет этого.

Ответ был неутешительным. Получалось, что времени на поиски суженой у него нет, да и не предвидится. Сутки-двое, раз или два в году проведённые в родном порту, да ещё и постоянно стоя на вахте, – не лучшие условия для создания семьи...

Поднявшийся на мостик, чтобы записать в судовой журнал свою подходную вахту, второй позвал третьего. Тут-то это и прозвучало:



– Серёга, а ты знаешь, мы тут подумали с женой...

«Ага, и чего это они могли подумать такого интересного для меня?» – мрачно подумал Серёга.

– ...И решили мы дать тебе шанс.

– Не понял, какой шанс? Ты это о чём?

– Да вот, домой нам нет смысла ехать. Светлана с дочкой уже здесь, с властями на катере пришла. Так что не поедет мы. Да и каникулы у нас с ней сегодня начались. Чувствует себя неважно... Вот мы и решили тебя отпустить. С капитаном и старпомом я всё согласовал. Постановка к причалу будет только к вечеру первого января. К обеду первого и вернёшься. А уж там – до отхода будешь вахту нести. Не слышу громких криков радости и беспредельной благодарности, где они?!

– Ну, Сань, ты... велик! – с трудом переварив огромный смысл сказанного, сказал ошеломлённый Серёга. – Только я не понял, о каких ты каникулах? Светлана твоя хоть и учительница, а не работает сейчас, да и Маришке ещё через пару лет только в садик...

– Серёга, я потом, в рейсе, всё тебе объясню про каникулы, причём с подробностями. Если захочешь, конечно! – засмеялся второй и несильно ткнул Серёгу кулаком в бок.

– Хорошо, – сказал Серёга и замер, не очень хорошо соображая, что ему теперь делать.

– Ты знаешь, Серёга, – вдруг сказал второй, – мне жена сказала, что если мы дадим тебе сегодня возможность пару дней побыть на берегу, то очень вероятно, что ты найдёшь свою судьбу и займёшься нормальным мужским делом – семьёй, поскольку видно, что ты уже созрел. Интересная мысль, да?

– И ты что, – сказал Серёга, – тоже так думаешь?

– Если честно и серьёзно, то нет. Думаю, ты просто нагуляешься, проветришься, подержишься за что-нибудь тёплое и мягкое, если получится. Разве этого мало?

– Ну, оно, конечно же, так, мне оба варианта подходят! Однако вариант Светланы чуточку больше нравится, правда, вероятность его практически равна нулю.



**Виктор ФЁДОРОВ**

*Виктор Фадеевич Фёдоров родился в 1949 году. Ещё в начальном школьном возрасте удалось пойти с отцом в дальний арктический рейс. С тех пор вопрос о том, какой будет будущая профессия, сомнений не вызывал. Учился в школе с морским обучением города Владивостока. К окончанию школы имел две морские специальности – матроса и моториста. После школы поступил в Дальневосточное высшее морское инженерное училище имени адмирала Г. И. Невельского и в 1972 году, окончив его, пришёл в Дальневосточное морское пароходство, где и работал в должностях от третьего штурмана до капитана на сухогрузных и пассажирских судах. Писать начал в 2005 году. Основой для творчества стала мысль о том, что окружающие люди практически ничего не знают о морях, находящихся в море.*

– Спорить не буду, а впрочем... – засмеялся второй и достал из кармана пятак, – давай кинем, кто был прав, ты или Светлана. Кладу монету сюда. Кто победил – того и пятачок! – С этими словами второй открыл стеклянную крышку отсека с хронометром на штурманском столе и положил туда монету.

– И кто нас рассудит?

– А ты сам и рассудишь. Если поймёшь, что это случилось или, наоборот, не случилось, – скажешь.

– Согласен.

– А чего тогда ждёшь, а? – спросил второй. – Через полтора часа будет катер. На нём можешь и сойти на берег. Не теряй ни минуты, чтобы потом, в море, не жалеть о них! Я уже на вахте!

Ох, сколько же тягучих океанских вахт и бессонных ночей Сергей мечтал о том, чтобы когда-нибудь погулять вволю на берегу и дать понять этому странному, загадочному и почти недоступному ему, Серёге, но такому манящему, такому желанному племени блондинок, брюнеток, стройных и пухленьких, весёлых и мечтательных, серьёзных и... Сергей потряс головой, стряхивая эти мысли, и пошёл в каюту, чтобы приготовиться к праздничным «гастролям».

Куда пойти совсем молодому моряку, неожиданно оказавшемуся на ярко расцвеченной гирляндами главной улице Владивостока после полугодичного рейса? Естественно, ноги сами понесли его по Светланской туда, где – а он знал это точно – его ждали! Ресторан «Версаль» гремел музыкой. Той самой, которая так здорово будоражит кровь молодых людей, имеющих некоторые соображения относительно целей своего пребывания здесь.

Место за столиком нашлось быстро, учитывая то, как умно и насколько щедро Сергей подошёл к администратору зала. Получаса, который понадобился для воплощения заказа в блокноте официантки в разные вкусы, хватило для того, чтобы провести первичную рекогносцировку на местности.

Большие компании и пары Серега сразу исключал из зоны своих интересов. Остались маленькие компании и одинокие женщины в определённых возрастных рамках. Относительно последних Серёга имел ещё курсантский опыт, который не очень хотелось вспоминать. Оставались маленькие компании. Именно такая располагалась метрах в пяти. Очень молодые девушки, по виду – студентки, они что-то от-

мечали. Их было восемь. Серёга решил рассмотреть третью компанию чуть пристальнее.

Минут через пятнадцать танцпол начал заполняться всё больше и больше. Серёга, к тому моменту выпивший пару стопок, решил, что настал момент действовать. Что и сделал – довольно ловко ввинтился в кружок, образованный соседками. Они радостными возгласами встретили его вторжение.

– Девчонки, – со смехом крикнула одна, – я поняла – нужно просвет в круге оставлять, чтобы такие мальчики попадались в нашу сеть! – С этими словами она подхватила Сергея под руку и закружила. Потом была другая, третья...

Итак, внедрение состоялось. Ещё через полчаса Серега перенёс свои закуски и стул к их столу. Девчонки отмечали окончание семестра и провожали старый год. Всё шло замечательно, и вскоре две девушки явно определились, сев по обе стороны от Сергея.

Всё шло по канонам жанра. Ближе к одиннадцати народ стал помаленьку расходиться. Сергей вышел, чтобы умыть разгорячённое лицо, а вернувшись, успел увидеть, что за столом остались только они, эти две девушки. Они что-то оживлённо обсуждали и, смеясь, ударили по рукам.

– Серёжа, тебе есть куда идти? – спросила Ксюша, блондинка.

– Есть, судно моё стоит на рейде, правда, рейдовый катер только утром...

– Значит, поедем ко мне, – сказала Ольга, девушка с длинными прямыми чёрными волосами, – родители улетели на Бали.

– Я совсем не против, – сказал Серёга. В конце концов, он для того сюда и пришёл. – Только в магазин бы надо зайти, купить шампанского.

– Зайдём, – сказала Ксюша.

Зашли в магазин, взяли всё, что нужно было, и, поймав такси, вскоре приехали куда-то, не очень далеко от центра. Весь путь Серёга лихорадочно соображал, что делать. Ему больше нравилась Ксюша, да и она подавала недвусмысленные знаки своими тонкими, горячими пальчиками, переплетая их с Серёгиными. Сомнений в том, Ксюша или Ольга, уже не было.



Выпив по бокалу шампанского, включили музыку и выключили свет. Танцевали не очень долго. Сергей с удивлением понял, что Ольга ещё откровеннее показывала свои чувства, и это был знак. И он его не прозевал. Сумасшедшие поцелуи и жадные руки Ольги, очень нежное и чувственное изучение друг друга сводили с ума.

– Всё! – вдруг сказала Ксюша и включила свет. – Давайте ещё по бокальчику шампанского, и всё, хватит на сегодня. Уже час ночи.

– Я переоденусь пока, – сказала Ольга.

– Да и я тоже. – согласилась Ксюша. – Не помешает и лёгкий душ принять.

– Тогда я иду с тобой, а Серёжа после нас.

Минут через пятнадцать они вышли из душа. На Ксюше был скучный, длинный махровый халат. Ольга же выглядела потрясающе – короткий китайский шёлковый халатик с драконами, из-под которого шли умопомрачительно красивые ножки. Халатик при малейшем движении стремился распахнуться и снизу, и сверху. Она боролась с этим как могла. Получалось не всегда удачно. После первого же бокала Ксюша чмокнула Ольгу в щёчку и помахала Серёге ручкой.

– Пока-пока! Серёжа, ты будешь спать в зале, на надувном матрасе, хорошо?

– Конечно, – ответил Серёга, поняв полное своё фиаско на эту ночь.

Когда Ксюша ушла, Ольга сразу же погасила свет и подошла к Сергею. Притянув её к себе, он понял, что халатика на ней уже нет, и пошатнувшаяся было жизнь явно стала налаживаться...

Проснувшись, Серёга увидел, что из-под двери на кухню пробивается свет.

– Не спишь? Что, пить хочешь? – спросила Ольга и поцеловала Сергея в губы. – Иди, там Ксюха, она нальёт тебе.

– Да ладно, я потом... – пролепетал Серёга, но Ольга подтолкнула его.

– Иди, иди!

В кухне свет к тому моменту уже погас. Сергей вошел в кухню и на ощупь стал искать, во что налить воды.

– Вот, возьми, Серёжа, – прозвучал тихий голос Ксюши.

Протянув руку, Серёга принял бокал с холодным шампанским и жадно приник к нему, ощущая острые, колющие пузырьки. Осушив бокал, он с облегчением поставил его на стол.

– Иди сюда, Серёжа, ближе, – тихо сказав, она взяла обе его руки и неожиданно резко притянула к себе. На ней не было ничего.

И в этот самый момент Серёга осознал, что происходит. Внезапно он понял, что сейчас нагубит ей.

В любой другой ситуации он был бы только счастлив такому сказочному развитию событий, поскольку шёл для приключений, но сейчас совершенно неожиданно для себя он понял, что не хочет, не может участвовать в этом.

– Прости, я устал и хочу спать, – сказал он холодным тоном и убрал руку с горячей, плотной, совсем небольшой груди.

– Да-а?! – громко протянула удивлённая Ксюша.

– Да, прости.

Закрыв за собой дверь комнаты, он лёг на надувной матрац.

– Ты чего, а? – спросила Ольга. – Что случилось? Иди сюда.

– Ничего не случилось, спи.

Заснул практически сразу.

– Подъём, засоня! – тормошила его Ольга. – Давай, давай, уже пора! Ксюшка и завтрак уже приготовила.

Ксюша была на кухне и не оборачиваясь помахала ручкой в ответ на Серёгино «здрасьте».

– Ольчик, наливай кофе себе, да и мне не забудь.

Минут через пятнадцать, не поднимая глаз на обеих, Сергей наскоро проглотил кофе и, попросившись, закрыл за собой дверь. Его не провожали.

Поймав такси, Серёга доехал до Светланской. Долго шёл в сторону набережной, потом – обратно. Одна мысль сверлила его мозг: «Что это было? Почему я так среагировал на случившееся? Разве я не за этим шёл? Да и вообще чего я ждал? Большой и чистой любви? Да я же и мечтать о таком не мог, счастлив должен

был бы быть от такого разворота, а тут... Что со мной происходит?»

Хотелось есть. Рестораны и кафешки ещё закрыты, а в «забегаловку» не хотелось. Серега чувствовал, что очень не скоро захочет снова пойти в ресторан... Сама мысль об этом почему-то была противна. Настолько же, насколько он был противен и сам себе.

Стараясь не думать ни о чём, пошёл туда, где причаливает рейдовый катер. Оказалось, что следующий должен быть через полтора часа. Идти никуда не хотелось. Серёга сел на скамейку. Через полчаса подошли женщина с ребёнком и совсем молодая девушка, на вид – старшеклассница или первокурсница.

«Какая хорошенькая, как с картинки!» – отметил про себя Серёга, с удовольствием поглядывая на неё. Она села на соседнюю скамейку и так просидела с полчаса. В её сумочке заиграла мелодия мобильного телефона.

– Да, папуля, привет! И что, совсем не приедешь? И то уже хорошо, что до вечера всего! Да, я понимаю. Ладно, что поделать, раз работа. Хорошо, вечером ждём. Без тебя не сядем за стол, так что... Да нет, сейчас домой поеду, никаких планов. Пока-пока!

– Что, неприятности? – как-то свободно, совершенно не задумываясь, спросил Серёга, глядя на её растерянный вид.

– Да нет, – улыбнулась она, – договорилась с папой погулять с ним немножко после вахты, но работа помешала, и теперь придётся самой гулять.

– А моя компания не подойдёт? Не очень помешаю?

– Нисколько. Идёмте, если хотите. Вдвоём веселей!

Всё это было для него настолько необычно и неожиданно, что Серёга пришёл в состояние какой-то эйфории, совершенно забыв о прошедшей ночи.

А потом было наваждение, как Серёга определил для себя это состояние намного позже, уже в море. Долго гуляли, а потом она замёрзла, и они зашли в какую-то уютную маленькую кафешку, заказали кофе и очень

вкусные румяные пироги. Но главное – они постоянно о чём-то говорили, и это поражало Серёгу, обычно молчаливого и стеснительного в дамской компании.

Ему было интересно всё, о чём она говорила, он сразу воспринимал её слова и легко вступал в диалог. И это было взаимно! Всё это было настолько замечательно и даже волшебно, что Серёга совсем потерялся во времени. Они снова гуляли, куда-то заходили, что-то говорили, но главное в этом было то, что Серёга впервые в жизни наслаждался самим обществом девушки, а не тем, чем они занимались и что происходило вокруг. Такое с ним было впервые.

Они вышли из кинотеатра, где весь сеанс так и просидели, рука в руке. Спроси его кто-нибудь, что это был за фильм, Серёга вряд ли сумел бы ответить, поскольку все его чувства во время сеанса были сосредоточены в ощущениях от этой маленькой горячей ладошки. Он отдался странным, новым для себя ощущениям, никогда не испытываемым до этого. Серёга не сомневался, что она чувствовала то же самое, он понимал это по её совершенно незаметным реакциям, по температуре и ещё по каким-то необъяснимо нежным и неведомым ранее волнам, с жаром проходящим через их свитые вместе пальцы. Как оказалось, уже наступил вечер. Город горел разноцветными огнями, празднично украшенными витринами.

– Серёжа, а что ты делаешь сегодня вечером? И вообще я ведь ничего не знаю о тебе. У тебя есть в городе родные? А дом или квартира?

– Нет, Танюша, родных у меня в городе нет, все они очень далеко отсюда. Кроме как вернуться на судно, вариантов у меня нет. Правда, ещё недавно я думал, что они есть.

– Вот и хорошо! Ты не забыл, что сегодня новогодний вечер?

– Да нет, помню, правда...

– Тогда, – она не дала ему договорить, – значит, так. Мы с тобой сейчас кое-что купим и поедим ко мне домой. Надо будет помочь маме накрыть на стол, чтобы к приходу папы всё было готово. Ты не против такого плана?

– Я даже не знаю, Танюша, мне же неудобно...



– Почему тебе неудобно? Ты же со мной придёшь. Я тебя смущаю? Это мне может быть удобно или неудобно, а для тебя должно быть нормально, ведь ты же хочешь этого?

– Да, очень хочу! – неожиданно широко улыбнувшись, честно признался Сергей, в который уже раз за этот день поразившись внутренним переменам в себе. – Только я шампанское и цветы куплю, да?

– Вот и славно! Немножко официально... Однако правильно! И знаешь, у меня потрясающие родители! Ты сам увидишь это.

Дверь открыла красивая, довольно ещё молодая женщина. Увидев рядом с дочерью Сергея с букетом, она широко улыбнулась и приняла букет.

– Проходите, ребята! Танюша, покажи гостю, где у нас что.

– Мама, гостя зовут Сергей.

– Чудесно. Меня – Галина Ивановна. Танюша, ты мне поможешь на кухне?

– Конечно.

Серёжа сидел на диване и почти ничего не видящими глазами смотрел в экран телевизора, где развивался сюжет традиционной для предновогоднего вечера комедии «С лёгким паром». Под эти десятки раз смотренные кадры Сергей пытался понять, что с ним произошло в течение последних часов, найти ту сумасшедшую логическую цепочку, которая привела его сюда, в уютную трёхкомнатную квартиру, с такими умопомрачительными запахами, идущими из кухни, где хозяйничали две ещё практически незнакомые, но совсем уже не безразличные ему женщины, о существовании которых он абсолютно ничего не знал ещё этим утром. Всё то, что происходило до этой встречи, таинственным образом изменилось в памяти, став таким ненужным, туманным и далёким, словно было в другой жизни, да и не с ним, а с кем-то другим.

– Ты не скучаешь, Серёжа? – впорхнув в комнату, спросила Танюша и сунула Сергею бутерброд. – Перекуси чуточку, а то ты так можешь и не дожить до Нового года! Сейчас я тебе ещё кофе принесу. Скоро папа подъедет, он звонил только что.

Уже ближе к двадцати трём часам раздался звонок. Открывать пошла Галина Ивановна, а Танюша, уже переодевшаяся в потрясающе идущее ей платье, встала рядом с Сергеем.

– Проходи, Володя, у нас сегодня гость. Танюша пригласила к нам на встречу Нового года молодого человека по имени Сергей.

Если бы в то мгновение, когда Сергей увидел Таниного отца, случилось землетрясение, он не был бы удивлён этим в такой степени.

– Ну здравствуйте, молодой человек! – сказал вошедший и, взглянув на Сергея, так и остался с открытым ртом и вытаращенными глазами.

Это был второй механик, которого все на судне за глаза звали Петровичем. Он очень нравился Сергею своим дружелюбием и справедливостью.

– Что ж, давайте знакомиться, – переборол себя и сурово прищурив глаза, сказал Петрович. – Меня зовут Владимиром Петровичем.

– О-очень приятно. Сергей, – с трудом поборов потерю дара речи, слегка заикаясь ответил Серёга.

Минут через пять Владимир Петрович снова вошёл в комнату.

– Куришь, Серёжа?

– Н-нет.

– Вот и хорошо, я тоже. Пойдём перекурим, – сказал он и показал на дверь.

– Я с вами, – тут же сказала Таня, но отец жестом остановил её.

– И что всё это значит? – спросил он на лестничной площадке, когда они закрыли дверь за собой. – Как давно вы встречаетесь и почему я об этом ничего не знаю? Только говори честно, Серёга, а то ты меня знаешь!

– Мы только утром сегодня встретились, когда она пришла к рейдовому катеру. Я на судно собирался ехать.

– А дальше?

– А потом мы заговорили, познакомились и гуляли...

– Где гуляли, чем занимались?

– По городу, на набережной, в кино были.

– И это всё?

– Да.

- Зачем сюда, ко мне домой, пришёл?
- Откуда я знал, что это ваша квартира?!

Она меня пригласила, и я...

– Ладно, – прервал его Петрович, – всё понял. Она тебе нравится?

– Очень, – тихо сказал Серёга.

– Ну, допустим... Однако я должен тебя предупредить. Дочь для меня – самое дорогое существо. Если сделаешь ей больно, я тебя убью. Лучше уйди прямо сейчас, потому что ты меня знаешь – я сделаю так, как сказал. Да и ей не так больно будет, если сейчас...

– Я не уйду, – не думая ни секунды, сказал Серёга и в это самое мгновение понял, что сказал истинную правду. Ему вдруг стало совершенно ясно и понятно всё – почему и зачем он встретил её, а главное – что будет дальше.

– Ребята, вы чего тут стоите? Быстро за стол! Мы с Танюшкой уже заждались! – приоткрыв дверь, сказала Галина Ивановна.

Выглядывающая из-за неё Таня очень серьёзно смотрела на мужчин, переводя взгляд то на одного, то на другого, явно пытаясь понять, что между ними произошло. Она ясно видела, что взволнованны оба.

– Папа, что происходит? – спросила она.

– Да ничего не происходит такого, что могло бы беспокоить тебя. Мы с Сергеем поговорили, познакомились чуток поближе, так сказать. Правда, Серёжа?

– Чистая правда! – сказал Сергей, уже успевший немного успокоиться.

– Так мы за стол сядем сегодня или нет? – спросила молча наблюдавшая за этой сценой Галина Ивановна.

– Обязательно! Я сегодня вам такой тост произнесу, что просто закачаетесь! Но это попозже, после полуночи, а сейчас – всё по традиции, никаких отклонений!

Праздник получился просто потрясающий! Столько положительных эмоций Серёга давным-давно не получал, да и был ли такой праздник у него в жизни? Практически чужие люди, они стали вдруг родными...

«Разве так бывает?» – спрашивал он себя утром по пути на судно. Утром завтракали все вместе. Танюшка, подавая ему чашку с кофе, так посмотрела на него, что у Серёги образовался тёплый ком в горле.

«Хочу, чтобы так было всю мою жизнь! Пусть эта женщина станет моей и всегда смотрит на меня такими глазами!» – подумал Сергей, подъезжая на такси к причалу. – Боже, если ты есть, сделай так, прошу тебя!»

– Серёжа, – украдкой сказал Петрович при прощании, – ты пока на судне никому не рассказывай ничего, хорошо?

– Конечно, Петрович! Ни звука! Но я хочу, чтобы вы знали: такого со мной никогда ещё не было.

– Я это понял, верю!

Приняв вахту у старпома, Сергей поднялся на мостик, зашёл в штурманскую, поднял крышку хронометра и достал пятак. Глянув на часы, решил через часик заглянуть ко второму.

– Да? – раздалось в ответ на его тихий стук, дверь открыла жена второго, Светлана. Из-за неё выглядывала веснушчатая девчушка, Маринка.

– Привет, Серёжа! – сказала Светлана. – А Саша...

– Нет, Света, я к тебе, – сказал Сергей и протянул ей пятак на ладони.

– Ой... Ты это что, серьёзно, что ли?

– Абсолютно! Полагаю, что я теперь ваш должник на всю оставшуюся жизнь! Однако мне службу править нужно – скоро на швартовку пойдём, – сказал Серёга и, помахав Маришке, пошёл по своим вахтенным делам.



# ТЁМНЫЕ ДАЛИ

РАССКАЗ

**Россия, Приморский край, окрестности города Находки, октябрь, год 202...**

– Товарищ старшина, снова идут! – подал голос Генка, один из подчинённых, сверкнув карими глазами сквозь маскировочное нагромождение веток и травы на плаще-сетке с капюшоном. Старшина Егор Перепетько слегка подался вперёд, отлипнув от дерева, к которому прислонялся уже часа два. Его взгляд упёрся в петлю асфальтированной дороги, тянущейся со стороны чёрной пелены далеко внизу в сторону перевала. И успел сам увидеть, как из марева пугающей чёрной стены вслед за двумя солдатами вышли несколько гражданских. Издалека было понятно, что это трое взрослых и двое детей. Они о чём-то оживлённо пообщались с ребятами из эвакуационных сил и двинулись по дороге наверх, туда, где на седловине Американского перевала их ждали волонтеры-спасатели, медики и неизбежные фээсбэшники.

А потом дозор уловил характерное щёлканье. Егор с угрюмой злостью осознал, как завалились на асфальт двое солдатиков, только что выведших из Зоны пострадавших. И коротко приказал в ларингофон на щеке:

– Готовность ноль. Снайпер ждёт. Стрелять по моей команде. Группа три, выдвигаетесь на место. Предельное внимание. Работаем.

– Снайпер готов, – отозвался в ухе голос Арсена, молодого шибутного кавказца.

– Три-один пошёл, – добавил лидер группы разведки, местный уроженец Артём Ливадный.

– Три-два пошёл, – доложил ведомый Артёма, Мишка Головки, парень родом из Краснодара.

Эти двое сейчас начали движение где-то в «зелёнке» на склоне сопки. Но сколько Егор ни всматривался в просветы смешанного леса, увидеть их не смог. Только сообщение Ливадного о том, что они вышли на позицию наблюдения, дало понять, что разведчики достигли зоны гарантированного огня. Хотя до границы Пелены от поста было не больше трёхсот метров, Егор стал высматривать происходящее в бинокль. В почти непроглядной тёмно-серой мгле он едва угадал движение. Даже не по чёрным силуэтам, практически не видным за Пеленой, а исключительно чутьём бывалого охотника, не один десяток раз скрадывавшего ночного зверя. И вот из Пелены медленно, но запредельно нагло выдвинулись две фигуры, закутанные в чёрную форму Росгвардии. Они подошли к перепуганным гражданским и стали о чём-то говорить. Отец семейства тут же задвинул за себя старшего ребёнка, судя по всему – девушку. От злости Егор скривился. Вот же твари.

Лица убийц скрывали маски респираторов и защитные антипылевые очки. Эти двое совершенно не скрывались. Слово и не случилось «алого августа», не проводили планомерную облаву полиция и гвардия на толпы бандитов

и мародёров внутри Зоны, а особенно на её границе. Сейчас над Приморьем веял прохладой октябрь. Эвакуация уже практически закончилась, но поисковики всё-таки ещё находили в Зоне тех, кто не захотел или не смог сбежать от Пелены в первые недели Происшествия. Это не считая работающих в Зоне священников и волонтеров, регулярные патрульные выезды армейцев и прочих «шахтёров».

Егор сказал в рацию:

– Ждём. Их не бывает меньше трёх.

Из Пелены вышли остальные бандиты. В общей сложности ублюдков оказалось пятеро. Бандиты окружили семью, явно собираясь устроить себе веселье. Старшина удовлетворённо распределил метки на целях:

– Слева направо. От одного до пяти. Снайпер, твои второй и пятый. Группа три, сами. Огонь.

И тишину, повисшую над дорогой после убийства солдат, разорвало несколько выстрелов. На асфальт сразу завалились три человека. Спустя секунду рядом прилёг четвёртый. А вот пятый успел подсуетиться и теперь испуганно вертел головой, прикрывшись перепуганной женщиной, которую держал захватом за шею. Егор тихо выругался, отложил бинокль, подхватил с расстеленной плащ-палатки свою снайперку, вскинул оружие, даже не встав, прильнул к окуляру прицела. Настраивать оптику нужды не было, как и саму винтовку. Всё уже давно было сделано заранее. Сейчас осталось только навести прицел на чёрную голову уroda и плавно спустить курок. Старшина невозмутимо оценил, как брызнула алым голова бандита, на твёрдую четвёрку. Труп последнего ублюдка кулем хлопнулся на дорогу, а его заложница с визгом кинулась к мужу. После чего из зелёнки на асфальт крадучись выбрался один из разведчиков. Жестом оставив дёрнувшегося было главу семейства, он напряжённо несколько секунд торчал на месте в ожидании неожиданностей. Но обошлось – бандиты кончились. Только через пару минут Артём вышел на связь:

– Порядок, командир. В Багдаде всё спокойно.

– Работайте, – сказал в ответ Егор. Разведка обыскала убитых, в том числе и солдатиков. Только после этого старшина связался со штабом эвакуагера на перевале и сообщил об инциденте. Оттуда сразу пошли две машины: за телами и за семьёй. Всё так же в тишине наблюдатели дождались, пока не исчезнут последние следы столкновения, после чего Ливадный по рации доложил о передислокации на основную позицию. Перепетько вновь прислонился к облюбованному дереву и сказал, глядя на задумавшегося Генку:

– Вот так, парень. Привыкай, здесь как в горячей точке.

– Их обязательно было убивать? Можно же арестовать, – глухо пробормотал парень.

– Нельзя, – губы Егора скривились в неком подобии улыбки. – Нельзя их арестовывать. Знаешь, сколько таких храбрых «братков» мы уже успели вывести? Десятки. А они не кончаются. Их словно магнитом сюда тянет. Вот представь себе, попытаемся мы вот такую банду арестовать. Да пока мы рот откроем для приказа сдаться, они перебьют гражданских и свалят в Пелену, прихватив девку. Не поверишь, у этих обрубков общества мысли только о бабах и наркоте. Допрашивали как-то двоих. Очумевшие напрочь, с головой явно не всё в порядке. Их потом фээсбэшники увезли. Как вспомню, так вздрогну. Глаза чёрные, кожа серая, руки трясутся, говорят так, словно во рту тарелка манной каши... А бред несут такой, что хоть стой, хоть падай.

– Но убивать... – не унимался Геннадий.

– Приказ у нас негласный такой, – пожал плечами старшина. – А приказы надо выполнять. Ты думаешь, это потому, что у нас в верхах твари охреневшие одни? Нет, парень. Просто алый август помнят.

– А что было-то? – жадно спросил парень, пару дней как присланный с армейской педерержки по разнарядке. Вообще он до этого служил под Уссурийском, но вот направили для усиления.

– Много крови было, огня и страха, – сказал Егор. – Тогда ведь, когда всё началось, власти эвакуацию начали не сразу. Ну, хрень какая-то, в



первый раз, что ли? Как принесло, так и унесёт... А не унесло. Эта чёрная пелена только плотнее становилась с каждым днём. А потом кто-то заболел. И понеслось. Драки, грабежи, мародёрство, а там и первое убийство. Люди ведь те ещё твари. Бойня была большая. Бандиты, полиция, армейцы, а там и охотники с выживальщиками подтянулись. Никто не хотел договариваться. Потом Росгвардия подтянулась. Чёрные человечки...

Егор хохотнул, после чего прикрикнул на жадно слушавшего парня:

– Ты за дорогой-то следи, салага.

Генка вздрогнул и приник к биноклю, а старшина продолжил рассказ:

– Эти ребята миндальничать не стали, вошли в Зону, из которой шла поспешная эвакуация, да и начали зачистку города от криминала и прочих деструктивных элементов. Война настоящая началась. Прикинь... Это вот серое марево, тогда ещё не такое плотное и тёмное, а в нём тени, дома, машины. Пожары. И стрельба под крики случайных, попавших под обстрел. Жуть, в общем. Потом начались ноты протеста, вся фигня, иностранцы полезли. Ну и закрыли наши всю эту территорию. Нами закрыли. Только армейские ребята регулярно в Зону ходят, ищут тех, кто уцелел и хочет выйти к солнцу. Там ведь внутри всё серым-серо. А народ говорит, что Пелена темнеет. Кто-то из учёных в лагере сказал, что скоро совсем воздух почернеет. Хотя там и так дышать нечем... Так и увидеть ничего нельзя будет.

– А что это вообще? – подал голос Гена. – Вот эта пелена.

– Говорят, угольная пыль, – сказал Егор. – Только странная. Сам посмотри, какая чёткая граница. Словно какое-то поле держит. Как в книжке фантастической...

– Товарищ старшина, – доложил Геннадий, – всё спокойно.

– Наблюдай, – ответил Перепетько.

– Уголь? – спустя минуту недоумённо спросил Генка.

– Что? – вздрогнул старшина, успевший задуматься о своём. – Ах да, точно. Уголь. Пыль. Слышал, может, какие скандалы были про загрязнение? Эти, которые в лагере, учёные



**Василий ТАРАСЕНКО**

*Родился в г. Владивостоке, окончил одиннадцатилетку, по образованию – филолог. Сменил много профессий, что дало огромный опыт общения с совершенно разными людьми. Работал береговым матросом, охранником, поваром, сантехником, корреспондентом на телевидении, редактором новостей на радио. Сейчас работает специалистом по связям с общественностью на крупном градообразующем предприятии в г. Находке, Приморский край. Писать начал ещё в школе, издавался в городских газетах, сборниках, есть три изданные книги. Много лет отдал ролевому движению. Писать предпочитает подростковые книги, а также фантастику и фэнтези. Кандидат в члены Союза писателей России.*

говорят, что концентрация вещества в атмосфере данной территории превысила какие-то предельные значения и бла-бла-бла... Только вот не верю я в эту ахирию. Хотя на то, что это угольная пыль, похоже. В Зоне полазишь – весь чёрный станешь. Наши ходили, потом в бане ржали со своего шахтёрского вида.

На посту воцарилась тишина. Но спустя ещё пару минут неуверенный голос Генки вновь нарушил покой:

– Товарищ старшина... Там что-то не так.

– Что? – подался вперёд Егор.

– Где убили тех пятерых, там пятна крови оставались на дороге. А сейчас их нет, – пояснил солдат.

– Ну-ка дай, – старшина забрал у парня бинокль и сам посмотрел на границу Зоны. Что-то действительно не сходилось с привычной картиной. Пятен и впрямь не было. Да и вообще всё как-то неуловимо изменилось... Только спустя какое-то время до Егора дошло, что же не так. Граница сдвинулась. Пелена накрыла собой то место, где недавно валялись трупы. В следующую секунду пискнула рация, и голос лейтенанта Богатикова приказал:

– Старшина Перепетько, немедленно в лагерь!

– Есть, – отозвался Егор, после чего связался с дозорными: – Группа три – на пост, группе два отойти на точку прикрытия и продолжать наблюдение, группе раз оценить рост периметра и доложить. Ребята, не лезьте к Зоне, просто прикиньте и доложите, а потом также выходите на пост. Я в лагерь.

Выслушав ответы своих подчинённых, Егор удовлетворённо вздохнул и подорвался по склону сопки наверх, туда, где всё сильнее шумел эвакуолагерь. Происходило что-то странное, а значит – опасное.

Лагерь представлял собой сооружение нелепое, но функциональное. Когда-то его соорудили из палаток, пары передвижных лабораторий и нескольких фур, которыми огородили периметр. Потом рядом вырос военный лагерь, а вскоре и научный. Для проезда автотранспорта через перевал оставили узкий коридор, огороженный редутами из мешков с песком. На площадке, где когда-то, лет тридцать назад, возвышался красивый бетонный парусник, сейчас стоял внушающий уважение чёрный военный вертолёт, хищными обводами напоминающий акулу. И везде суетились люди. Найдя командира в одной из больших палаток цвета хаки, старшина доложил:

– Товарищ лейтенант, старшина Перепетько по вашему приказанию прибыл. На вверенном посту непредвиденных происшествий не зафиксировано.

– А стычку с бандитами вы уже за происшествие не считаете? – с усмешкой спро-

сил Виктор Андреевич Богатиков, лейтенант российской гвардии и примерный семьянин двадцати семи лет от роду.

– Никак нет! – бодро ответил Егор. – Это была предвиденная ситуация, для разрешения которых наш пост и создавался.

– Ну-ну, Перепетько, – вздохнул лейтенант. – Значит, так. Ничего странного не видели?

– Граница Зоны сдвинулась, – уже без субординационного пафоса ответил старшина.

– Так даже, – нахмурился Виктор. – То-то я смотрю, научники в панике. Сходи к ним, они хотят сползть к Пелене за пробами. Но в сопровождение просят именно тебя. С чего бы это?

– Не знаю, – пожал плечами старшина, хотя прекрасно понимал, почему «белые халаты» хотят именно его в проводники. Он уже давно стал для учёных неким талисманом. Когда с ними ходили другие, обязательно что-то происходило. А вот с Егором у них никогда не было эксцессов, за исключением прошлого раза, но там был свой нюанс, так сказать.

Добравшись до научного центра, представляющего собой квадрат из нескольких фургонов и шатров, Егор прошёл на центральную площадку и с удивлением понял, что здесь царит настоящий бедлам в стиле «паника в горящем борделе». Он уже хотел прикрикнуть на столпотворение из снующих туда-сюда лаборантов и всяких подозрительных личностей, когда заметил невдалеке Маринку, аспирантку при каком-то из докторов наук, засланных к Зоне. Обрадованный Егор тут же добрался до шатенки, наряженной в серую кофту, джинсы и старый халат, и с ходу спросил:

– Кто пойдёт?

– О, привет, Горька! – усталое лицо Марины расцвело искренней улыбкой. – Я пойду, Михалыч и Тронштейн.

– Вот же!.. – в сердцах Егор чуть не выругался, но при даме сдержался. – Ладно Михалыч, прикольный дед. Но Барина лучше не надо, я ж ему башку оторву за прошлый выход и ради профилактики. Опять ляпнет чего не то. Может, его не надо?

Марина отмахнулась со словами:



– Надо, Федя, надо... Сам знаешь, только он может с ходу оценить степень изменений. За что и держим. Думаешь, этот прыщ нам тут кровь не портит своей заносчивостью столичного барчука в хренадцатом поколении? Сами бы его прибили, но нельзя.

Егор, не обратив внимания на то, что Марина назвала его именем киношного персонажа из старой комедии, стал серьёзен и спросил:

– Цель выхода? Вес груза? Время на вылазку? Глубина захода?

– Пробы атмосферы, грунта, воды и флоры, – так же спокойно ответила Марина. – Тащим кило сорок всякого стекла и железа, обратно понесём ещё с десяток килограммов. На всё про всё у нас три часа. Сейчас два часа дня. В полтретьего выступаем. К половине шестого должны выйти обратно. Максимальная дальность погружения – пятьсот метров. Если больше – сами попадём в карантин, знаешь ведь.

Егор поёжился, покосившись в ту сторону, где за фургонами располагался закрытый участок лагеря, в котором хозяйничали фээсбэшники, как спецы, так и медики. Сегодняшняя семья уже проходила там осмотр. Их не выпустят, пока не убедятся, что признаков изменений в организмах нет. Если же такие найдут, про семью можно забыть. Старшина сглотнул. Будучи втянут во всё ещё со дня Инцидента, он всякого успел насмотреться. Пару раз хотелось пустить себе пулю в лоб. Но больше руки чесались поубивать всех этих спецов от ФСБ, Нацгвардии, МВД и прочих контор. Было за что. Перепетько медленно выдохнул, глянул на Маринку, занятую какими-то колбами, и сказал:

– Жду у контрольного. Нормально собирайтесь. Снаряжение проверю, сама знаешь.

– Всё, иди, иди, – отмахнулась девушка.

В палатке, где обитали Егор и его ребята, старшина безмолвно проверил и поправил всю свою сбрую, нацепил за спину «рюкзак десантника» литров на десять, загруженный самым необходимым от аптечки до кострового набора, добавил на пояс для спокойствия второй нож в потёртых ножнах, уже не военного образца, а скорее охотничий, и на несколько мгновений застыл. Его взгляд прилип к одиноко лежа-

щему на тактическом столе ручному гранатомёту Росгвардии ГМ-94. Очень захотелось взять его с собой, до одури, словно от этого зависела его жизнь. Но Егор одёрнул себя. В прошлый выход взял на свою голову. А толку пшик. Что-то в Зоне не даёт породиться открытому огню. Даже пистолеты, автоматы и винтовки потеряли часть убойной силы. Но для этого оружия – не критично. А вот гранаты там просто не срабатывают. И зажигалки не работают. Никакие. Кто-то из научных предположил, что, если бы не это, пыль давно бы сдетонировала – она словно порох. Много там странного. А в прошлый выход на них напала небольшая стая одичавших собак. Егор хотел отстреляться от них из этого самого ГМ, да не получилось. Пришлось отбиваться чем попало. Усмехнувшись, Егор тут же отстегнул второй нож, а вместо него закрепил на поясе чехол с сапёрной лопаткой. Так оно вернее будет. Попрыгав, проверил шумность. Нормально, в рамках дозволенного. И пошёл к контрольно-пропускному пункту эваколагеря со стороны въезда от Находки.

Ждать учёных пришлось дольше назначенного. Когда стало понятно, что они могут и в три часа не выйти, старшина решил, что через десять минут отменит выход – возвращаться после шести опасно вдвойне. Мало ли что. Там и так темно, в этой Пелене. А в вечерних сумерках и ночью Зона смертельно опасна, если судить по рассказам тех, кого оттуда выводят до сих пор его коллеги-погранцы.

Они таки успели появиться. И Егор укоризненно высказал Маринке и Михалычу, седому бородатому дядьке богатырского сложения, свои претензии. На молодого парня, носящего громкую фамилию Тронштейн, старшина демонстративно не обратил внимания. И зря. Сеня спокойненько так сказал, когда Егор закончил свою мысль об опоздавших:

– Ну вот видите, Егор, у вас было столько времени придумать такую замечательную пламенную речь.

Перепетько уставился на парня взглядом рожающей жабы, осознал собственное сравнение и невольно заржал. На что Арсений тоже

улыбнулся. Это не снизило между ними накал неприязни, но послужило поводом к временному затишью холодной войны. Всё-таки люди делом заняты. Внимательно осмотрев рюкзаки и снаряжение научных, Егор довольно покивал Михалычу. Явно его заслуга, что всё так хорошо упаковано и не болтается где, что и как попало. Экспедиция тронулась в путь по дороге в сторону города и моря. И Пелены. Таблетка в ухе, шедшая на пару с тактическим ларингофоном, оповестила Егора голосом Генки:

– Товарищ старшина, всё тихо.

Его бойцы были предупреждены заранее, что командир с ними разговаривать не будет, но доклады намерен слушать каждые пять минут. Рапорта три спустя четверо путников спустились по петляющей дороге до границы Зоны. Голубое осеннее небо над головой уже напирало предвечерней глубиной, но опасений пока Егору не внушало. Лес вокруг, по склонам сопки, также был спокоен и тих. Вот всё бы ничего, но Пелена... Егор жестом остановил спутников, а сам подошёл к стене странного дрожащего воздуха, наполненного, словно туманом, коварной взвесью мельчайшей чёрной пыли. Постояв так минут пять, едва не уткнувшись носом в Пелену, Егор наконец махнул рукой, подзывая научных, а сам сноровисто нацепил на лицо армейский респиратор и антипылевые очки. Девушка, бородач и парень последовали его примеру. Кинув внимательный взгляд назад, туда, откуда они пришли, Егор спокойно шагнул в другой, чуждый людям мир, своим появлением так напугавший больше двух месяцев назад не то что Приморье и всю Россию, но и половину земного шара.

Мир вокруг мгновенно из цветного праздника осени превратился в монохромно-тёмное пространство. Видимость существенно сократилась метров до ста, и то не факт. Глухой голос Марины за спиной заставил ускорить шаг:

– У нас мало времени. Идём.

Всё вокруг было покрыто мельчайшей пылью чёрного цвета. Да и сам воздух словно пропитался этой же дрянью. Путники почти мгновенно покрылись тонким слоем угольной дряни. Егор почти услышал, как захрипел ре-

спиратор, ограждая его лёгкие от смертельной опасности силикоза. Все четверо двинулись по дороге вглубь поражённой территории.

Они провели в Зоне около двух часов, успев за это время набрать образцов растительности, пусть и пожухлой, а также воды из пары овражных ручьёв и воздуха, который набирали до смешного просто: Арсений поводит пробиркой, закупорит её, а потом, метров через сто пути, – снова. И так раз пять или шесть, с пометками прямо на стекле. Рутину, в общем, всё, как и хотели учёные, выбрав именно Егора в проводники. Уже на обратном пути неугомонный парень ляпнул:

– Всё, закончили, сейчас выйдем и...

– Заткнись! – прошипел Егор, чувствуя шкуркой, как потяжелело небо, словно что-то начало концентрироваться над ними. Опять... Опять этот недоносок сглазил! Как в прошлый раз, когда стая собак на них выскочила. Старшина скомандовал: – По дороге бегом!

Маринка и Михалыч подорвались вперёд. До границы Зоны оставалось всего ничего – метров сто. А вот Арсений заартачился:

– Вы меня не затыкайте, старшина!

Тем временем тяжесть на нервах военного сконцентрировалась до остроты взгляда, не враждебного, нет. Взгляда препаратора, прикидывающего, с какой стороны подступиться к телу. Без лишних слов Егор схватил парня за шкуру и потащил за собой, хоть тот и пытался что-то вякать и трепыхаться. Уже метрах в пяти от границы он услышал сдавленный вопль молодого учёного. Внезапно Арсений словно взбесился, вырвался из пальцев старшины и в пару гигантских прыжков выскочил из зоны. Егор мгновенно последовал за ним. И уже снаружи замер, всматриваясь в Пелену. За его спиной шумно выдохнул малой, сняв маску и очки. Дрожащий голос парня заставил старшину развернуться и уставиться на него:

– Ни черта себе жуть какая...

– Что ты видел? – Взгляд Егора заставил Тронштейна сглотнуть. Парень словно нехотя сказал:

– Не знаю, старшина. Но оно было большим. И с глазами...



– В смысле? – не понял Егор.

– Знаешь, там всё тёмно-серое. А эта штука была почти чёрная, как силуэт. И два чернющих прицела.

Егор кивнул Арсению и застыл, вновь посмотрев на Пелену. Вокруг осенний день явно задумался о вечере. Но до сумерек ещё было время. Что же такое увидел Арсений? Не верить парню у Егора резона не было. Он, конечно, сволочь и хам, но не трепло – профессия обязывает всегда стоять за факты, отчего Арсений и наехал в прошлый раз за суеверия на Егора. Что в итоге вылилось в перепалку и нагрывшую стаю собак. Старшина переглянулся с Михалычем. Тот спокойно усмехнулся, отчего усы и борода шевельнулись, и сказал:

– Будем разбираться. Не бойсь.

И только теперь Егор обратил внимание на внешний вид спутников. Они словно побывали в шахте. Тонкая чёрная полоса пересекала лицо каждого. Волосы тоже оказались покрыты чёрной пылью. А борода Михалыча теперь выглядела привычно-пегой до середины шеи, а вот ниже, где уже не было респиратора, оказалась чёрной. Одежда также стала угольной. И кисти рук. Усмехнувшись, Егор несколькими движениями стряхнул с себя часть пыли, попрыгал в надежде, что ещё сколько-то просто осыплется. Учёные последовали его примеру. Минут через десять они всё-таки двинулись вверх по дороге, на перевал.

На подступах к КПП, выслушав очередной доклад своего поста о состоянии дел, старшина остановился и посмотрел туда, где ещё недавно можно было увидеть портовый город. Теперь там плотным слоем тёмной Пелены возлежала Зона. Моря видно не было – всё та же Пелена, сверху выглядящая плотным одеялом, под которым схоронилась Находка. Говорят, на воде граница Зоны идёт не только в воздухе, но и в море до самого дна. На месте мыса Астафьева из Пелены торчал горб, или купол, всё той же дряни, что затопила сам город, устье реки Сучан и некоторые окрестности. Так мог бы выглядеть фонтан – словно именно там происходил выброс в наш мир той субстанции, что проглотила Находку.

Егор пожал плечами. Вроде бы ничего нового. Вон и горы местные на виду. Брат с усечённой макушкой и остроконечная Сестра. Уж их-то Пелена не смогла накрыть – высоковаты. И тут старшина застыл, уставившись на то, что зацепил его взгляд за Сестрой, в районе бухты Врангеля. Там над тёмно-серым покрывалом Зоны вырос небольшой, но знакомый холмик серой дряни. Это что же? Второй эпицентр образовался?! Егор сглотнул. Так вот почему размер Зоны увеличился. Пыли стало больше... Значит, правы были те, кто кричал летом, что во всём виноваты угольщики? Да нет, не может быть... Егор потрянул головой. Маринка, стоявшая рядом, дёрнула его нетерпеливо за рукав:

– Чего встал, пошли! Надо образцы сгруппировать.

Егор молча указал рукой на новое образование. Девушка сначала не поняла, что к чему, но уже через несколько секунд ахнула. И только дробный топот шагов возвестил, что аспирантка со всех ног бросилась к своим – рассказать о происходящем. Через несколько минут к так и не сдвинувшемуся с места старшине подошёл лейтенант. Богатиков просто встал рядом и уставился в ту же точку. А через полминуты сказал:

– Семейку помнишь? Что сегодня вышли.

– Что с ними? – отозвался Перепетько.

– У младшего час назад слизистые почернели.

– Твою же... – выругался старшина.

– Ага, – выдохнул лейтенант. – Их уже увезли, всех пятерых.

Двое военных так и стояли на перевале, глядя в сторону Зоны. О чём каждый из них думал, не смог бы догадаться никто. А через несколько минут оба не сговариваясь развернулись и пошли в лагерь. Тёмно-серое полотно там, где недавно был город у моря, медленно колыхалось и струилось само в себе, словно нечто живое и странное. Даже страшное. У этих троих, двух военных и Зоны, появилось нечто общее. Возможно, знание. О том, что всё только начинается.

**Василий ТАРАСЕНКО**



## ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ

# НОВОДВОРСКАЯ (СУРАЖСКАЯ) И «СПАСИТЕЛЬНИЦА УТОПАЮЩИХ»

Две святыни одного города. Чудотворные иконы Богородицы Новодворская (Суражская) и «Спасительница утопающих» (Леньковская)

На Украине, в Черниговской области, есть небольшой городок Новгород-Северский с населением 14 тысяч человек. Город древний, основан в 989 году. Здесь в старинном, с тысячелетней историей, Спасо-Преображенском монастыре пребывали сразу две чудотворные иконы Божией Матери – Новодворская (Суражская) и «Спасительница утопающих» (Леньковская). День празднования обоим этим образам – 2 января (20 декабря по старому стилю).

Первообраз Новодворской иконы Божией Матери был написан святителем Петром, митрополитом Московским, предположительно,

в 1320 году. Будучи ещё иеромонахом монастыря на Волыни, по благословию игумена св. Пётр оставил обитель в поисках уединённого места. На реке Рати, близ урочища, которое называлось Новый Дворец (отсюда и название Новодворской иконы), он поставил келью и стал подвизаться в безмолвии. Впоследствии на месте его подвигов образовался монастырь, названный Новодворским.

После подписания Брестской унии (1596), во время гонения от униатов, которые разграбили Новодворский монастырь, святая икона была принесена неким иеромонахом Иаковом в Черниговский Елецкий Свято-Успенский монастырь. 14 августа 1677 года образ был перенесён крестным ходом из старого храма в новый,



при этом явлены многочисленные чудесные знамения. Святитель Димитрий Ростовский, прибывший в это время на поклонение чудотворному образу, рассказывал, что епископ Целерский Никодим после литургии 16 августа оглашал перед собравшимися верующими эти чудеса.

В 1720 году по благословению архиепископа Черниговского Антония (Стаховского) иеромонах Симеон (Лущинский) и полковник Афанасий Есимонтовский основали Благовещенский мужской монастырь при новоучреждённом городе Сураже Черниговской губернии, за рекой Ипутью. Преосвященный Антоний отдал Новодворскую икону строителю обители иеромонаху Симеону, и её поставили в соборном храме. В 1786 году Благовещенский монастырь в соответствии с указом императрицы Екатерины II упразднили, его деревянный Благовещенский храм был перенесён в город Сураж и стал приходским, а чудотворную Новодворскую икону передали в Новгород-Северский Спасо-Преображенский монастырь. Для Суражского храма была написана копия святыни, которая находилась на левой стороне иконостаса в старинном серебряном позолоченном киоте и очень почиталась прихожанами. (В годы революции церковь варварски уничтожили, на её месте сначала была танцплощадка, а позднее – аттракцион городского парка. И только в 2004 году в г. Сураже Брянской обл. был построен новый каменный Благовещенский храм.)

Последнее место пребывания явленной Новодворской иконы, Новгород-Северский Спасо-Преображенский монастырь, – один из первых в Киевской Руси, оплот православного христианства, очаг просвещения и культуры; предположительно, был основан в 1033 году князем Мстиславом, сыном святого равноапостольного князя Владимира.

Первообраз святой иконы в годы революционного лихолетья бесследно исчез. В 1918 году Спасо-Преображенский монастырь был закрыт, Свято-Троицкий храм разрушен, разорено монастырское кладбище, на котором покоились многие политические и культурные деятели. Часть территории обители превратили в го-

родской парк со стадионом и аттракционами. Во время Великой Отечественной войны в этом святом месте фашисты устроили концлагерь для советских военнопленных, возле стен монастыря похоронено более 20 000 замученных и расстрелянных. В 1956–1985 годах на территории монастыря действовал специнтернат для душевнобольных. Первые серьёзные реставрационные работы в монастыре были проведены к 900-летию Новгород-Северского княжества, некоторые здания воссозданы из руин. Средства на это выделил тогдашний президент Украины Леонид Кучма, уроженец Новгород-Северского района. В 1999 году обитель была передана Церкви, началось возрождение монашеской жизни. На освящении монастыря в 2004 году присутствовали президенты России, Белоруссии и Украины. В дар обители был передан список XVIII века с Новодворской иконы.

После революции одним из иноков упразднённого Спасо-Преображенского монастыря древний список с чудотворного Новодворского образа был перенесён в г. Нежин. В 1997 году он передан в местную Крестовоздвиженскую церковь. Человек, принёсший эту икону, рассказал, что несколько раз видел во сне принадлежащий ему святой образ в сиянии. От иконы раздавался голос, который просил отнести её в храм. Вскоре этот образ стал одной из самых почитаемых святынь города.

Особо чтимая древняя копия с Новодворской иконы находилась в Каменском Успенском женском монастыре Новозыбковского уезда Черниговской губернии (ныне Климовский район Брянской области). Эта обитель была основана в 1687 году иеромонахом Ионой (Волховским). Архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович) дал в благословение новоустроенной обители свою келейную Новодворскую икону Божией Матери, списанную с первообраза. Самое известное чудо, произошедшее здесь, описано в книге Евгения Поселянина «Богоматерь. Описание Её земной жизни и чудотворных икон». «В 1889 году, 26 июня, над Каменским монастырем разразилась сильная гроза, сопровождавшаяся оглушительными раскатами грома и ослепительным блеском молнии. Удар



молнии разразился с особенной силой над куполом Успенской церкви этой обители. Высокая вершина храма мгновенно была объята пламенем. В храме же в это время совершался акафист перед чудотворной Новодворской иконой. Когда последовал удар грома, все присутствовавшие в церкви были поражены необычайным происшествием. Огненное пламя молнии спустилось по цепи паникадила с вершины храма, затем направилось к помещающейся над царскими вратами иконе Успения Богоматери. Образ был превращен силой удара в щепы. От царских врат удар молнии направился к Новодворской иконе Богоматери. Стоявший перед образом священник осыпан был огненными искрами, а покрывало перед образом совершенно сожжено огнем. И здесь-то обнаружилось особенное благоволение Владычицы к Своему пречистому образу. Последний, к удивлению всех присутствовавших, нисколько не был поврежден ни ударом, ни пламенем. Затем удар, как бы оттолкнутый невидимой силой от образа, направился в массивную толстую стену храма и устремился из храма с такой силой, что стоявшие в храме, придя в себя от изумления, увидели в стене громадную пробоину от взрыва молнии. Пожар в куполе между тем продолжался. Инокини обители в беспомощном отчаянии и с великим плачем смотрели на то, как

огненная стихия распространяется все больше и больше. Значительная высота купола не давала применить что-либо для защиты церкви от пламени. Но Божественное благоволение и небесный покров Владычицы спасли обитель от бедствия. Точно по мановению какой-то невидимой руки раздувавший пламя ветер стих, наступила тишина, и огонь начал понемногу уменьшаться, пока совершенно не угас. Все бывшие при этом чудесном событии во всем происшедшем увидели явное знамение покровительства Пресвятой Богородицы. В воспоминание этого события в Каменском монастыре ежегодно 26 июня, то есть на третий

день после храмового праздника, совершается крестный ход вокруг обители с Новодворской иконой Богоматери».

Каменский Успенский монастырь был закрыт в 1928 году решением Брянского губисполкома. Постепенно каменные здания и монастырскую ограду стали разбирать для строительных нужд г. Новозыбкова. Сейчас монастырь почти полностью разрушен, на его территории расположен поселок Забрама. Однако Пресвятая Богородица не оставила этого святого места. Несколько лет назад на стене ветхой колокольни чудесным образом возникла фреска с ликом Богоматери, по словам местных жителей, образ Пречистой Девы и голубой фон вокруг него с каждым годом проступают все ярче.

Чудотворный древний список Новодворской иконы чтился также в Свято-Троицком женском монастыре в Курске. Через века дошло до наших дней предание о том, как в Троицкую обитель пришла странница и со слезами пала ниц перед образом Богородицы. Внезапно на глазах у сестёр обители Новодворская икона сама чудесно опустилась к паломнице, которая тут же исцелилась от мучившей её тяжёлой болезни. Женщина рассказала, что она увидела во сне эту икону, когда уже потеряла надежду на выздоровление. Богоматерь обещала болящей Свою помощь, если та найдёт Её образ,



явленный в сонном видении. Обетование исполнилось, когда, обойдя пол-России, странница склонилась перед Новодворской иконой в Курске. После этого чудесного события в честь Новодворской иконы освятили новую церковь, построенную в 1836 году.

В 1923 году Троицкий монастырь был закрыт большевиками, сёстры насильственно разогнаны или вывезены, имущество разграблено. Чудотворную икону перенесли в Сергиево-Казанский кафедральный собор. (Ежегодно около ста бывших насельниц обители в день празднования Новодворской иконы собирались в кафедральном храме, где специально служилась литургия в честь чтимого образа.)

В стенах разорённой Троицкой обители был устроен лагерь принудительных работ, в кельях содержались заключённые. Позднее здесь долгое время располагался областной архив. В Новодворской церкви до 2006 года находилась библиотека для слепых. Ровно 70 лет обитель пребывала в запустении и поругании. В 1993 году часть храмового комплекса, а в 1994 году и два каменных корпуса были возвращены Церкви. В них разместились классы и церковь Курской духовной семинарии. Немного позже появились первые насельницы, и монастырь стал оживать. До его открытия дожила последняя из старых монастырских матушек монахиня Сергия (Сухочева), которая много лет служила алтарницей в Сергиево-Казанском соборе. Благодаря её стараниям чудотворную Новодворскую икону возвратили в обитель; сама матушка Сергия стала одной из первых насельниц возрождающегося монастыря.

В Москве есть единственный список Новодворской иконы – в церкви святых мучеников Адриана и Наталии. В дар храму его принесла в 1969 году прихожанка Е. М. Соколова. По рассказу Елены Михайловны, её предок, турок Ахмед Оглу, попал в плен во время Русско-турецкой войны. Он остался в России и принял православие. Его крёстный отец чудесным образом обрёл этот список и передал новообращённому христианину. Икона находится на южной стене храма, слева от входа в притвор для святой воды.

Новодворская икона почиталась в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре наряду с другим чудотворным образом Пресвятой Богородицы – «Спасительница утопающих» (Леньковская).

По преданию, икона Божией Матери «Спасительница утопающих» была обретена на опасном водовороте реки Десны у села Леньково, неподалёку от Новгорода-Северского, в 1751 году. Очень часто в этот водоворот попадали баржи, гружённые хлебом, и становились добычей пучины. Даже опытные пловцы не решались переплыть этот водоворот. И вот однажды на опасном месте явилась икона Божией Матери и приплыла к берегу реки. Верующие сначала с благоговением поставили образ на горе, напротив гибельного места, а через некоторое время выстроили в селе Ленькове храм в честь Собора Пресвятой Богородицы. С тех пор плывшие по реке Десне обычно останавливались у села Ленькова и заходили в церковь. После усердной молитвы перед образом Богородицы они бросали жребий, кому оставаться на барже кормчим и плыть через опасное место, остальные же шли по берегу, пока не минуют водоворот. Замечено было, что со времени явления иконы Божией Матери несчастия с пловцами стали случаться реже, а вскоре и вовсе прекратились. Были явлены от иконы и другие чудеса. К началу XVIII века икона была перенесена в Новгород-Северский Спасо-Преображенский монастырь, где находилась до Октябрьской революции. Дальнейшая её судьба неизвестна.

Сейчас в обители чтится древний точный список Леньковской иконы. 22 мая 2003 года состоялось освящение храма в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость» – подворья Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря при СИЗО № 32. После освящения храма благочестивый христианин С. В. Бабушкин подарил настоятелю Спасо-Преображенской обители древний список с Леньковской иконы Божией Матери, который ныне прославился многими чудесами не менее явленного.

**Татьяна НИКИТИНА**



## ЗАСЛУЖЕННЫЕ НАГРАДЫ

Конец трудного «пандемийного» года порадовал обилием наград, которые получили сотрудники редакции журнала «Александр».

Так, в завершение сельскохозяйственных работ традиционно проводится Всероссийская агропромышленная выставка «Золотая осень». На подведении итогов XXIII выставки 8 октября сразу три научных труда («Управление экономическим поведением агропредприятий», «Экономический рост в сельском хозяйстве: факторы генерации и механизмы обеспечения» и «Цифровые и проектные ориентиры трансформации экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов аграрной сферы»), автором которых является доктор экономических наук, главный редактор журнала «Александр» Анатолий Труба, были удостоены медалей: двух золотых и одной серебряной. Стоит отметить, что больше в этом году тремя медалями не был награждён ни один учёный.

Символично, что ещё две награды были получены в один день, 25 ноября.

В 15 часов в Сергиевском зале кафедрального соборного храма Христа Спасителя в Москве состоялось торжественное вручение дипломов и памятных призов лауреатам XVI открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу». Конкурс проводится по благо-

словению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Организатор – Издательский совет Русской православной церкви при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

В номинации «Лучшее издание по истории Русской Православной Церкви в XX веке и казачеству» дипломом третьей степени были награждены АНО «Социальный центр "Александр"» (издательство журнала «Александр») и главный редактор Анатолий Труба за книгу «Казачи и духовенство Тамбовщины в годы Великой Отечественной войны».

В этот же день в 18 часов были подведены итоги всероссийского конкурса молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы, «Вызов – XXI век» 2021 года. В номинации «Вызов – портрет современника» первое место занял администратор сайта Кирилл Труба за серию публикаций о друзьях журнала «Александр» Александре Тихонове и Никасе Сафронове. Кирилл был награждён золотой медалью и дипломом первой степени.

Вот такая «золотая осень» получилась в 2021 году.

**Александр СЕРГЕЕВ**





**«АЛЕКСАНДРЪ»**

 **alexlib.ru**